

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

В.И. Семанов

**ИЗ ЖИЗНИ
ИМПЕРАТРИЦЫ
ЦЫСИ**

1835 – 1908

Издание 2-е, исправленное и дополненное

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1979

9(M)32
СЗО

Ответственный редактор Л. П. ДЕЛЮСИН

С 10605-214 95-79. 0506000000
013(02)-739

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1979.

OCR и вычитка – Aspar, 2009. Постраничная нумерация сносок заменена сквозной.

Семанов В. И.

С 30 Из жизни императрицы Цыси. 1835—1908. Изд. 2-е, испр. и доп. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1979. 172 с.

Жизнь императорского двора в Китае, окруженная особой тайной, оставалась за сенью печатями вплоть до начала нашей эпохи, пока не была свергнута монархия. На последнем этапе Цинской (маньчжурской) династии немалую роль в жизни страны играла жестокая, хитрая и сластолюбивая Цыси, бывшая наложница, ставшая всесильной императрицей. Ее полувековое царствование наполнено интригами, переворотами, убийствами, расправами над народными восстаниями. Все эти события отражены в исторической, мемуарной и художественной литературе, на которой основана настоящая книга.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

ЦЫСИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

ЮНОСТЬ

ОРХИДЕЯ ПОПАДАЕТ ВО ДВОРЕЦ

ОСЧАСТЛИВЛЕННАЯ НАЛОЖНИЦА

ПОЯВЛЕНИЕ НАСЛЕДНИКА

СМЕРТЬ ИМПЕРАТОРА СЯНЬФЭНА

РАСПРАВА С СУ ШУНЕМ И ЕГО СТОРОННИКАМИ

ЦЫСИ И ТАЙПИНСКОЕ ВОССТАНИЕ

ПАДЕНИЕ АНЬ ДЭХАЯ

ЖЕНИТЬБА И СМЕРТЬ МОЛОДОГО ИМПЕРАТОРА

УБИЙСТВО ИЛИ САМОУБИЙСТВО?

КАК ГУАНСЮЯ ВОЗВОДИЛИ НА ПРЕСТОЛ

ОТРАВЛЕННЫЕ ПИРОЖНЫЕ

УСТРАНЕНИЕ КНЯЗЯ ГУНА

ЖЕНИТЬБА ГУАНСЮЯ И «ОТСТАВКА» ЦЫСИ

ВО ВРЕМЯ ЯПОНО-КИТАЙСКОЙ ВОЙНЫ

РАЗГРОМ РЕФОРМАТОРОВ И ЗАТОЧЕНИЕ ГУАНСЮЯ

ГИБЕЛЬ НАЛОЖНИЦЫ ЧЖЭНЬ

ЖЕРТВЫ СОБЫТИЙ 1900 ГОДА

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ

«РАНЬШЕ ЕГО Я НЕ УМРУ!»

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА

НАСТОЯЩИЕ И ФАЛЬШИВЫЕ ЕВНУХИ

ИСКУССТВО, ИНОСТРАНЦЫ, ТИТУЛЫ И ДРУГОЕ

СОПРОТИВЛЕНИЕ ИМПЕРАТРИЦЕ

БИБЛИОГРАФИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Период правления маньчжурской императрицы Цыси (половина XIX — первое десятилетие XX века) — это время, когда в судьбах Цинской империи, китайского общества, всего китайского народа происходили серьезные, кардинальные перемены, когда складывавшийся веками порядок, старые, традиционные отношения трещали и ломались под воздействием военного и политического давления империалистических держав, под влиянием новых веяний, новых идей.

Первая и вторая «опиумные» войны (1840—1842, 1856—1860), великое движение тайпинов (1850—1864) вскрыли слабость и порочность системы монархического правления, политическую и экономическую отсталость китайского государства. Маньчжурская знать не сумела извлечь надлежащих уроков из совершившихся событий. Заключив мир с Англией и подавив тайпинское восстание, цинский двор оказался неспособным понять и оценить сущность тех изменений, которые произошли в международном и внутривластном положении китайской империи. В то время как правящие круги соседней Японии стремились путем социальных и политических реформ войти в общее русло мирового развития, консервативные правители Китая продолжали отстаивать старые порядки, сохранение которых представлялось им основной гарантией поддержания своего господства над китайским народом. Понадобились новые удары внешних и внутренних сил, чтобы Китай постепенно стал переходить на путь социально-исторического развития, приведший в конечном счете к крушению династии Цин, к ликвидации монархического строя в Китае.

Смертный приговор династии Цин, по существу, был подписан уже в период тайпинского восстания, но приведен в исполнение только в 1911 году в результате победы Синхайской революции.

Знакомство с жизнью Цыси — фактически последней императрицы феодального Китая — позволяет лучше представить себе внутреннюю обстановку пекинского двора, глубже понять социальные и психологические причины, лежавшие в основе консервативной политики правящих кругов того времени. Цыси вышла на арену активной деятельности после поражения Китая во второй «опиумной» войне, в результате которой ему были навязаны неравноправные договоры, усилившие зависимость страны от капиталистических держав Запада. Политика «закрытых дверей», проводимая маньчжурскими правящими кругами, оказалась бесперспективной. В безвозвратное прошлое уходила эпоха самоизоляции Китая, его отгороженности от внешнего мира.

Неудачи в военных столкновениях с западными державами по-разному воспринимались различными слоями китайского общества. В высших сферах продолжали господствовать традиционные представления о превосходстве Китая над Европой, но и там начали понимать необходимость укрепления военной мощи страны. Группировавшиеся вокруг Цыси маньчжуро-китайские бюрократы выдвинули идею «самоусиления» государства, суть которой состояла прежде всего в повышении боевых качеств армии, ее модернизации на западный лад. Армия должна была не только обеспечить безопасность страны от агрессивных действий западных держав, но и подавлять антиправительственные выступления народных масс. Вынужденные силой обстоятельств начать кампанию за изучение и освоение технических новшеств Запада, чтобы иметь возможность «обуздать и усмирить западных варваров», идеологи политики «самоусиления» одновременно защищали традиционные политико-этические устои конфуцианского Китая, которыми они не хотели поступиться ни на йоту, опасаясь, что отход от традиционных норм поколеблет основы монархического строя.

Противники политики «самоусиления», возражая против использования технических достижений капиталистического Запада, утверждали, что сила государства зависит не столько от оружия, сколько от чистого духа и высокой морали народа. Исходя из конфуцианского учения, эти консерваторы доказывали, что человек сильнее оружия и что войны выигрываются не столько благодаря преимуществу в военной технике, сколько благодаря духовному и моральному превосходству. В этом споре Цыси, будучи на стороне консерваторов, в то же время не мешала сторонникам нового курса создавать военную промышленность. Чтобы не вызывать недовольства западных держав, цинский двор всячески подчеркивал, что политика «самоусиления» китайского государства направлена на поддержание внутреннего порядка, на подавление народных мятежей и бунтов.

Курс на «самоусиление» имел противоречивый характер: с одной стороны, он способствовал росту промышленности Китая, с другой — замедлял процесс социально-экономического развития страны, так как ограничивал его бюрократическим контролем, неизбежным спутником которого была коррупция. Как правильно отмечает О. Е. Непомнин, «политика „самоусиления“, которую правящие круги Китая проводили в 60—90-х годах... субъективно основывалась не на принятии капитализма, а, наоборот, на боязни последнего»¹. В то же время «при всей своей отсталости и противоречивости, при сохранении феодально-монополюльных черт и т.д. этот искусственный и вынужденный государственный капитализм создал почву для становления более высокой формы — смешанного казенно-частного предпринимательства»², что стимулировало развитие тяжелой промышленности и формирование крупной буржуазии в Китае.

Цинская монархия пыталась использовать силу государственного вмешательства и надзора для предотвращения развития капиталистических отношений и логически вытекающих из них буржуазных форм правления. Это, естественно, серьезно замедляло темпы преодоления экономической отсталости Китая, мешало быстрому и эффективному возрастанию военной мощи страны.

Франко-китайская война 1884—1885 годов еще раз продемонстрировала неспособность цинского двора защищать интересы своего государства. Неблагоприятный исход этой войны вызвал возмущение в различных кругах китайского общества, ускорил вызревание патриотических чувств и настроений, что, в свою очередь, способствовало становлению и развитию патриотического движения.

Рост национального самосознания политической активной части китайского общества был ускорен военным поражением Цинской империи в японо-китайской войне 1894—1895 годов. Тот факт, что Китай вынужден был снести унижение не от европейского, а от азиатского государства, был воспринят китайской общественностью болезненно. Проигрыш в японо-китайской войне стимулировал поиски тех средств, которые помогли бы покончить с военно-экономической отсталостью Китая.

В этот период в Китае почти одновременно складываются два оппозиционных течения: реформаторское, возглавляемое Кан Ювэем, и революционное, вдохновителем и организатором которого стал Сунь Ятсен. Общая цель этих движений состояла в коренной перестройке политической системы Китая, создании условий для его перехода на путь капиталистического развития, превращения страны в сильное и богатое государство.

Реформаторы развернули активную деятельность после заключения в 1895 году унизительного мира с Японией. Они выступали за ограничение императорского деспотизма и введение конституционной монархии, предлагали отказаться от многих традиционных установлений, норм и обычаев, приверженность к которым ослабляла Китай перед капиталистическими державами Запада и Японией.

Кан Ювэй и его сторонники, отражая интересы молодой китайской буржуазии, осуждали политику чрезмерного государственного вмешательства в экономическую жизнь и высказывались за поощрение свободного частного предпринимательства. Усиление позиций Китая на международной арене было, по их убеждению, невозможно без освоения научно-технических достижений капиталистического Запада, а также его социально-политических идей и институтов. Программа реформаторов имела прогрессивный характер и, несмотря на свое промонархическое содержание, объективно расшатывала устои монархического правления, подрывала основы маньчжурского господства в Китае.

Противники реформ опирались на поддержку Цыси, которая в проектах реформаторов, чьим покровителем был император Гуансюй, увидела угрозу не только традиционным устоям самодержавного строя, но и опасность ослабления своей личной власти. Движимая страхом за свою судьбу, старая императрица приняла энергичные меры

¹ О. Е. Непомнин. Экономическая история Китая. М., 1974, с. 176.

² Там же, с. 185.

по ликвидации реформаторов и изоляции императора. Эти драматические события красочно описаны в предлагаемой читателю книге.

Кровавая расправа с реформаторами и отстранение от власти Гуансюя на время укрепили позиции Цыси, но не смогли уничтожить корни социального и национального недовольства в китайском обществе.

На рубеже XIX и XX веков все большую мощь набирает революционное движение, руководимое Сунь Ятсеном. В его орбиту постепенно втягиваются многочисленные группы китайской интеллигенции, офицерства, буржуазии, помещиков. Это движение постепенно превращается в реальную силу, угрожающую самому существованию маньчжуро-китайской деспотии.

Наряду с ростом революционных настроений, со стремлением патриотов создать антимоноархические организации в стране действуют и конституционно-монархические группы, выступающие с легитимистских позиций против произвола Цыси и за восстановление власти Гуансюя, общей чертой этих разнородных сил является желание сохранить национальную независимость страны, предотвратить раздел Китая империалистическими державами. Цыси и ее приближенные, питавшие ненависть к иностранцам, в то же время своей политикой попустительствовали все более глубокому проникновению империалистических держав в Китай. Деятельность иностранных коммерсантов, фабрикантов, миссионеров вызвала гнев и возмущение и в верхах, и в низах китайского общества. Сначала крестьяне, ремесленники, городская и сельская беднота всю вину за ухудшение своего экономического положения, за национальное унижение страны возлагали на маньчжурскую династию, а затем, под влиянием консервативных шэньши и служителей религиозного культа, возглавлявших тайные союзы и секты, острее своей ненависти повернули против иностранцев. В конце XIX века в Северном Китае одно за другим вспыхивают антииностранские выступления масс, которые, разгораясь, превращаются в мощное восстание ихэтуаней.

Н. М. Калюжная дает следующую характеристику этому выступлению: «Движение ихэтуаней, направленное главным образом против империалистического гнета, было справедливой борьбой масс, героизм и патриотизм повстанцев заслуживают глубокого уважения... По форме антиимпериалистическое движение было стихийным и неорганизованным; идеология повстанцев, пропитанная мистицизмом и суеверием, во многом носила реакционный характер, что отталкивало от движения наиболее передовых и образованных представителей китайского общества, понимавших, что для создания сильного и независимого государства необходимо прежде всего уничтожить цинскую монархию»³.

Цыси и ее двор вначале с опаской и настороженностью взирали на действия повстанцев, затем попытались использовать эти стихийные силы для отпора натиску иностранных держав. «Анти-иностранная платформа ихэтуаней, провозглашение ими процинских лозунгов, консерватизм и религиозность создали предпосылки для союза повстанцев с правительством Цыси», — пишет Н. М. Калюжная⁴. Этот союз народных масс со своими палачами и угнетателями, наиболее отвратительной представительницей которых была Цыси, продолжался недолго. Как только иностранные державы развернули вооруженную интеграцию, Цыси и маньчжуро-китайские бюрократы бросили повстанцев на произвол судьбы и не только перестали им помогать, но и начали их жестоко преследовать. Стремясь обелить себя в глазах иностранных держав, войска которых в августе 1900 года захватили Пекин, Цыси, бежавшая в Сиань, всю вину за антииностранные выступления переложила на руководителей союза «Ихэтуань». В ходе движения ихэтуаней Цыси до конца обнаружила свой мерзкий облик. Ее самодурство, лицемерие и трусость проявились в этот период с особой силой. Не сумев нанести удар по ненавистным ей иностранцам с помощью повстанческих отрядов ихэтуаней, Цыси

³ М. Калюжная. Восстание ихэтуаней (1898—1901). Историография. М., 1973, с. 17.

⁴ Там же, с. 7.

обрушила на последних кровавые репрессии. Жестокой расправой с повстанцами Цыси рассчитывала снискать расположение иностранных держав и сохранить свою власть. Ее политика в этот период способствовала дальнейшему закабалению Китая, закреплению его зависимого положения на международной арене, а расплачиваться за реакционную политику Цыси был вынужден китайский народ.

Поражение ихэтуаней, наглядно продемонстрировавшее тупость и слабость правящих кругов цинского Китая, их неспособность поддержать честь и достоинство китайской нации, их неумение оградить страну от посягательств извне, ускорили рост национально-демократического движения, способствовали расширению его рядов.

Общенациональные и общедемократические требования китайского народа в тот период лучше всего выразил китайский революционер Сунь Ятсен, благодаря энергичным усилиям которого антиманьчжурская деятельность китайских патриотов обрела организованный и целенаправленный характер.

В процессе обострения социально-политического и национального кризиса, который выразался не только в умножении рядов недовольных политикой цинского двора, но и в разногласиях внутри правящей верхушки, Цыси вынуждена была согласиться на некоторые реформы, пойти на определенные уступки китайскому обществу. Будучи не в состоянии совсем отказаться от проведения реформ, Цыси и близкие к ней царедворцы постарались по возможности сузить и ограничить их содержание, а во многих случаях не идти дальше пустых обещаний. Реформы не должны были менять основ монархического строя.

Особенно ревностно оберегала Цыси собственную власть, не допуская и мысли о малейшем стеснении своих самодержавных прав. Естественно, что куцые и половинчатые реформы, многие из которых остались на бумаге, не могли разрешить национальных и социальных противоречий Китая. Политика Цыси не приостановила роста недовольства и возмущения в китайском обществе, более того, это недовольство временами проявлялось в самой острой форме вооруженных выступлений.

Крайний консерватизм Цыси, ее упорный отказ приспособиться к новой обстановке, сложившейся в Китае, объективно способствовали изоляции цинского двора, падению его авторитета в стране.

Подъем национального самосознания, усиление национально-освободительных и демократических тенденций в Китае были ускорены поражением царской России в русско-японской войне 1904—1905 годов, а также первой русской революцией 1905—1907 годов. Под непосредственным воздействием русской революции борьба китайских патриотов против цинской монархии поднимается на новый уровень, становится более решительной и бескомпромиссной.

Последние годы правления Цыси характеризуются судорожными попытками сбросить господство маньчжуров, крах которого был неотвратим. Одним из актов императрицы, свидетельствовавших об осознании ею и ее советниками безвыходности положения, было издание в сентябре 1906 г. указа о подготовке к введению конституции. Указ, предусматривая сохранение верховной власти в руках императора, все же предоставлял народу право участвовать в обсуждении вопросов управления страной. После публикации этого указа Цыси, напуганная дальнейшим ростом недовольства, предпринимает ряд политических маневров в надежде успокоить общественное мнение и погасить антиманьчжурские настроения. Но уже никакие реформы, никакие уступки не могли спасти разваливавшееся здание цинской монархии. Правда, Цыси не довелось дожить до краха монархического режима, не довелось своими глазами видеть отречение последнего цинского императора от власти и провозглашение в 1911 г. Китайской республики, но до конца своих дней она противилась нововведениям, реформам, упорно цепляясь за старые порядки. Своей реакционной деятельностью она причинила огромный вред китайскому государству.

Историко-художественный очерк В. И. Семанова дает возможность советскому читателю ближе познакомиться с мрачными страницами истории китайского народа, в памяти которого Цыси навсегда осталась символом жестокости, коварства и мракобесия.

Л. Я. Делюсин

ЦЫСИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

С именем Цыси сталкивается каждый, кого интересуется Китай последних столетий, однако знаем мы о ней до сих пор очень мало; сведения наши, как правило, отрывочны и не дают достаточного представления об этой, прямо сказать, одиозной фигуре. Но знаем мы мало не потому, что о Цыси мало написано (напротив, она вряд ли могла бы пожаловаться на слабое внимание к ее персоне), а потому, что, увлеченные экономической историей, борьбой масс и другими широкими проблемами, мы подчас забываем о роли отдельных личностей, которые на поверку оказываются очень влиятельными и типичными. Стоит ли удивляться, что из многочисленных сочинений о Цыси наши ученые используют лишь незначительную часть, а до широкого читателя эти интересные материалы и вовсе не доходят?

Первоисточниками в таких случаях обычно считаются династийные хроники, но биография Цыси из «Очерков истории Цин» — маньчжурской династии, правившей Китаем с 1644 по 1911 год, — содержит лишь самые краткие, сухие и официальные сведения. Несколько больше можно найти в исторических сочинениях Сяо Ишаня, Фань Ваньлани, Юань Динчжуна, Пу И. Пу И — это последний маньчжурский император; его книга в основном мемуарна, однако та часть, которая относится к Цыси, является скорее исследованием (к тому же явно подправленным другими), поскольку автор был маленьким ребенком, когда сам видел свою двоюродную бабушку.

Любопытно, что трогательные воспоминания маньчжурского императора вышли не где-нибудь, а в КНР, но в ходе многочисленных идеологических кампаний в Китае была парализована даже такая историческая наука, поэтому самые новые работы о Цыси на китайском языке можно найти за пределами КНР. Очень много интересных данных содержится в «Подробном обзрении неофициальных историй династии Цин», вышедшем в 1959 году на Тайване под псевдонимом Сяохэнсянши чжужэнь (Хозяин ароматной комнаты). Там же к 1961 году выдержали четыре издания «Правдивые записи о позднецинском дворе» У Сянсяна, который еще в 1943 году написал документированные «Заметки о государственном перевороте 1861 года», т. е. о смерти императора Сяньфэна и расправе Цыси со своими первыми противниками.

Но наибольшую ценность среди китайских исторических сочинений о Цыси представляют, пожалуй, работы, появившиеся по свежим следам событий: «Записки о государственном перевороте 1898 года» известного реформатора Лян Цичао, созданные в том же году; «Китайский кризис изнутри» (1901) Вэнь Цзина; «Тайная история Китая нового времени» (1904), подписанная псевдонимом Мэньши таньху кэ⁵, и др. Последняя из этих книг опять-таки связана с Лян Цичао, который предварил ее сочувственным предисловием. Интересна книга Вэнь Цзина: она была написана на английском языке, подготовлена в Сингапуре и издана в Лондоне. Осведомленность в делах Цыси у автора очень велика, но в то же время он так часто и квалифицированно ссылается на примеры из западной истории, что иногда задумываешься: а не иностранец ли это, подписавшийся китайским именем?

Разумеется, возможен и другой вариант: перед нами китаец, получивший европейское образование или сочинявший свою книгу с помощью иностранцев. Во всяком

⁵ Этот псевдоним, означающий «Смельчак», дословно переводится: «Ловящий вшей при разговоре с тигром». Выражение восходит к раннесредневековой «Истории Цзинь», где герой Ван Мэн, выражая свое презрение к захватчику, разговаривал с ним и одновременно бил вшей.

случае, Вэнь Цзин первый из известных мне авторов сравнил Цыси со знаменитыми европейскими интриганками: Мессалиной, Фульвией, Юлией Агриппиной, Екатериной Медичи. Впоследствии эту линию продолжил, например, англичанин Р. Холл, напомнивший о королеве Виктории, которая, как и Цыси, обожала драгоценности, преследовала каждое вольное слово, притворялась крайне озабоченной судьбами народа — когда случайно оказывалась в провинции. Но его аналогия выглядит более частной, чем сравнение Вэнь Цзина.

В 1904 году на китайском языке вышла «Гайная история Цин», подписанная псевдонимом Югуй. Автор этой книжки весьма радикален по своим взглядам — неудивительно, что другие его сочинения по истории маньчжурской династии появились в революционном журнале «Миньбао» (1908).

Работы Лян Цичао, Вэнь Цзина, Мэньши таньху кэ, Югуя — это, по существу, антиманьчжурские памфлеты, ценные не только своей фактической стороной, но и прогрессивной, чаще всего справедливой тенденциозностью. Авторы европейских работ о Цыси восприняли некоторые достоинства таких памфлетов, хотя надо сказать, что в западной литературе критическое отношение к вдовствующей императрице зародилось раньше, чем в китайской.

Наибольший интерес у европейских авторов Цыси вызывала накануне революции 1911—1913 годов. Вышли книги англичан Дж. Блэнда, Э. Бэкхауза и П. Сэрджента, китайского эмигранта во Франции Г. Ле Су и др. Впоследствии внимание к Цыси на Западе проявляется несколько реже. Например, в 1936 году вышла книга итальянца Д. Варе, который долго служил в китайском посольстве в Риме, а затем был назначен итальянским консулом в Китай. Краткий очерк о Цыси в законном соседстве с Цинь Шихуаном и Чан Кайши появился в 1948 году в книге англичанина Б. Мартина, однако эти личности рассматриваются чуть ли не наравне с Лао-цзы, Конфуцием, Ду Фу, Юэ Фэем, Пу Сунлином и Сунь Ятсеном. Более серьезным представляется опубликованное в 1949 году исследование американца У. Хасси, но особой положительной эволюции в освещении Цыси на Западе не наблюдается. Скажем, труд Блэнда и Бэкхауза немногим хуже работы Хасси, а в 1965 году в Лондоне вышла книга Ш. Холдейн, которая представляет собой шаг назад от обоих этих сочинений и совершенно не учитывает китайских источников.

Очень важный материал о Цыси, опять-таки недостаточно учитываемый, дает мемуарная литература, прежде всего воспоминания фрейлины Юй Дэлин («принцессы Дерлин») и ее младшей сестры Юй Жунлин. Первое из этих сочинений, переведенное на английский и немецкий языки, было довольно популярно в начале века, но сейчас, к сожалению, почти забыто, а второе появилось на китайском языке лишь в 1957 году и пока не переводилось даже в отрывках.

Как явствует из их автобиографических повествований и других источников, Юй Дэлин и Юй Жунлин были дочерьми полуамериканки и маньчжурского сановника Юй Гэна, служившего посланником Китая в Японии (1895—1898), а затем во Франции (1899—1903). Японским языком девушки не успели овладеть, но французский и особенно английский знали великолепно, что было тогда большой редкостью для Китая.

Именно благодаря знанию иностранных языков, соединенному с аристократическим происхождением, сестры Юй стали фрейлинами вдовствующей императрицы, которая правила Китаем почти полвека. При этом Юй Дэлин была переводчицей самой Цыси, а Юй Жунлин чаще всего переводила ее племяннику, либеральному императору Гуансюю, тогда уже лишённому реальной власти. Подобное распределение обязанностей удивительно соответствует характерам сестер и тех монархов, которым они служили: Юй Жунлин явно живее, чистосердечнее, мягче как человек и в то же время критичнее по отношению к цинскому двору, чем Юй Дэлин. Рассказы последней о том, будто она пыталась склонить Цыси на реформы или удаивалась откровенных бесед со стороны императора, вряд ли заслуживают доверия,

так как Юй Дэлин сама не отличалась прогрессивностью, а Гуансюй был достаточно умен, чтобы заметить это.

Интересные воспоминания о вдовствующей императрице принадлежат американской художнице Кэтрин Карл, которая в начале XX века писала портреты Цыси и была единственной иностранкой, надолго допущенной к китайскому двору, — в этом отношении ее книга уникальна. Вообще мемуарной литературе присущи черты, каких нет или почти нет в других сочинениях об императрице: например, эффект (по крайней мере внешний) безусловной подлинности, обилие конкретных бытовых деталей. В романах и пьесах о Цыси, о которых я еще скажу, тоже немало выпуклых деталей, но они не всегда конкретны, так как многое в них идет не столько от жизни, сколько от литературной традиции. Вместе с тем мемуаристы недостаточно глубоко раскрывают политическую деятельность Цыси и совершенно не касаются ее любовных походов (вероятно потому, что описывают главным образом ее последние годы, а может быть, и потому, что оберегают ее «честь»): тут их данные нуждаются в серьезных дополнениях.

Мемуарная литература об императрице существует почти исключительно на китайском и западноевропейских языках. В России еще на рубеже XIX—XX веков печатались небольшие работы, посвященные Цыси (Я. Я. Брандта, В. В. Корсакова и др.), важные сведения о ней можно найти в книге С. Л. Тихвинского «Движение за реформы в Китае...», в коллективном труде «Новая история Китая» и в сборнике материалов «Восстание ихэтуаней», но в целом жизнь знаменитой китайской правительницы освещена на русском языке крайне недостаточно.

Особенно плохо известны у нас (да и в большинстве других стран) художественные произведения, в которых воссоздан образ Цыси, а к этим произведениям принадлежат, например, такие интересные романы, как «Цветы в море зла» Цзэн Пу, писавшиеся в 1905—1930 годах, и «Сказание о тринадцати маньчжурских императорах» Сюй Сяотяня, впервые опубликованное в 1926 году. Оба эти автора были в той или иной мере связаны с революционным движением. Следует отметить также книгу Цай Дунфаня «Простонародное сказание по истории Цин», впервые вышедшую в 1916 году. Она написана архаичнее, суше романа Сюй Сяотяня, но зато более документальна. Документальность эта, разумеется, относительна. Например, в обоих романах несколько упрощенно показан ход и разгром реформаторского движения в Китае конца XIX века; бегство вождя реформаторов Кан Ювэя нарисовано чересчур поспешным: он даже никого не предостерегает об опасности (по-видимому, на авторов, в принципе прогрессивных, тут повлияли разные сплетни, пущенные о Кан Ювэе). Но, скажем, действия Гуансюя нарисованы у Цай Дунфаня более решительными, чем у Сюй Сяотяня, и это ближе к исторической правде.

Все упомянутые романисты пользовались художественным вымыслом, однако не так широко, как могли бы. Это связано с большой точностью, историзмом, присущими эстетическому мышлению китайцев, а также с тем, что названные романы в той или иной степени принадлежат просветительному этапу развития литературы, отмеченному тягой к документальности. Особенно характерно для романа Цзэн Пу, фактической основе которого посвящены специальные статьи и даже книги.

Кроме романов на китайском языке имеются по крайней мере четыре пьесы, отражающие важные моменты в жизни последних маньчжурских правителей: «Неофициальная история цинского двора» Ян Цуньбиня, «Судьба цинского двора» Яо Синьнуна, «Евнух Ань Дэхай бесчинствует на императорском корабле» Чжоу Тяньбэя и «Император Гуансюй и наложница Чжэнь» У Тайсюя и Чжоу Тяньбэя.

Первая из этих пьес, носящих ярко обличительный характер, была задумана в нескольких частях, но мне удалось познакомиться лишь с первой, хотя и весьма обширной частью, посвященной периоду японо-китайской войны 1894—1895 годов. Рисуя крайнюю пассивность Цыси в борьбе с японцами, автор явно намекает на двурушническую политику гоминьдана во время новой японо-китайской войны (1937—1945): не случайно

пьеса вышла в 1943 году под редакцией известного писателя Мао Дуня, который сам тогда создал немало произведений, направленных против японских захватчиков и их китайских пособников.

Еще более примечательна история пьесы «Судьба цинского двора», впервые поставленной в 1941 году и опять-таки намекавшей на современную тиранию. Автор этой пьесы Яо Синьнун был последователем крупного драматурга и театроведа начала XX века У Мэя. В 1937 году он возглавлял гастроль «столичной оперы» в СССР и Англии, затем три года провел в США, где изучал западную драматургию. После китайской революции 1949 года он переехал в Сянган (Гонконг), но не утратил ни интереса к национальной старине, ни антидеспотической настроенности, о чем свидетельствуют его пьесы «Си Ши» (1956) и «Цинь Шихуан» (1961).

Еще в 1948 году Яо Синьнун написал по своей драме «Судьба цинского двора» киносценарий, на основе которого был снят фильм «Тайная история цинского двора», вскоре запрещенный маоистами, как и сама пьеса. Однако некоторые труппы продолжали играть ее под видом старой и анонимной. В 1954 году она была переделана в музыкальную драму «Император Гуансюй и наложница Чжэнь», но вместо одиозного имени Яо Синь-нуна на ней появились имена перелазгателей — У Тай-сюя и Чжоу Тяньбэя. В 1957 году, перед самым концом движения «пусть расцветают все цветы, пусть соперничают все школы», эту драму даже включили в список образцовых, а в 1958 году снова запретили. И все же в следующем году она каким-то чудом оказалась опубликованной в «Собрании традиционных пьес».

Музыкальные версии драмы Яо Синьнуна, как сообщает ее английский переводчик, продолжали ставиться «под самым носом у Мао» вплоть до 1962 года. Но в 1963 году они были запрещены окончательно, а весной 1967 года, уже во время «культурной революции», в китайской печати начались очередные, еще более резкие нападки на фильм «Тайная история цинского двора».

Дело тут было в том, что в письме к ЦК КПК от 16 октября 1954 года Мао Цзэдун объявил фильм Яо Синьнуна предательским. Однако широкой публике это обвинение стало известно лишь 3 января 1967 года из статьи Яо Вэньюаня, зятя Мао, где поносился бывший заместитель заведующего отделом агитации и пропаганды ЦК Чжоу Ян, пропустивший «Тайную историю цинского двора» на экраны в начале 50-х годов. 30 мая 1967 года в партийном журнале «Хунци» появилась специальная статья о «Тайной истории», которую, оказывается, ценил Лю Шаоци — главный противник Мао Цзэдуна. Так начался целый «крестовый поход» против старого фильма.

Между тем пьеса была острее и художественно сильнее, чем фильм: например, Яо Синьнун заканчивал ее сценой, где Цыси губит Чжэнь — любимую наложницу Гуансюя и император уходит одинокий, а кинорежиссер Чжу Шилинь «дополнил» эту сцену нравоучительной императорского наставника, призвавшего Гуансюя быть ближе к народу. Казалось бы, нормативная китайская критика должна была обрадоваться добавке, но она усмотрела в ней издевательство над Мао. Кроме того, кинорежиссер и постановщик фильма добавили в сценарий повстанцев-ихэтуаней, которые в пьесе только упоминались, и это «позволило» критикам обвинить этот фильм в искаженной обрисовке народного восстания.

Говорить об образах Цыси, главного евнуха Ли Ляньина и других носителей деспотизма маоистские критики избегают, но зато нападают на жертвы тирании — Чжэнь, неожиданно оказавшуюся «агентом империализма», и Гуансюя, в образе которого усмотрены сочувственные намеки на сына Чан Кайши или на Лю Шаоци, что никак не вяжется даже с датами появления работ Яо Синьнуна.

Я так подробно остановился на судьбе этих произведений потому, что в них наиболее ясно выразилась естественность аналогий между маньчжурской монархией и маоистским режимом. Не случайно после создания пьесы и фильма Мао Цзэдуна прямо сравнивали с Цыси. Еще чаще сопоставляли с ней Цзян Цин — супругу Мао, однако

главное здесь не в конкретных лицах, а в сходной атмосфере обеих эпох. Эта атмосфера отражается во всех упомянутых драмах, например в пьесе Чжоу Тяньбэя, где показано, как Цыси, грозя обезглавить Великую княжну, выведывает у нее, кто велел казнить главного евнуха Ань Дэхая, любимчика вдовствующей императрицы. Здесь отлично переданы свирепость и ловкость Цыси, страх княжны, ее неумение скрыть правду перед пронизательной государыней — словом, воссозданы разные человеческие эмоции, помогающие художественной литературе воздействовать на читателя сильнее, чем исторические сочинения, в которых ценится беспристрастность. Но есть в этих пьесах совершенно специфические находки. Скажем, из многих источников известно, что Цыси почти никогда не говорила с сановниками непосредственно, а только через рядом стоящего главного евнуха, как будто через переводчика. Это очень замедляло и «возвышало» ее речь, однако воплощена такая своеобразная манера лишь в пьесах: ни в документах, ни даже в романах слова Цыси дважды не повторяются.

В качестве примера приведу отрывок из небольшой пьесы 1915 года «Фальшивый князь крови», где воспроизведена аудиенция у императрицы в период восстания ихэтуаней:

И м п е р а т р и ц а. Хуа Чжуан, устал ли ты во время своего заграничного путешествия?

Г л а в н ы й е в н у х. Старая будда спрашивает тебя, устал ли ты во время путешествия?

Х у а Ч ж у а н. Нет, не устал.

Г л а в н ы й е в н у х (вставая перед Цыси на колени). Хуа Чжуан благодарит Старую будду за милость и говорит, что он не устал.

И м п е р а т р и ц а. Сейчас Пекин захвачен иностранными войсками, и один из главарей иноземцев, возмущенный гибелью своего подчиненного, поклялся отомстить. Каков наглец! Я слышала, что этот главарь важная персона среди всяких голландцев и прочих морских дьяволов.

Главный евнух повторяет слова Цыси.

Х у а Ч ж у а н. Вы, вероятно, имеете в виду германского императора?

Г л а в н ы й е в н у х (испуганно и тихо обращается к Хуа Чжуану). Ты не должен перед Старой буддой называть его императором! На небе не бывает двух солнц, а у народа не может быть двух монархов! Лучше назвать этого главаря губернатором германской провинции.

Х у а Ч ж у а н. Покорнейше благодарю вас за уточнение. Разумеется, вы правы.

Г л а в н ы й е в н у х (докладывает Цыси). Это всего лишь губернатор захолустной провинции под названием Германия.

И м п е р а т р и ц а. Я вижу, этот губернатор не знает церемоний, раз пошел против нашей небесной династии, да еще из-за какого-то жалкого подданного! Его надо миротворить, послав к нему одного из князей крови.

Г л а в н ы й е в н у х (повторяет и добавляет). Понял, что говорит Старая будда? За границей много всякой чертовщины, так что нашему князю там будет очень нелегко. Ты знаешь, что иноземцы владеют дьявольским искусством, называемым фотографией? Стоит им тебя сфотографировать, и твоя душа отлетает тебе уже не принадлежит.

Х у а Ч ж у а н. Как же в таком случае исполнить волю Старой будды?

Главный евнух громко повторяет его слова.

И м п е р а т р и ц а. Хотя этот губернатор и не знает законов небесной династии, его не стоит особенно винить — ведь он всего лишь варвар. Если бы я как следует покарала его, он был бы чересчур опозорен. Я слышала, что на Знаменной улице живет

цирюльник, очень похожий на одного из наших князей. Достаточно послать этого цирюльника».

Любопытно, что художественные произведения о маньчжурской императрице создавались и на Западе. Например, в 1943 году вышла пьеса англичанина М. Коллиса (он явно владел китайским языком; среди его сочинений есть и научные книги, и романы, и путевые заметки) «Милостивая и благодетельная». Это название представляет собой один из возможных переводов «имени» Цыси. В следующем году он сделал доклад об исторических источниках своей обличительной и удачной пьесы, но это не мешало ему допускать в ней различные вольности. Так, выборами героини во дворец в 1853 году у Коллиса занимается Ли Лянбин, хотя этот евнух появился на горизонте Цыси не ранее 1860 года, а влиятельным стал еще позже — после Ань Дэхая. Автор, по-видимому, знал это, однако хотел избежать лишних действующих лиц. С не меньшим художественным основанием он свел в одну сцену события, которые на самом деле происходили в разное время: смерть императора Сяньфэна и расправу над министром Су Шунем. Это упростило ход истории, но придало ей дополнительную напряженность.

Особая честь китайской императрице была оказана тем, что в 1956 году ей посвятила специальный роман известная американская писательница Пэрл Бак. Надо сказать, что с эстетической точки зрения эта книга написана лучше многих других, однако содержащееся в ней толкование характера Цыси по меньшей мере спорно. Прежде всего Бак (как, впрочем, и Коллис) рисует ее слишком на западный лад: едва попав во дворе простой наложницей, Цыси вполне открыто и даже дерзко говорит с главным евнухом Ань Дэхаем и императором Сяньфэном. Но хуже другое: она изображается у Бак чуть ли не трагической фигурой — человеком, который трижды выбирал мальчиков, чтобы вырастит из них императоров (Тунчжи, Гуансюя и Пу И), а он все оказались чересчур слабыми, не равными ей, «не достойными».

Эта реабилитаторская тенденция, к счастью пронизывающая не весь роман, столь же стара, сколь несправедлива. Ее можно найти и у многих европейских авторов конца XIX — начала XX века, которые по разным причинам пытались оправдать даже реакционный дворцовый переворот 1898 года, и в воспоминаниях Юй Дэлин, и у Холдейн, готовой извинить деспота «борьбой за существование», и у гонконгского автора Ван Ши, и книге Хасси, который обнаружил при дворе Цыси «демократический дух» только на том основании, что среди ее фавориток были две художницы не княжеского происхождения и одна сестра евнуха.

Хотя П. Бак, подобно своим единомышленникам утверждает, будто «западные авторы, за немногими исключениями, рисуют Цыси недружелюбно или даже враждебно», истина состоит как раз в противоположном, и до сих пор остаются злободневными слова русского китаевода П. Шкуркина, сказанные в 1915 году: «Об уме, образованности, энергии императрицы писалось очень много; но ее хитрость, настойчивость в достижении целей, жестокость и развратность еще ждут своего историка».

Весь материал для такого историка фактически уж существует — он просто разбросан по многим сочинениям, в том числе и работам адвокатствующих. Любопытно, что даже они, обещая вначале «убрать наносы» «развеять клевету» и так далее, часто приходят к почти тем же выводам, что и обличители. Конечно, полностью восстановить давнишние и тщательно скрывавшиеся факты нелегко, но, когда данные мемуарной, художественной и исторической литературы совпадают, их можно воспринимать как более или менее достоверные — особенно если они согласуются с рядом находящимися данными и с логикой характера Цыси.

Ниже я попытаюсь на основе сопоставления и критического анализа различных источников воссоздать этапы жизни императрицы, а затем осветить главные проблемы, связанные с ее деятельностью, и черты характера Цыси, игравшие далеко не последнюю роль в судьбе ее многострадальных подданных.

ЮНОСТЬ

Как указывается во многих источниках, например в книге Юй Жунлин, род Цыси происходил из маньчжурского удела Нара, однако еще на рубеже XVI—XVII веков ее предок Барху потерял свой удел, бежал в княжество Ехэ и стал носить фамилию Ехэнара. Эта фамилия перешла и к Цыси, но звучала довольно редко, ибо подлинные имена китайских монархов запрещалось произносить, иногда под страхом смерти. Вместо них употреблялись возвышенные девизы правления или титулы, каким и является распространенное сейчас «имя» Цыси. Настоящее же имя — Ланьэр (Орхидея) — она носила только в юности.

Орхидея принадлежала не к царствующему, но весьма знатному роду — желтому знамени. Казалось бы, странное название для знатного рода, но дело тут в том, что маньчжуры делили свое военное, а затем и гражданское чиновничество на восемь знамен (армий или корпусов), принадлежность к которым передавалась по наследству, как дворянское достоинство. Одноцветные знамена были главными, окаймленные — второстепенными. Желтый цвет считался императорским, то есть самым почетным, и именно он осенял Орхидею. Отца ее звали Хой Чжэн. Он правил сначала округом, потом областями и имел трех сыновей и двух дочерей, причем Орхидея была старшей дочерью. Она родилась в 1835 году, на пятнадцатом году правления императора Даогуана («Свет пути»), но поскольку в старом Китае возраст исчислялся с момента зачатия, многие долгое время полагали, что она родилась в 1834 году.

«Ее мать Тун Цзя рассказывала, — пишет Сюй Сяотянь, — будто перед родами она видела странный сон о том, как яркий-яркий месяц спустился с неба и проник в ее чрево. Проснувшись от испуга, женщина почувствовала рези в животе, а к утру родила Орхидею. Надо сказать, что при династии Цин в маньчжурских семьях в отличие от китайских дочерей ценили больше, чем сыновей, потому что маньчжурка, если она была красива, могла стать императрицей, а китайка нет. Маньчжурским девочкам разрешалось сидеть при старших и даже занимать почетное место. К тому же Тун Цзя видела благоприятный сон — естественно, что она лелеяла дочь, которая с детства росла хорошенькой, как настоящую драгоценность».

Здесь перед нами рисуется «чудесное рождение», характерное для многих романов и особенно эпопей, но в романе Цзэн Пу такой мотив приобретает иную, оппозиционную окраску:

«— Рассказывают, что У Цзэтянь⁶ была перерождением одного из бодисатв, поэтому она и сумела совершить столько неслыханных дел, — промолвила Бао. — У нашей старой государыни тоже есть своя история, ваше величество знает о ней?

— Нет, а откуда она известна тебе?

— Эта удивительная легенда родилась тогда, когда старую императрицу впервые ввели во дворец, — ответила Бао. — Евнух Коу Ляньцай слышал ее от одного отставного придворного. Коу тайком передал ее моему евнуху Гао Ваньчжи, отсюда я и узнала о ней.

— Что же это за легенда? Расскажи!

— Вот что мне рассказали. При императоре Даогуане осенью каждого года в провинции Жэхэ устраивалась грандиозная облавная охота. Однажды Даогуан вместе со своими сыновьями и придворными выехал бить зверей. Вдруг на полдороге ему встретилась огромная белая лисица, которая, вытянув передние лапы и склонив до земли голову, преградила дорогу коню императора. Даогуан схватил драгоценный лук, вложил стрелу и хотел выстрелить, но в этот момент наследник престола — будущий император Сяньфэн — подъехал к нему и сказал: „Ваше величество, видимо, слава о вашей мудрости и добродетели распространилась так широко, что вам выражают покорность даже звери. Поэтому они и послали вам навстречу эту старую лисицу, которая целое тысячелетие

⁶ У Цзэтянь — китайская императрица VII—VIII веков, часто олицетворявшая собой жестокость и разврат.

занималась самоусовершенствованием и достигла высоких ступеней познания. Умоляю, не убивайте ее!"

Даогуан рассмеялся, спрятал лук и, дернув поводья, объехал лисицу стороной. После охоты он возвращался домой по старой дороге и вдруг снова увидел лисицу, которая, повернувшись к нему, как и в первый раз, низко склонила голову. У Даогуана зачесались руки, он машинально выпустил стрелу и убил зверя наповал.

Прошло десять с лишним лет, на трон вступил император Сяньфэн. Когда настало время выбирать служанок для дворца, ему подали список красавиц с указанием имени, фамилии, цвета знамени и даты рождения каждой. Дойдя до страницы, на которой было написано про нашу старую государыню, Сяньфэн прочел:

"Урожденная Нара, принадлежит к желтому знамени, имя ее Орхидея, лет столько-то, родилась такого-то числа в такой-то год правления императора Даогуана". Сяньфэн взглянул на эту дату и стал что-то припоминать. Затем обернулся к евнуху, который вел запись ежедневных деяний императора, и сказал: „Сдается мне, что в этот день произошло какое-то удивительное событие. Ну-ка, справься поточнее!"

Евнух послушно раскрыл толстую книгу и выяснил, что именно тогда была убита белая лисица. Император Сяньфэн засмеялся: „Оказывается, эта девушка в предшествующем рождении была старой лисицей!" И велел поставить ее служанкой в самую дальнюю беседку Парка радости и света. Но надо сказать, что Орхидея выросла на юге и умела исполнять разные легкие песенки. Однажды Сяньфэн, гуляя по парку, услышал ее, позвал к себе и заставил спеть возле галереи. На следующий день он назначил ее служанкой в собственной спальне. Вскоре, когда она глубокой ночью подавала ему чай, он осчастливил ее. Орхидея родила будущего императора Тунчжи и получила титул драгоценной наложницы⁷.

Всю эту историю тайком передавали из уст в уста придворные евнухи, да еще вдобавок стали делать из нее разные выводы. Одни говорили, что Орхидея была послана Сяньфэну в награду за доброту, когда он просил не стрелять в лисицу; другие — что в отместку за выпущенную в нее стрелу она собирается смутить покой Китая; третьи — что она приняла человеческий облик только для того, чтобы насладиться всеми благами земного мира и наверстать упущенное за время тысячелетнего самоусовершенствования. В общем много ходило толков!

— Какая там награда за доброту! — саркастически усмехнулся император. — Вот смутить покой Китая, насладиться земными благами — это другой разговор!»

В легенде, приведенной Цзэн Пу, пожалуй, наиболее ярко отражается народное отношение к Цыси. А перекликающееся с этой легендой маньчжурское поверье утверждает без малейшего колебания, что «императрица пользовалась духами чаще, чем другие женщины, ибо от нее исходил запах лисицы».

Если Цыси вначале, как утверждают многие, действительно была служанкой, а не наложницей, то своевременное внимание Сяньфэна оказалось для нее более важным, чем можно подумать. Дело в том, что служанки для китайского двора тоже набирались из молодых девушек, хотя и менее высокого происхождения, нежели наложницы, однако служанок, не «осчастливленных» императором до двадцатилетнего возраста, полагалось возвращать домой и они уже больше не имели шансов выдвинуться при дворе.

Почти все авторы, пишущие о Цыси, рисуют ее ослепительной красавицей. Для китайских романистов такая обрисовка героини была традиционна и в общем естественна, но для большинства остальных авторов это следствие малоуместной идеализации. Сохранившиеся фотографии императрицы отнюдь не ослепляют, и можно поверить Юй Жунлину, которая считала, что настоящей красотой Цыси не отличалась даже в юности.

⁷ Наложницы китайских императоров делились на несколько рангов. Высший назывался «императорская драгоценная наложница» — она была всего одна. За ней шли две «драгоценные наложницы», четыре «наложницы», шесть «конкубин» и неопределенное число «драгоценных людей», «постоянно находящихся» и «отвечающих согласием».

Однако она разными способами умела располагать к себе людей и долго выглядела молодожавой. «Если бы я не знала, что ей скоро минет шестьдесят лет, то сказала бы, что это хорошо сохранившаяся сорокалетняя женщина», — писала Кэтрин Карл. В семьдесят с лишним лет Цыси все еще выглядела сорокалетней и не имела ни одного седого волоса, но последнее легко объясняется косметикой.

Что же еще выдвинуло Орхидею из среды других женщин? Это весьма убедительно раскрывает Сюй Сяотянь:

«Родители девушки не отличались богатством и не могли одевать свою дочку в шелка или парчу, подобно многим ее сверстницам. Но Орхидея сама умела находить выход из этого положения. Ее халаты из дешевой материи были всегда чистыми и ловко скроенными, а в волосах красовался свежий цветок, затмевавший своим изяществом дорогие украшения богачек. Были у нее и иные преимущества, которые она донесла чуть ли не до старости. Во-первых, она вся светилась легкомысленным обаянием: стоило ей засмеяться, откинуть волосы и взглянуть на мужчину, как он таял. Во-вторых, Орхидея отлично пела.

В детстве, когда ее отец, чиновник Хой Чжэн, учил дочку грамоте, она не проявляла больших способностей к наукам, зато любую мелодию схватывала на лету и могла воспроизвести ее в точности. У нее от природы была, что называется, жемчужная гортань, которой она покоряла слушающих. Сначала девушка решалась петь только в одиночестве, потом объединилась со своими подругами из знаменитых семей, и они часто подыгрывали ей на флейтах и лютях. Мать Орхидеи не одобряла этого легкомысленного занятия, но отец, который сам мурлыкал арии из столичных опер, любил пение дочки и отменил материнский запрет. Более того, он научил ее всем мелодиям, какие знал сам, и нередко напевал вместе с ней.

Иногда они разыгрывали в гостиной своего дома целые спектакли: „Излучина реки“, „Второе посещение дворца“, „Мать учит сына“. В последнем спектакле Хой Чжэн пел партию сына, а Орхидея — партию матери. Тун Цзя призывали на роль слушателя, однако ее замечания или протесты всерьез не принимались.

Впоследствии, когда Хой Чжэн получил должность в Уху, он взял дочь с собой. Уху был весьма оживленным городом, речным портом. Здесь, среди чайных харчевен, стояло множество театральных балаганов, девушка проводила в них целые дни. Хозяева балаганов, зная, что Орхидея — дочь таможенного инспектора, старались усадить ее на самое почетное место, но она предпочитала кулисы. Вскоре она перезнакомилась со многими актерами и, не удовлетворяясь хождением в театр, убедила отца приглашать их на домашний спектакли.

Кроме театров Орхидея любила посещать харчевни, для чего отец специально выделил ей двух охранников. Раньше, находясь на заштатной должности в столице, он много лет бедствовал, однако теперешний выгодный пост давал возможность наверстать упущенное. Хой Чжэн стал усердно брать взятки и вообще делал все, что хотел. За один только год на него было подано множество доносов, но его тесть, служивший в Пекине, помогал класть их под сукно».

Этот мотив взяточничества появляется здесь не случайно, с ним связаны последующие бедствия семьи и смерть Хой Чжэна:

«Однажды Хой Чжэн задержал личную лодку цензора⁸ Цзяна и, обнаружив на ней контрабанду, содрал с хозяина три тысячи лянов⁹ серебром отступного. Цензор, естественно, затаил злобу. А так как он был человеком влиятельным, знакомым со многими князьями, то по возвращении в столицу он подал на обидчика резкую жалобу.

⁸ Цензор — член императорского цензората, одного из трех высших судебных учреждений старого Китая — наряду с министерством наказаний и верховной судебной палатой. Цензорат приблизительно соответствует Верховной прокуратуре.

⁹ Лян — денежная единица в старом Китае. На рубеже XIX—XX веков лян равнялся почти двум серебряным рублям.

Тем временем тесть Хой Чжэна умер и на этот раз за него никто не заступился. Уволенный Хой Чжэн, как говорится, „свернул знамена, собрал барабаны" и уехал в город Аньцин. Цензор пытался даже посадить его в тюрьму и взыскать с него все жалование, полученное на должности таможенного инспектора, но губернатор провинции Аньхой, дальний родственник Хой Чжэна, помог ему уладить дело, хотя это и стоило в результате десять тысяч лянов.

Человеку, ворочавшему такими деньгами, было, разумеется, обидно нигде не служить. Тун Цзя тоже всячески рекомендовала ему сблизиться с губернатором Хэ Шанем, и тот постепенно оценил и старательность, и ум, и гладкую речь Хой Чжэна. Когда на севере провинции случилось наводнение, жена посоветовала Хою купить за десять тысяч лянов место по сбору средств для пострадавших; одновременно у губернатора праздновался день рождения, который потребовал от Хой Чжэна еще десять тысяч. Чтобы наскрести такую сумму, жене пришлось даже продать головные украшения. Но губернатор был доволен: деньги интересовали его гораздо больше, чем помощь несчастным, поэтому он подал наверх доклад, в котором расписывал энергию, честность и таланты Хоя и рекомендовал его на должность инспектора по сбору средств. Увы, не прошло и трех дней после этого, как у губернатора воспалилась грыжа и он в страшных мучениях умер.

Сбор средств для пострадавших поручили финансовому инспектору провинции, который был врагом Хой Чжэна, а губернатором сделали Янь Ситао, бывшего вице-губернатора провинции Шаньдун. Едва новый губернатор вступил на должность, как инспектор подробно рассказал ему и о лъстивости, и о взяточничестве Хой Чжэна. Этот донос пришелся весьма кстати, поскольку Янь Ситао был знаменит своей честностью и терпеть не мог взяточников. Сразу возненавидев незадачливого чиновника, он даже не пожелал его принять, хотя тот трижды являлся к нему с визитом. Обеспокоенный Хой Чжэн навел справки, понял, что финансовый инспектор сам ждет от него взятки, но все деньги Хоя были уже истрачены на покойного губернатора; ему оставалось лишь ежедневно и без всякого успеха обивать пороги губернского управления.

Наконец Хой Чжэну удалось собрать немного денег. Он подкупил нескольких провинциальных инспекторов, чтобы они замолвили за него словечко перед губернатором, но оказалось, что тот даже не может слышать его имени. Все покровители Хой Чжэна умолкли. Бывший таможенный инспектор, купавшийся ранее в серебре и славе, не получал должности год, два, три, страдал от бедности, от уязвленного самолюбия, а вместе с ним страдала и его дочь, уже привыкшая к роскоши. Хотя город Аньцин по количеству развлечений уступал Уху, он все же считался центром провинции; здесь тоже было несколько оживленных улиц, чайные, театры, куда Орхидея часто заходила, оставляя там немалую толику отцовских денег. С горя Хой Чжэн начал курить опиум, что еще больше увеличило и его расходы, и презрение губернатора к нему. От суровой кары Хоя спасала только его принадлежность к одному из маньчжурских знамен.

Сначала Хой Чжэн брал в долг, потом стал закладывать вещи, но в конце концов оба эти источника иссякли и он вместе с женой и детьми познал стужу и голод. Орхидея не могла стерпеть такого нищенства. Она ссорилась с родителями, требуя от них то еды, то нарядов, то развлечений, и ее трудно винить в этом, потому что ей было уже шестнадцать лет, когда девушки думают главным образом о себе. Она все хорошела, превращалась в настоящую красавицу, но часто, с отвращением глядя на свой рваный халат, отказывалась причесываться и, спрятавшись за очаг, горько плакала! От этого зрелища мать страдала еще больше, кричала на мужа, тот тоже страдал, однако сделать ничего не мог. Теснимый со всех сторон, не имеющий денег даже на опиум, он в конце концов заболел и провалялся в постели целый год. Жена, раздраженная его никчемностью, сперва почти не обращала на него внимания, но потом поняла, что болезнь серьезная, забеспокоилась, вытащила из своего сундука позолоченные серебряные цветы, которые остались от ее приданого, и велела сыну Гуйсяну заложить их.

Гуйсяну было тогда уже восемнадцать — на год больше, чем Орхидее, однако он уродился каким-то глуповатым. Услышав приказ матери, он весь покраснел от волнения и пролепетал, что не умеет закладывав вещи. Обычно в ломбард ходила сама Тун Цзя, и сейчас она не решалась оставлять мужа одного.

— Эх, глупый мальчик! — вздохнула женщина. — Такого пустяка сделать не можешь! На кого же мне опираться?

Она заплакала. Орхидея, сидевшая рядом, пожалела мать, молча встала и, взяв позолоченные цветы, вышла.

У хозяина ломбарда перехватило дыхание при виде такой красивой девушки. Разинув рот и вытаращив глаза, он долго смотрел поверх своих старческих очков на ее розовое личико и наконец вымолвил:

— Прелестная барышня, сколько вы хотите за эти украшения?

— Сколько дадите, — ответила Орхидея, недовольная тем, что своим разглядыванием он заставил ее краснеть.

— Десяти лянов довольно будет?

Услышав эту цену, девушка чуть не рассмеялась, потому что такие цветы стоили не больше двух-трех лянов, но все же кивнула, не желая вступать в дальнейшие разговоры. Она не поняла, что бедный хозяин ломбарда, ослепленный ее красотой, принял позолоченные цветы за золотые и, против обыкновения, даже забыл проверить товар.

С десятью лянами в руках она вернулась домой, потом сходила за врачом, однако тот, пощупав пульс больного, сокрушенно покачал головой:

— Поздно! Чахотка в последней стадии. Вам остается только похороны ему готовить!

Тун Цзя показалось, будто ее ударили в самое темя. Она думала о том, что ей делать на чужбине со своей семьей, где жить, на что хоронить мужа. Как раз в это время больной, лежавший на постели, начал задыхаться. Жена и дети бросились к нему, заплакали, но было поздно: не прошло и четверти часа, как глаза Хоя закрылись, ноги дернулись и он умер».

Согласно другим источникам, отец Орхидеи умер не дома, а в тюрьме, посаженный туда за взяточничество, и Цыси всю жизнь старалась скрыть это — не только потому, что беспокоилась об имени отца, но и потому, что хотела избежать лишних аналогий с собственным, еще большим корыстолюбием. Во всяком случае, рассказ Сюй Сяотяня о взяточничестве Хой Чжэна не противоречит историческим данным, как часто бывает в старых китайских романах. Это относится и к сцене с чиновником, который по ошибке преподнес семье Орхидеи крупную сумму денег. Тот же эпизод, хотя и в несколько ином звучании, приводится в книге Юй Жунлин:

«После смерти Хой Чжэна семья Цыси обеднела. Его вдова осталась с пятью детьми на руках и лишь благодаря друзьям на простой лодке перебралась в Пекин. Когда они доплыли до уездного города Тунчжоу, рядом с ними причалила еще одна траурная лодка. Какой-то тунчжоуский чиновник послал на эту лодку слугу с сотней серебряных лянов¹⁰ для жертвоприношения, но слуга ошибся и отдал деньги матери Цыси. Узнав об ошибке, чиновник постеснялся требовать серебро назад, а послал еще сто лянов — своим знакомым. Мало того, он сам явился засвидетельствовать соболезнование вдове Хой Чжэна. Цыси и ее мать были очень растроганы этим и сохранили его визитную карточку.

Впоследствии, когда Цыси стала „править из-за опущенной занавески“¹¹, она разузнала, где служит облагодетельствовавший их чиновник, и заявила на Государственном совете:

— Этот человек очень талантлив, его необходимо повысить!

¹⁰ В большинстве других источников речь идет о трехстах лянах.

¹¹ Править из-за опущенной занавески — древнекитайское выражение, означающее «регентствовать». Первоначально императрицы действительно не смели показываться из-за занавески, но затем преступили это правило.

С тех пор чиновнику в паруса задул попутный ветер и он дослужился до губернатора. Он и сам удивлялся, почему его все время повышают, но причину узнал лишь тогда, когда выяснил, что Великая императрица — дочь той самой женщины, которой он по ошибке преподнес серебро».

Известно и имя удачливого чиновника — У Тан. Почти тогда же, когда он познакомился с семьей Цыси, он участвовал в жестоком подавлении восстаний так называемых факельщиков и тайпинов. За это, а не только за помощь будущей императрице его произвели в начальники округа, области и наконец в губернаторы.

Многие авторы подчеркивают, что У Тан вовсе не был пригоден для губернаторства, что специальные цензоры отговаривали Цыси от возвышения карьериста, потом неоднократно уличали его в злоупотреблениях, но она не обращала внимания на жалобы. Его поступок с серебром тоже, вероятно, был продиктован не благоденствием или стеснительностью, как утверждает Юй Жунлин. В некоторых источниках сообщается, что вначале У Тан разгневался и хотел отобрать деньги у Орхидеи, но помощник сказал ему, что Орхидея — это красивая маньчжурка, которая едет во дворец и, возможно, станет императорской наложницей. Иными словами, чиновником здесь скорее всего руководил далеко идущий расчет, а императрицей — желание одарить за личную услугу государственными средствами.

Эпизод с У Таном, который сделал несправедную карьеру, иногда считают выдумкой противников Цыси и утверждают, будто, когда умер ее отец, Орхидею было всего три года. А в действительности ее семья совершила траурное путешествие на север в 1852 году, когда Цыси было уже семнадцать лет. Перед нами типичный случай того, как защитникам императрицы впору защищать самих себя.

В романе Сюй Сяотяня и в пьесе Коллиса истории с получением денег придана любовная окраска. Вот это безусловно могло быть придумано писателями, как и неудачное покушение на Орхидею, которое у Сюй Сяотяня совершает приказчик чайной лавки. Наверное, романист хотел оттенить привлекательность девушки, а также ее расчетливость (позднее, перед императором Сяньфэном, она не противилась в аналогичной ситуации).

Столь же гипотетической представляется версия о том, что до отъезда на север Орхидея была просватана за молодого стражника Жун Лу, но соблазнилась возможностью стать императорской наложницей. Последний мотив для Цыси был бы достаточно естественным, любовные истории у нее тоже случались многократно, однако, по мнению некоторых исследователей, Жун Лу был ее двоюродным или троюродным племянником, так что матримониальные отношения между ними были невозможны. Упомянутая версия возникла, вероятно, потому, что она помогала объяснить связь Цыси с Жун Лу в более позднее время.

Итак, Орхидея отправилась на север и для того, чтобы сопровождать тело отца-чиновника в столицу, как требовала конфуцианская традиция, и для того, чтобы не отрываться от матери, и, возможно, для того, чтобы осуществить свои честолюбивые мечты. Была и еще одна причина: желание спастись от тайпинского восстания, которое уже два года бушевало в южных и центральных районах страны. Этот факт лишний раз свидетельствует о том, как порою неожиданно, но почти неизбежно была связана жизнь Цыси с крупнейшими событиями в истории Китая второй половины XIX — начала XX веков.

ОРХИДЕЯ ПОПАДАЕТ ВО ДВОРЕЦ

В январе 1853 года, на третьем году правления императора Сяньфэна (Всеобщее процветание), когда тайпины уже захватили значительную часть Китая, двор внезапно объявил — по-видимому, для того, чтобы отвлечь внимание от государственных неурядиц — о наборе красивых маньчжурок в императорские наложницы. При

средневековых китайских дворах иногда бывало до трех тысяч наложниц; маньчжуры сочли, что достаточно семидесяти, но соблюдали это правило довольно редко. К тому же в распоряжении императора всегда находилось около двух тысяч служанок, обязанных исполнять любые его желания.

Сяньфэн был лишь четвертым сыном императора Даогуана, однако все трое его старших братьев умерли, поэтому он и стал наследником. Жена Сяньфэна тоже вскоре умерла, но у него была главная наложница — Цыань (Милостивая и спокойная) из рода Ньюгуру, которую он сделал императрицей. Процедура выбора императорских жен и наложниц была весьма своеобразной, на ней стоит остановиться подробнее. Известно, что в маньчжурском Китае существовало девять чиновничьих рангов, среди которых девятый считался самым низшим. Так вот в упомянутой процедуре, по обычаю цинского двора, участвовали исключительно маньчжурки — дочери восьмизнаменных чиновников высших рангов. Из этих девушек князья и высокие сановники отбирали только тех, у которых восемь иероглифов, обозначающих даты рождения, считались благоприятными. Управление двора обучало счастливиц всевозможным церемониям, и лишь потом отобранные допускались пред монаршие очи.

Родственницы императорской фамилии не могли быть, кандидатками — вероятно потому, что это создавало опасность кровосмешательства. Китайнок тоже, как правило, не принимали, но по другой причине: маньчжуры боялись покушений со стороны представительниц поработанного народа. И все же китайки попадали во дворец — в качестве служанок, а порою и в роли наложниц. Поскольку жизнь последних была не всегда сладка, некоторые маньчжурские аристократы, чтобы избавиться от повинности, слегка уродовали своих дочерей или представляли вместо них бедных молодых китайнок, купленных специально для этого.

Во время предсвадебной аудиенции вдовствующая императрица и император, сидя на троне, рассматривали проходящих мимо девушек, которые затем выстраивались в ряд. Обычно перед китайскими правителями полагалось стоять на коленях, но кандидатов освобождали от этого, так как иначе их было бы трудно разглядывать. Посоветовавшись между собой, монархи через евнухов вручали лучшим девушкам нефритовые жуи¹²; первая из этих девушек отныне считалась императрицей, а остальные — императорскими наложницами. Они должны были трижды встать на колени перед монархами и девять раз удариться головой об пол. Девушкам, не прошедшим конкурса, вдовствующая императрица жаловала шелковые одежды, а для будущей молодой императрицы Управление двора строило специальные покои и перевозило туда всех ее родных, где они должны были ждать дня свадьбы.

Тут мне придется несколько нарушить идиллическую атмосферу и сказать, что девушки, выбранные для конкурса, но почему-либо пропустившие его, по-прежнему рассматривались как кандидатки и им под страхом суровой кары не разрешалось выходить замуж вплоть до двадцати лет, хотя уже семнадцатилетние считались чересчур старыми для императора. Даже достигнув двадцатилетнего возраста, они должны были испрашивать соизволения на замужество у местного правителя, и далеко не всегда это соизволение давалось.

Немногим лучше была судьба большинства девушек, выдержавших конкурс. Они нередко доживали до седых волос, так и не испытав того, ради чего их поселяли во дворец, или буквально гибли от тоски. Только имевшим звания (от постоянно находящихся до императорских драгоценных наложниц) позволялось раз в год или, самое большее, раз в несколько месяцев принимать у себя родителей, но не других родственников, а не имевшим званий не разрешалось и этого. Встречи наложниц с

¹² Жуи («исполнение желаний») — волнообразно изогнутый жезл с головкой, напоминающей древесный гриб или облако; по некоторым данным, он происходит от фаллического культа. В древности употреблялся для почесывания спины, позднее стал просто украшением, которое сулило удачу.

родными (как правило, коллективные, на людях, без всяких отлучек домой) очень напоминали свидания в тюрьме.

На выборах 1853 года, о которых в данном случае идет речь, произошел еще один характерный эпизод. Молоденькие кандидатки, расставшиеся с родителями и завидевшие грозную дворцовую стражу, плакали — вероятно боясь и того, что из-за восстания их разлука с семьями может оказаться вечной. Император почему-то долго не появлялся, и девушки, мучаясь от голода и жажды, целый день стояли у ворот Дворца земного спокойствия. Некоторые вздыхали или стонали, а стражники бранили их, одну стегнули плетью. Девушка упала, но тут же вскочила и стала гневно кричать, что с ними обращаются, как с рабынями, что государь в трудное для страны время думает только о разврате. Оторопевшие было стражники схватили ее и поволокли к приближавшейся императорской колеснице. Однако девушка даже не пожелала встать перед монархом на колени и бросила ему в лицо все те слова, которые только что произнесла. К счастью, император помиловал ее.

В этих выборах участвовала и Орхидея, но как она попала на них? Для начала послушаем Юй Жунлин:

«Вдова Хой Чжэна с детьми поселилась в Пекине и вела довольно скромную жизнь. Рассказывают, что однажды Цыси сама пошла купить овощей, а по улице как раз ехал молодой император. Девушка спряталась за кучей хвороста, но не удержалась от любопытства и выглянула. Сяньфэн заметил ее. Вскоре он приказал Управлению двора набрать себе наложниц, и Цыси оказалась в числе избранных».

Здесь Орхидее, которую, согласно большинству источников, Сяньфэн и во дворце-то долго не замечал, сразу придается чересчур важное значение. Гораздо правдоподобнее и вместе с тем подробнее пишет об этом Сюй Сяотянь:

«Соседские девочки, много лет не видевшие Орхидеи, давно превратились в девушек и с радостью встретили свою повзрослевшую, очень похорошевшую подругу. Она снова стала ходить к ним в гости, принимать их у себя, разговаривать, смеяться. Иногда они вместе отправлялись на Глазурный рынок или в Беседку безмятежности, гуляли по храмам, любовались яркими весенними нарядами, но однажды все подруги внезапно исчезли. Удивленная Орхидея, не выдержав, сама пошла к ним и тут же в страхе вернулась домой.

— Что с тобой, доченька? — беспокойно спросила магь.

Тогда Орхидея рассказала, что сейчас набирают девушек для императорского гарема. Евнухи рыщут по улицам, хватают всех красивых молоденьких маньчжурок и тащат их во дворец для дальнейшего отбора. Многие родители прячут своих дочерей или срочно выдают их замуж, так что переполох всюду ужасный. Почти все подруги Орхидеи были маньчжурками и прятались дома; только ее семья ничего не знала — удрилась „спать в барабане“.

Услышав, что император набирает наложниц, Тун Цзя втайне обрадовалась. Она подумала, что жить во дворце, а может быть даже получить титул драгоценного человека, гораздо лучше, чем терпеть голод и стужу. Но едва она попыталась донести эту мысль до дочери, как та зарыдала, отказалась от еды, перестала причесываться и заперлась в своей комнате».

Сопrotивление Орхидеи, по Сюй Сяотяню, было вызвано мечтой о браке с юношей, которого она до этого видела. Но дело в том, что придворные, искавшие кандидаток для гарема, в свою очередь видели Орхидею:

«В тот день, когда она так неосторожно отправилась к подругам, ее заметил один евнух. Красота Орхидеи поразила его; он даже не подозревал, что на свете бывают такие обаятельные женщины. Толстые косы, извивающиеся по длинному халату, ровная челка и небинтованные, но маленькие ноги¹³ ясно говорили, что она маньчжурка, поэтому евнух

¹³ Маньчжуры отлично понимали вред бинтования ног и не восприняли этот китайский обычай, шедший со времен средневековья.

немедленно доложил о ней главноуправляющему Цюю. А главноуправляющий как раз пребывал в смятении из-за того, что не мог набрать достаточного числа красивых девушек. Услышав доклад евнуха, он тут же отправился в переулок Западный пруд, расспросил тамошних жителей, понял, что речь идет о дочери провинциального инспектора, и возрадовался, потому что Орхидея вполне подходила в наложницы.

Дело в том, что при Цинах наложница должна была иметь определенное происхождение: быть дочерью чиновника не ниже четвертого ранга, а Хой Чжэн дослужился до второго, да еще принадлежал к наследственной знати. Кроме того, в наложницы брали только девушек от четырнадцати до двадцати лет — девятнадцатилетняя Орхидея проходила и по этому признаку. Естественно, что главноуправляющий доложил о ней Управлению двора, которое недавно получило от императрицы тайный указ набрать наложниц для Сына Неба.

Сановники из Управления двора, тоже рыскавшие повсюду, словно тигры или волки, чтобы исполнить этот указ, одобрили главноуправляющего и послали его вместе с другими евнухами в дом Орхидеи. Девушка скрывалась там уже несколько дней, решаясь выходить лишь во внутренний дворик, где она стирала и готовила — не в пример былым временам, когда за нее это делали слуги. В тот день она как раз стирала. Евнухи ввалились во дворик, увидели ее и загалдели:

— О, какая прекрасная девушка!

Смущенная Орхидея бросила белье и убежала в комнату. На шум выглянула мать.

— Зачем вы пришли? — спросила она, кланяясь.

— А разве госпожа не знает, что во дворце выбирают наложниц?! — воскликнул главноуправляющий. — Мы повсюду ходим, не можем найти ничего приличного, а тут, оказывается, скрывают такую красавицу! Почему вы не доложили о ней? Ручаюсь, что она понравится десятитысячелетнему господину и он сделает ее драгоценным человеком, а со временем и императорской наложницей. Плохо ли? Вы едва будете успевать благодарить нас!

Сладкие речи евнуха понравились Тун Цзя. Она снова вспомнила о своей нищете, о непригодности Гуйсяна. Пожалуй, ей действительно можно опираться только на дочерей. „Да, этот случай нельзя упускать. Раз Орхидея не соглашается, попробую подсунуть им Лотос (Жунэр)". Она вызвала младшую дочь, показала ее евнухам, но главноуправляющий замотал головой:

— Неужели вам хочется даром пожертвовать дочерью? Если девушка не совсем красива, она не будет пользоваться милостями императора и умрет во дворце от скуки. Нет, вы уж лучше зовите старшую, которую мы видели!

Тун Цзя поняла, что он прав.

— Моя старшая дочь немного строптива, — сказала она извиняющимся тоном, — поэтому дайте мне три дня сроку, и я ее постепенно уговорю. Через три дня можете приходиться за вестями.

Евнухи согласились и ушли, а Тун Цзя, отправившись к Орхидее, принялась настойчиво убеждать ее:

— Ты же видишь, до чего мы дошли! Вспомни, как мы страдали во время болезни отца... На твоего брата я не могу положиться, он всего лишь глупый мальчик, единственная моя надежда — это ты. Девочка, дорогая, пойдись туда ради меня! Ты ведь так красива и умна, что не можешь не понравиться его величеству, а когда понравишься, будешь делать все, что угодно, только о матери не забудь!

Из глаз Тун Цзя хлынули слезы. Орхидея тоже не удержалась и заплакала. Этот плач смягчил ее, она согласилась стать наложницей. Обрадованная мать начала целовать ее, называть всякими ласковыми словами, а через три дня вернулись евнухи — уже с дорогим платьем. Переодевшись, Орхидея села в коляску, женщины снова всплакнули, и коляска тронулась».

При всех достоинствах этого отрывка необходимо отметить, что у многих авторов Орхидея попадает во дворец почти случайно. А на самом деле еще до своего приезда в столицу она была зарегистрирована кандидаткой в императорские наложницы. В пьесе М. Коллиса и романе П. Бак она даже мечтает стать наложницей. Это опять-таки выглядит чересчур по-западному: писатели недостаточно учли специфику азиатского сознания, скованного всевозможными ограничениями, и непривлекательность красивого, но довольно скучного маньчжурского двора. Китайские романисты, зная все это, предпочли отойти от буквы истории, и их легко понять. Показав колебания Орхидеи, они создали простор для неожиданностей, очень важных в художественной — впрочем, не только в художественной — литературе.

ОСЧАСТЛИВЛЕННАЯ НАЛОЖНИЦА

Выше, в легенде о происхождении Цыси, уже говорилось, что вначале Орхидея играла во дворце очень незначительную роль и была «осчастливлена» Сяньфэном почти случайно, когда ночью подавала ему чай. Поскольку в этой легенде Цыси предстает буддийским перерождением старой лисицы, читатель может усомниться и в реальности остальных деталей, но их повторяет и автор гораздо более достоверного источника — «Подробного обзора неофициальных историй династии Цин». По-настоящему же красочную картину первого года жизни Цыси при дворе (1853—1854) дает Сюй Сяотянь, описывая местечко Тень платанов в летнем императорском парке, где поселили Орхидею:

«Обычно здесь жили только четыре служанки, присматривавшие за домом и убиравшие его, но сейчас к ним добавили двух наложниц. Второй была Ласточка, девушка из большой и состоятельной семьи, для которой чинная придворная жизнь казалась невероятно тоскливой, а хорошая еда и одежда не составляли ничего удивительного. Вспоминая своих родителей, многочисленных братьев и сестер, она плакала с утра до вечера. А Орхидея, вволю настрадавшаяся, чувствовала себя в парке как нельзя лучше и радовалась каждому новому платью или вкусному кушанью. К тому же здесь у нее были служанки! С ее веселым, непосредственным характером она быстро превратила платановую рощу в место беготни и смеха и почти забыла о матери, сестре и брате.

Но девушке нравилась и изысканная уединенность этой рощи, где платановые листья, закрывшие полнеба, бросали малахитово-зеленую тень на стены дома. Попросив принести ей альбомы со знаменитыми рисунками и прописями, Орхидея увлеченно занялась живописью и каллиграфией, к которым она имела склонность с самого детства. Овладев красивой скорописью, девушка начала писать на оконной бумаге стихи и рядом с ними изображать орхидеи. Вскоре она разрисовала все окна, а во дворе посадила „орхидеи четырех сезонов“, чтобы окружающие могли постоянно вдыхать аромат цветка, название которого было ее именем...

Вы думаете, Орхидея украшала свое жилище только ради забавы? Нет, она делала это с далеко идущими намерениями, понимая, что летом в таком тенистом месте вполне может появиться император. Более того, она стремилась ускорить этот счастливый миг — при помощи тех денег, которые Управление двора ежемесячно выдавало наложницам. Орхидея с самого начала не тратила их, а откладывала и, скопив лянов двести-триста, дарила евнухам. Те, убогаторенные столь щедрыми дарами, все время ждали, что девушка о чем-нибудь попросит их, но она ничего не просила, и тогда евнухи по собственному почину стали докладывать ей о каждом шаге императора. Орхидея слушала их как ни в чем не бывало.

Тем временем весна кончилась, погода становилась жарче. После обеда император Сяньфэн ежедневно садился в легкий паланкин, который несли восемь евнухов, и ехал отдыхать в Павильон воды, деревьев и чистого цветения. От спального дворца к этому павильону вели две дороги: одна шла через Горный кабинет, где встречают прекрасное; другая — через Тень платанов. До сих пор евнухи всегда пользовались первой дорогой,

потому что она была ровнее и короче, но Орхидея, узнав об этом, подкупила главноуправляющего и попросила его отныне носить императора по второй дороге, вдоль невысокой стены, которой была огорожена платановая роща.

Когда паланкин Сяньфэна поравнялся с рощей, на него пахнуло свежим ветерком, принесшим мелодичные звуки песни. И то и другое заинтересовало императора, изнывавшего от жары. Он молча указал на стену, и главноуправляющий тут же велел евнухам нести паланкин в Тень платанов.

За воротами Сяньфэн действительно обнаружил прохладную тень, густой аромат цветов, поднимавшийся с обеих сторон дорожки, и воскликнул:

— О, какое прекрасное место!

Ласточка и служанки, увидев священный паланкин, поспешно выбежали из дома и встали на колени посреди двора. Но невидимая певица не умолкала. Заинтригованный Сяньфэн решил сам найти ее и, велел остальным не произносить ни звука, вошел в дом. Там никого не оказалось, однако стихи на окнах и картины с изящной подписью „Маленькая Орхидея" привлекли его внимание. Следя за голосом, который волновал его все больше и больше, император вышел в задний дворик и тут, на берегу пруда, увидел искусственный холм, поросший бирюзовым бамбуком, под которым сидела девушка в маньчжурском наряде: красном халате, зеленых штанах и расшитых туфлях, надетых на белые чулки. Она сидела почти спиной к Сяньфэну, медленно обмахиваясь белоснежным веером из гусиных перьев, а в ее черные, словно крылья цикады, волосы, собранные над точеной шеей, был воткнут большой красный цветок. Край ее розового личика то и дело покачивался в такт песне, тонкая талия изгибалась, как ива...

Император, уже несколько пресытившийся изнеженными китайскими красавицами, с удовольствием смотрел на эту маньчжурку, в которой нежность как бы дополнялась крепостью, здоровьем. К сожалению, он не видел ее лица. Сяньфэн уже думал кашлянуть, чтобы незнакомка обернулась, но тут она запела особенно красиво, и ему не захотелось прерывать ее. Тихо стоя на ступенях, выходивших во дворик, и опершись о перила, он слушал искусно сложенный куплет, в каждой строке которого менялись всего один-два иероглифа:

Осенний месяц висит в пустоте,
звучит мелодия флейты.
Месяц в пустоте словно играет,
звуки флейты чисты.
В висящей пустоте играет флейта
мелодию чистой обиды.
В пустоте звучит мелодия флейты,
рождается чистая обида...

— Отличная песня! — не удержавшись, воскликнул Сяньфэн.

Девушка испуганно обернулась и увидела, что перед ней не кто иной, как Десятитысячелетний господин, о котором она ежедневно думала.

— Ваша рабыня Орхидея! — отрекомендовалась она, поспешно встав на колени. — Я счастлива лицезреть перед собой земного будду и пожелать ему десять тысяч лет жизни, десять миллионов лет!

Ее голос был так нежен, что Сяньфэну показалось, будто с ним разговаривает феникс, а не женщина. Он велел ей поднять голову и увидел изогнутые брови, ясные глаза, розовые щеки, похожие на персики, и смеющиеся вишневыи губы. Пораженный, он подумал: „Я знал многих женщин, но еще никогда не встречал таких свежих и волнующих. Если до сих пор я считал, что среди маньчжурок нет настоящих красавиц, то теперь отказываюсь от этой мысли!" Сделав знак Орхидее, он вошел в дом и уселся на одну из постелей...

Орхидея поднесла Сяньфэну освежающий мятный напиток. Отпивая маленькими глотками, император внимательно смотрел на девушку, которая явно не ожидала его визита и не успела переодеться. Правда, на розовой шее у нее была золотая цепочка, но халат запахивался не очень плотно и из-под него на самой груди выглядывала бирюзовая нижняя рубашка. Осушив кубок, Сяньфэн протянул его девушке. Та почтительно взяла его своими тонкими, словно выточенными из белой яшмы, пальцами, ногти которых были покрыты красным соком бальзамина, как вдруг император схватил ее за руку. Великолепный нефритовый кубок со звоном разбился. Однако Орхидея, не смеяшая поднять головы, была не столько напугана или раздражена, сколько обрадована. Император подтянул ее к постели, усадил рядом с собой и, поглаживая ей руку, стал спрашивать, как ее зовут, сколько ей лет, из какой она семьи, когда попала во дворец. Девушка послушно отвечала. Сяньфэн придвинулся еще ближе и что-то прошептал ей на ухо. Покраснев, она усмехнулась, вышла в передний двор и позвала двух главных евнухов — Цуй Чанли и Ань Дэхая. Когда они предстали перед императором, он сказал им:

— Повелеваю вам отправиться в Павильон воды, деревьев и чистого цветения, чтобы меня там не ждали. Пусть все делают что хотят, а я сегодня буду отдыхать в Тени платанов.

Евнухи отлично поняли его и, прикрыв двери, тихо удалились. Орхидея провела с императором весь день. Наконец оба они, довольные, вышли подышать свежим воздухом. Евнухи принесли своему властелину паланкин, Орхидея почтительно встала перед ним на колени, но едва император выехал за ворота, как служанки и оставшиеся евнухи бросились поздравлять ее. Девушке было стыдно и в то же время приятно: она чувствовала, что теперь повелитель ее не забудет, а может быть, позовет и этой ночью. Вернувшись в комнаты, она начала тщательно причесываться, наряжаться, умащивать себя благовониями. Обычно летом она купалась после обеда, но сегодня из-за неожиданного визита не успела этого сделать — лишь обтерлась цветочной росой, напудрилась, позволила служанкам воткнуть себе в волосы магнолию и стала ждать...

И она не ошиблась: после ужина в ее дом вошел главный евнух Палаты важных дел с зеленой табличкой в руках:

— Приказ драгоценному человеку Орхидее! — воскликнул он.

Из этих слов Орхидея поняла, что император уже даровал ей титул драгоценного человека, и несказанно обрадовалась. Опустившись на колени, она приняла табличку; служанки отвели ее в спальню, раздели и, согласно обычаю, снова умастили благовониями. Когда эта процедура была закончена, одна из служанок вызвала посланца, он закутал Орхидею в специальную накидку, посадил девушку к себе на плечи и, придерживая ее за ноги, понес в спальню дворец императора. Часа через два после этого он вновь принес ее в Тень платанов, но с очень редким для Сяньфэна повелением: следующей ночью ждать нового вызова. Служанки и евнухи поняли, что она понравилась его величеству и, как знать, может еще родит наследника и станет императрицей. Все начали заискивать перед ней, а Ласточку даже переселили в другое место, чтобы она не мешала Орхидее.

С тех пор Сяньфэн зачастил в Тень платанов и каждый день слушал пение своего драгоценного человека, которая знала множество разных мелодий. Сегодня она угощала монарха веселой песенкой, завтра — столичной опрой, послезавтра — арией из музыкальной кунь-шаньской драмы. Любвеобильный Сын Неба очень привязался к Орхидее и даже ночевал в Тени платанов, не возвращаясь в спальню дворец. Китайских красавиц он быстро забыл, а Орхидея, чтобы окончательно отвлечь императора от них, с серьезным видом напоминала ему о делах правления. Сяньфэну оставалось только послушно вызывать к себе членов Государственного совета».

В этом отрывке тоже не все может показаться правдоподобным: например то, что евнух несет наложницу на плечах, а не в паланкине. Но исторические источники подтверждают, что именно так и полагалось делать, причем наложница должна была

раздеться догола, чтобы не пронести с собой оружия. Этот обычай родился после того, как то ли в эпоху Мин (1368—1644), то ли в начале Цин одного императора пытались убить. К тому же неумолимые китайские церемонии требовали завертывать голую наложницу в накидку из пуха цапли. Почему обязательно цапли — неизвестно. Может быть потому, что цапля хорошо ловит змей и символизировала в Китае защиту от всякого коварства?

К решающему моменту император уже должен был лежать в постели, так что наложница, когда ее развертывали, проскальзывала к нему прямо под одеяло. Главноуправляющий Палаты важных дел (да, эта палата с забавными для нас функциями называлась именно так!) и евнух, принесший наложницу, ждали в соседней комнате. Если наложница задерживалась у императора слишком долго, главноуправляющий кричал: «Время пришло!» (то, что на Западе любой счел бы неслыханным, в Китае воспринималось как естественное, ибо там даже монарх был опутан церемониями) — и так до трех раз, пока государь не откликнулся. Тогда евнухи входили, снова завертывали наложницу в пуховое покрывало и уносили. Но до этого главноуправляющий становился перед императором на колени и спрашивал: «Оставить или нет?». Если следовал ответ: «Не оставлять», то главноуправляющий нажимал на живот женщины таким образом, что все «драконово семя» выходило. А если император говорил: «Оставить», то евнух записывал в специальной книге: «В такой-то месяц, такого-то числа, в такой-то час император осчастливил такую-то наложницу», чтобы потом было доказательство, если она забеременеет. Но в летних дворцах — в отличие от зимних, городских — китайские монархи не очень строго придерживались этих правил, установленных предками для «ограничения разврата».

Как видим, Сюй Сяотянь довольно точно передает детали маньчжурской придворной жизни, поэтому имеет смысл предоставить ему слово еще раз, для повествования о расправе Орхидеи над своими соперницами:

«Осенью, боясь, что в Тени платанов слишком холодно, император переселил свою любимицу в место под названием Здесь всегда весна. Сопровождали ее уже больше ста евнухов и служанок, хотя титул драгоценный человек был для этого недостаточно высок. Она продолжала завидовать китайским красавицам, которыми совсем недавно увлекался монарх, и решила отомстить им... Собственно, решение это созрело гораздо раньше, когда Орхидея еще только попала в Парк радости и света, но тогда она не обладала достаточной силой. А теперь император во всем слушался фаворитку и ее смелость росла вместе с ее правами.

Китайки Пионовая весна и Абрикосовая весна, долго не видя паланкина своего повелителя, очень удивлялись, пока не разузнали, что он увлекся грубой маньчжуркой. Этого они никак не могли понять. А служанки и евнухи, чувствуя, что китайские красавицы утрачивают свое влияние, тотчас переметнулись к драгоценному человеку. Тут они во всех подробностях рассказали, как нечестивицы соблазняли его величество, как он по простоте душевной отвечал на их бесстыдные ужимки, и в Орхидее еще сильнее разыграла ревность.

Как раз в это время в ее сад пришла молодая китайка, тоже осчастливленная императором, но впоследствии брошенная им. Она хотела узнать, где ее властелин, не думает ли он вернуться к ней, и тихонько спрашивала об этом в кустах одного евнуха. Орхидея, сидевшая у окна, заметила их. В ее глазах десятисаженным пламенем вспыхнул гнев; она сделала знак слугам, схватила „заговорщиков" и учинила им жестокий допрос. В особую ярость ее привели белая кожа девушки, черные брови, крохотные ножки, обутые в красные расшитые туфли...

— У, подлая! — закричала Орхидея. — Разрядилась как лиса-оборотень, снюхалась с евнухом и выуживаешь у него сведения о его величестве?! Может, еще отрицать это будешь? Раздеть ее!

Несколько служанок подбежали к китайке и сорвали с нее кто халат, кто юбку, так что через секунду все увидели высокую грудь и белые бедра девушки.

— Связать! — продолжала Орхидея.

Слуги связали китайку нос к носу с евнухом и по приказу фаворитки начали бить их бамбуковой лучиной — бить жестоко, с оттяжками, после каждой из которых на теле показывалась кровь. Девушка кричала и плакала, но на двухсотом или трехсотом ударе замолкла, потеряв сознание. Тогда служанки достали из колодца воды и облили несчастных. Девушка снова застонала. Орхидея велела развязать ее, снять с нее туфли вместе с бинтами и, подгоняя бамбуковой лучиной, заставила ее ходить босыми изуродованными ногами. Каждый шаг стоил девушке нестерпимых мучений, однако Орхидея сочла, что жертва ходит слишком медленно, и велела протащить ее бегом по дорожке, посыпанной острым щебнем. Девушка истошно кричала, а потом не выдержала, повалилась на щебень коленями и снова потеряла сознание.

Все вокруг было залито кровью. Брезгливо померившись, Орхидея велела утопить жертву в пруду, и с тех пор едва ли не каждый раз, когда император отсутствовал, она ловила очередную китайку, пытала ее, а затем топила. Некоторые девушки, боясь пыток, подкупали евнухов и бежали из дворца; другие вешались или сами топились. Словом, очаровательный Парк радости и света превратился в крошечный ад, где стонали души и завывали черти».

Далее романист описывает, как император узнал о зверствах Орхидеи и даже хотел казнить ее, но она ловко оправдалась перед монархом. И хотя этот эпизод вроде бы не имеет прямых документальных подтверждений, я все-таки помещаю его для историков (не говоря уж о других читателях), потому что не раз убеждался в большой достоверности книги Сюй Сяотяня.

Цитируемый роман, по существу, не противоречит историческим данным: с помощью авторского воображения, вполне естественного и даже необходимого для художественной литературы, он лишь дополняет реальные факты, добавляет к ним новые яркие подробности, помогающие почти осязаемо ощутить атмосферу жизни не только в маньчжурской империи, но и в Китае последующих времен,

ПОЯВЛЕНИЕ НАСЛЕДНИКА

Разделавшись со своими соперницами, Орхидея, как говорится в «Сказании о тринадцати маньчжурских императорах», «вдруг обнаружила новое доказательство своей силы: оказывается, она забеременела от Сяньфэна, причем за неполный год сожителства с ним. До этого Сяньфэну не приносили успеха даже многие годы, а к императрице Цыань, единственно способной родить ему законного наследника, он почти не приближался, отталкиваемый ее чрезмерной строгостью. Главная надежда теперь была на Орхидею. Если она родит мальчика, то ему, пожалуй, можно будет передать престол! Охваченный такими мечтами, император еще больше полубил свою фаворитку и исполнял все ее прихоти.

Как многие беременные, Орхидея часто капризничала, испытывала тошноту, но кроме беременности тут были другие причины: убив немало китайок, она начала бояться привидений и ночью внезапно просыпалась от ужаса. Ей чудились стенания усопших; плод во чреве иногда казался вовсе не ребенком, а вселившимся туда дьяволом. Между тем живот ее все рос, и близилось время, когда она на несколько месяцев перестанет быть желанной для императора. „Кто может поручиться, что он не вернется тогда к своим любимым китайкам? — лихорадочно думала она. — Надо во что бы то ни стало оторвать его от этих оборотней!"

Вскоре, лежа с его величеством на одной подушке, она посоветовала ему вернуться в зимний дворец, чтобы повидать жену, которую он давно не навещал, и больше заняться государственными делами. Сяньфэн терпеть не мог всяких бумаг и официальных

приемов, но своей любимице отказать не мог — тем более что она твердила ему каждый день: „Не надо давать чиновникам оснований говорить, будто я околдовала ваше величество и оторвала вас от дел правления, даже от супруги. Какими глазами я взгляну в лицо ее величества, если обо мне пойдет такая молва?“

С этими словами она заплакала, и Сяньфэн, не выносивший ее слез, тотчас на все согласился. Через три дня они уже переехали в зимний дворец, чему сановники действительно были очень рады. Не потому, разумеется, что они были так обеспокоены своей службой, а потому, что этого им приходилось каждый день ездить на аудиенции из города в Парк радости и света, то есть за сорок ли¹⁴. Вставать они были вынуждены чуть ли не в полночь, чтобы в коляске или верхом поспеть на место до петушиного крика. Аудиенция устраивалась на рассвете. Передав свои доклады императору и получив его распоряжения, сановники возвращались в город. Ни снег, ни дождь, ни холод, ни жара не могли их задержать, и легко представить, как выглядела в непогоду дорога, изъезженная сотнями чиновников. Естественно, что теперь они в душе благодарили Орхидею, разведав, что именно она избавила их от этой напасти.

В городе фаворитка поселилась во Дворце сияющей весны и велела своим приближенным никому не говорить, что она ждет ребенка. Вот если родится мальчик, тогда можно будет и похвастаться. Таким образом, императрица не знала о беременности Орхидеи и не удивлялась, что император по-прежнему ночует у наложницы. А ночевал он у нее потому, что все больше привязывался к ней. Когда она заболела, он лично следил, как ей готовят лекарства, сидел у ее постели, развлекал ее пирами, беседами и шутками. Считалось, что император переехал в город ради государственных дел, но в действительности из десяти аудиенций он удостаивал своим присутствием не более одной-двух, а на остальных заставлял гражданских и военных сановников попусту ждать себя».

Престолонаследник — будущий император Тунчжи — появился на свет в марте 1856 года. После этого, как подчеркивает Юй Жунлин, «положение Цыси при дворе окончательно укрепилось и ее повысили сразу на два ранга. Кроме того, Сяньфэн выдал ее младшую сестру за своего брата Чуня: впоследствии от этого союза родился еще один будущий император — Гуансюй. Во время всевозможных аудиенций, совещаний или приемов Цыси нередко бывала рядом с Сяньфэном, и это научило ее разбираться в государственных делах».

Уход за ребенком отнимал у Орхидеи даже меньше времени, чем у европейских придворных дам. Ведь в Китае новорожденному принцу полагалось ровно сорок нянек, среди которых было восемь кормилиц, восемь надзирательниц, поварихи, швеи, фонарщицы, уборщицы, в том числе женщины, специально занимавшиеся сбором драгоценных экскрементов. Когда мальчика отнимали от груди, кормилиц заменяли евнухами, которые учили его есть, ходить, говорить и т. д. С матерью он почти не виделся (не больше десяти раз в год), а когда виделся, не имел права много разговаривать — чтобы отличаться от простых смертных. К восемнадцати годам его женили.

Но мы еще недостаточно узнали о самом моменте рождения Тунчжи; нам поможет сделать это Сюй Сяо-тянь:

«Когда драгоценный человек Орхидея родила мальчика, она была немедленно произведена в драгоценные наложницы. Появление наследника скрасило все горести Сяньфэна (вызванные успехами тайпинов и иностранных интервентов, начавших вторую „опиумную" войну.— В. С.), вместе с ним радовались императрица, сановники, даже простой народ. Почти в каждом доме зажигали фонари с праздничными надписями, хотя фактически это был праздник исключительно царствующей семьи, а остальные лишь рабски подчинялись ей. Мальчика нарекли Цзай Чунем (Насаждающим чистоту), и Орхидея буквально лопалась от гордости — не только перед другими наложницами, но и

¹⁴ Ли — китайская мера длины, около шестисот метров.

перед императрицей. На самом же деле следует заметить, что принца родила вовсе не Орхидея, а китайская девушка по имени Чу Ин.

Эта девушка вышла из добропорядочной ученой семьи; отец ее служил на мелкой должности в столице и едва мог прокормить жену и детей, однако его дочь пользовалась славой среди чиновничества, потому что она была прекрасна, как фея реки Ло¹⁵. Многие сватались к ней, но отец считал этих женихов слишком корыстолюбивыми и не отдавал ее замуж. Когда ей было шестнадцать лет, отец умер, не оставив семье ни монеты, а тут при дворе как раз стали набирать служанок. Мать девушки прельстилась высоким заработком и послала ее во дворец; Чу Ин тоже думала, что ей придется только отбивать стражи да подметать. Она никак не ожидала, что любвеобильный Сын Неба потребует от нее совсем другого.

Однажды, когда Чу Ин прогуливалась среди пионов, император увидел ее очаровательное личико, ее крохотные ножки, мелькавшие в цветах, и остолбенел. Он махнул рукой стражникам, а те уже знали смысл этого жеста и сразу удалились. Его величество осчастливил Чу Ин, хотя она лишь подчинялась силе и с горечью думала о том, что как бы чиста ни была девушка, ей трудно сохранить свою чистоту во дворце. Тем не менее император вызывал ее к себе еще несколько раз, и вскоре Чу Ин почувствовала, что она беременна.

Теперь она уже не интересовала монарха (ведь сына китайки даже нельзя было сделать наследником), но очень заинтересовала ревнивую Орхидею. Сперва она хотела замучить и утопить Чу Ин, подобно многим другим, а затем, поразмыслив, спрятала ее у себя в доме и притворилась беременной сама. Чтобы никто не раскрыл ее обмана, Орхидея не только сделала себе фальшивый живот, как две капли воды похожий на настоящий, но и нарядила Чу Ин в маньчжурское платье, разбинтовала ей ноги и заставила ее прислуживать в самых дальних комнатах. Когда Чу Ин родила, Орхидея тут же убила ее, вымазавшись кровью, изобразив счастливую мать, и взяла ребенка кормилицу, которая ничего не знала о его происхождении».

Эту версию разделяют очень многие авторы (за исключением Юй Жунлин, которая считает, будто Тунчжи был сыном Цыси). Например, Коллис, основываясь на китайских материалах, утверждает, что и Сяньфэн и его наложница были бесплодны из-за перенесенной ими венерической болезни¹⁶; кроме того, если бы Орхидея действительно сама родила Тунчжи, она вряд ли впоследствии умертвила бы своего единственного ребенка — такое злодейство не очень естественно даже для людей, подобных Цыси. Исходя из этой версии, драматург показывает, как наложница присвоила себе чужого мальчика, выдала его за законного наследника престола, а потом убила его мать. Нарисовано все это лучше, чем в романе Сюй Сяотяня, где изображение во многом подменено объяснением. Коллис же не скупится на эмоциональные детали: смертельно запугав придворного врача, Орхидея выдает себя за роженицу и ловко убеждает императора, будто мальчик похож на него; мать ребенка просит хотя бы в последний раз показать ей сына, клянется молчать, но Орхидея неумолима.

Характерно, что Коллис не акцентирует внимания на национальности настоящей матери, а Сюй Сяотянь называет ее китайкой. Может быть, это и правда, однако возможен и другой вариант: перед нами антиманьчжурская легенда. Холдейн считает совсем невероятным, чтобы Орхидея взяла ребенка у китайки: «известно, как ревностно маньчжуры блюли свою национальную чистоту». Это слишком слабое опровержение; судя по характеру Цыси, она могла решиться и на более опасный шаг ради того чтобы

¹⁵ Фея реки Ло — неземная красавица, воспетая известными китайскими поэтами Сун Юем (III в. до н. э.), Цао Чжи (II—III вв. н. э.) и др.

¹⁶ Против этого варианта решительно возражает Хасси, ссылаясь на то, что многие наложницы Сяньфэна дожили до глубокой старости. Но достаточно ли убедителен этот аргумент с медицинской точки зрения?

стать матерью наследника. И потом: разве так уж важно, китайнку она умертвила или маньчжурку?

Подобный вопрос считался очень существенным лишь на рубеже XIX—XX веков, в условиях обострившихся маньчжуро-китайских отношений. Некоторые тогдашние авторы признавали Цыси матерью Тунчжи, но считали, что она родила его не от Сяньфэна, а от офицера дворцовой стражи Жун Лу, и на этом основании усиливали свои нападки на маньчжурский двор. Такую версию поддерживают Бак и Холдейн, напоминая о том, что во время зачатия Тунчжи император Сяньфэн был уже наполовину парализован. В общем, с какой стороны ни подойти, Цыси оказывается виновной либо в убийстве, либо в крупном обмане. И это только один из первых шагов в ее придворной карьере.

Естественно, что меня в данном случае интересует не столько происхождение императора Тунчжи и даже не столько манера поведения молодой Цыси, сколько та атмосфера, в которой могли успешно процветать безнравственность, жестокость и интриганство.

СМЕРТЬ ИМПЕРАТОРА СЯНЬФЭНА

В 1860 году, во время второй «опиумной» войны, когда англо-французская армия вторглась в Пекин, Сяньфэн вместе с императрицей, Цыси и наследником бежали в одну из деревушек провинции Жэхэ. Через год Сяньфэн умер там, будто бы от болезни, но какой — никто не знает. В «Сказании о тринадцати маньчжурских императорах» подчеркивается, что эту болезнь усугубила Цыси:

«Весной император с наложницами часто пил вино и катался на так называемых драконовых лодках. Сяньфэн чувствовал себя еще не совсем здоровым, однако решил сесть в специальную расписную лодку, и служанки, стоявшие на берегу пруда, разом закричали: "Счастливого причала!". По обычаю, они должны были кричать это до тех пор, пока лодка повелителя не пристанет к берегу, иначе может случиться беда. Поверье забавное, но разрешавшее вволю пошуметь, чем с радостью воспользовался и малолетний наследник. Драгоценная наложница Орхидея, захватив наиболее близких себе наложниц, села в другую расписную лодку и тут обнаружила рядом с ней маленькую лодочку, в каких она каталась еще на юге. Вспомнив былое, Орхидея перепрыгнула в лодочку, взялась за весло и поплыла.

— О, как интересно! — воскликнул увидевший это Сяньфэн. — Я тоже хочу с тобой покататься.

Орхидея причалила к его лодке, император встал на борт, шагнул, но так неловко, что лодочка начала отходить в сторону. Ослабевшие от болезни ноги не выдержали, разъехались, и монарх упал в пруд.

— Спасите! — завизжали все служанки.

Императрица, сидевшая в каюте, испуганно выбежала. Пруд, на счастье, оказался мелким, и его величество погрузился только по плечи. Семь или восемь евнухов бросились в воду и, вытащив повелителя, отнесли его в первую попавшуюся беседку, где ему срочно сменили платье. А неосторожную драгоценную наложницу императрица приказала отправить в заточение.

После этого Сяньфэн снова заболел. Императрица ухаживала за ним днем и ночью, и только глубокой осенью он поправился».

При тех методах лечения, которые применялись в китайских дворцах, даже обыкновенная простуда могла привести к смертельному исходу. И дело тут не в низком уровне китайской медицины, а в церемониях и ограничениях. Придворные врачи должны были во всем руководствоваться старинной книгой «Высочайше утвержденное золотое зеркало врачевания монархов». Спорить с ней запрещалось. На следующий день после первого посещения врачу полагалось вновь осмотреть больного и обязательно прописать

ему новое лекарство, но не слишком отличающееся от прежнего. Главное было сделать все «по правилам», выписать два-три рецепта, и на этом лечение, в сущности, кончалось.

В эпизоде с лодкой поведение Орхидеи нарисовано просто как неосмотрительное, хотя оно могло быть и сознательным. А многие авторы прямо утверждают, что Цыси убила Сяньфэна, чтобы стать регентшей при своем сыне (?) Тунчжи. По мнению Ле Су, наложница отравила монарха стрихнином, по версии Сюй Сяотяня — «лишь» поощряла его в курении опиума, а Коллис и Холдейн предполагают, что она использовала для отравления посредников. Даже Блэнд и Бэкхауз, нередко вступающиеся за Цыси, замечают, что смерть Сяньфэна явно была ускорена.

Сяньфэн и сам не очень доверял своей честолюбивой наложнице и, согласно ряду источников, оставил императрице Цыань указ, позволявший ей в любую минуту казнить Цыси. По другим сведениям, монарх подписал подготовленный министром Су Шунем указ о «даровании» Орхидее самоубийства, чтобы ее душа всегда могла быть вместе с ним, Сяньфэном. В книге Хасси живо рассказывается, как Цыси выкрала этот указ из-под подушки умирающего, но более распространена версия о том, что наложница похитила лишь императорские печати — отчасти поэтому Су Шунь и не смог заверить бесценный указ, не сумел устранить Цыси, а она, напротив, расправилась с министром.

Последней версии не отрицает и П. Бак, однако придает ей сентиментально-героический оттенок, заявляя, что Орхидея действовала во спасение наследника. Даже если на минуту забыть о том, действительно ли Тунчжи был сыном Цыси, не может быть ничего ошибочнее, чем искать в ее характере сантименты. Гораздо уместнее тут иронические ноты, прозвучавшие в одном из самых первых европейских откликов на деятельность Орхидеи. Когда умер Сяньфэн, то, по словам английской газеты «Таймс», «на сцену выступили все обычные *dramatis personae* (действующие лица) восточных дворов: вдовствующая императрица, императрица-мать, малолетний император, целая шайка вельмож, приверженных старине, и т. д.». «Императрица-мать», материнство которой к тому же весьма сомнительно, — это и есть Цыси.

В давние времена после смерти китайских императоров иногда правили матери малолетних наследников, однако другие их родственники при этом часто оттеснялись от власти. Не желая повторять такого опасного для мужчин прецедента, маньчжуры еще в XVII веке установили закон, согласно которому императрицы не могли быть регентшами. Правда, позднее Цыси дважды преступила этот закон, но сразу после смерти мужа ей и Цыань удалось добиться только почетного звания Великих императриц, то есть матерей царствующего монарха, а править начал регентский совет из князей и сановников. Основная борьба за власть была еще впереди,

РАСПРАВА С СУ ШУНЕМ И ЕГО СТОРОННИКАМИ

Итак, императору Тунчжи было всего шесть лет, обе его «матери» не имели большого права на власть, а из нескольких братьев покойного монарха государственными делами занимались только двое: князя Гун (Почтительный) и Чунь (Чистый). В последние годы жизни Сяньфэна политику вершил в основном «министр налогов Су Шунь, наделенный официальным правом часто являться к императору. Су не упускал этой привилегии, но вел себя во дворце весьма развязно. Цыси решила, что он ненадежен, многократно осуждала его перед Сяньфэном, а тот только посмеивался и говорил: „Су Шунь просто ребячлив!“ Однако позднее, воспользовавшись смертью Сяньфэна, министр в самом деле хотел узурпировать власть; в конце концов князьям Гуну и Чуню пришлось убить его».

Так пишет Юй Жунлин, добавляя, каким образом развивались события после превращения Цыань и Цыси в Великих императриц:

«Фактически всю власть захватил Су Шунь вместе со своими сводными братьями из Управления царствующей фамилии: Торжественным князем — Дуань Хуа и Радостным

князем — Цзай Юанем. Открыто похваляясь собственным величием, они делали что хотели и буквально терроризировали обеих императриц. Например, панихиды по умершему монарху полагалось служить через определенные сроки, но Су Шунь сам заявлял время от времени: „Пора служить панихиду!“ В другой раз он даже спросил Цыси, не то насмехаясь, не то грубо заигрывая: „Как тебе нравятся мои штаны?..“

Все это очень беспокоило императриц, и Цыси однажды сказала Цыань:

— Наше положение крайне опасно! Стоит послать человека в Пекин, к князьям Гуну и Чуню, чтобы они приехали в Жэхэ и защитили трон. Как вы думаете?

— Я не возражаю, — ответила Цыань. — Действуй скорее!

Тогда Цыси собрала нескольких самых близких евнухов и спросила:

— Кто из вас решится отвезти тайное письмо?

Евнухи осторожно переглянулись. Вдруг один из них, самый молодой, опустился на колени и ответил:

— Я готов, даже если это грозит мне смертью!

Молодого евнуха звали Ань Дэхай¹⁷, ему едва исполнилось двадцать лет, поэтому окружающие называли его Маленьким Анем. Да и положение при дворе у него было весьма незавидное: он всего лишь прислуживал при трапезах.

Горячо похвалив его за смелость и преданность, Цыси дала ему на дорогу пятьдесят серебряных лянов. Маленький Ань, уже успевший встать, снова опустился на колени и трижды ударился головой об пол, благодаря за милость. Потом он вышел, дождался темноты и, тихонько выбравшись звездной ночью из временного дворца, пустился в путь. В Пекине он сразу пошел к князю Гуну, тот помчался к князю Чуню, и вскоре все они вместе с „батальоном волшебного оружия“ (то есть отрядом, вооруженным по-европейски) прибыли в Жэхэ.

Су Шунь принял их внешне гостеприимно, но всячески старался сделать так, чтобы они не остались наедине с императрицами. Только ночью Маленькому Аню удалось провести князей к своим господам. Гун просил императриц пока вести себя спокойно, чтобы „не распугать змей“, а через два дня был издан указ, повелевающий Су Шуню, Дуань Хуа и Цзай Юаню вместе с императрицами и князьями сопровождать гроб с прахом великого Сяньфэна в столицу.

В Пекине императрицы немедленно приказали арестовать весь триумвират: Дуань Хуа и Цзай Юань были приговорены к отсечению головы, а Су Шунь — к четвертованию. Впрочем, по милостивой просьбе князя Чуня Су Шунь был только обезглавлен; Дуань Хуа и Цзай Юаню даровали самоубийство.

Предок Цзай Юаня был сыном императора Канси и братом следующего императора, Юнчжэна. В свое время Юнчжэн подарил этому предку железный щит, означающий, что никто и никогда из его рода не должен подвергаться смертной казни. Домашние Цзай Юаня безуспешно искали спасительный щит, наконец извлекли его из семейного храма, но было уже поздно».

Существуют и несколько другие данные о судьбе Су Шуня. Так, в одном из источников подчеркивается, что в 1860 году, когда англо-французская армия вторглась в Пекин и императорский двор бежал в Жэхэ, Су Шунь стал канцлером и одновременно командующим сухопутными войсками. После заключения мира с иностранцами монарх уже мог возвратиться в столицу, но триумвират всячески препятствовал этому. 16 июля 1861 года Сяньфэн серьезно заболел. Позвав к себе Су Шуня и других приближенных, он провозгласил Тунчжи своим преемником. На другой день император

¹⁷ Согласно другим источникам, это был Ли Ляньин. Сначала он служил парикмахером Цыси и улаживал ее в иных отношениях, а затем она произвела его в главноуправляющие. Привязанность Цыси к Ли Ляньину будто бы объяснялась и тем, что Сяньфэн перед смертью говорил с Су Шунем о необходимости устранить Цыси, а Ли услышал это, вылез ночью через собачий лаз, прибежал в дом княгини Чунь (сестры Цыси) и все рассказал.

умер, однако триумвират спрятал этот указ и продолжал править сам, не торопясь отправлять тело императора в Пекин.

Свои попытки помешать князьям Гуну и Чуню попасть к императрицам триумвират, используя строгую конфуцианскую мораль, обосновывал тем, что зятьям неприлично встречаться с невестками, особенно во время траура, но князь Гун все же преуспел в своем стремлении. Возвращаясь в столицу, он не решался останавливаться в областных или уездных управах, боясь покушений со стороны триумвирата. Только 23 сентября князю и императрицам удалось добиться издания от имени малолетнего Тунчжи указа о том, чтобы Су Шунь «охранял» монархов при их возвращении в Пекин, а казнь триумвирата свершилась 6 ноября, так что весь процесс был гораздо более затяжным, чем его рисует Юй Жунлин. Су Шуня схватили, когда он будто бы нежился в постели с двумя наложницами. Перед казнью его забросали камнями, разбили ему все лицо, но он громко бранился и встал на колени лишь после того, как палач начал бить его железным прутом. Сперва ему отрубили обе руки, а потом голову.

В том же источнике сказано, что во время ареста члены триумвирата переругались между собой, сваливая вину один на другого, но это плохо согласуется с только что описанным поведением Су Шуня и чересчур похоже на попытку очернить «узурпаторов». Вот почему я попробую внести некоторое уточнение в историю триумвирата при помощи еще одного источника.

Согласно У Сянсяну, Сяньфэн перед смертью сам назначил регентский совет из восьми человек, в котором триумвират просто играл наибольшую роль, то есть действовал вполне законно. Цыань сразу получила титул Великой императрицы, а Цыси нет (ведь она была только наложницей), но вдруг обрела его через сутки после смерти Сяньфэна (можно представить, каким способом!). Сторонники этих дам и князя Гуна 1 августа 1861 года поручили известному ученому того времени Ли Цымину для обработки общественного мнения собрать исторические примеры того, как в Китае правили императрицы. Ли нашел целых восемь примеров (одиозную У Цзэтянь он при этом, конечно, опустил), а 10 августа цензор Дун Юаньчунь уже обратился с почтительнейшей просьбой к императрицам взять бразды правления в свои руки.

Князь Цзай Юань, Су Шунь и другие открыто выступили против этого, ссылаясь на решение Сяньфэна. Маленький Тунчжи плакал во время этих баталий, однако императрицам все же удалось двинуться в Пекин. С помощью генерала Шэн Бао, которого Цыси отнюдь не поблагодарила за поддержку, а вскоре осудила на самоубийство, князь Гун подтянул к столице войска, но для отвода глаз назначил Дуань Хуа (от имени государынь) заместителем министра налогов, а Су Шуня — верховным прокурором. Обрадованные сановники поблагодарили императриц и возглавили их эскорт. Отчасти из-за этого впоследствии несколько откладывалась расправа над триумвиратом — монархам было неудобно сразу же казнить своих почетных сопровождающих.

В неофициальных исторических источниках Су Шунь выглядит гораздо более привлекательной фигурой, чем в официальных материалах. Он был, несомненно, талантлив и принадлежал к числу тех маньчжурских сановников, которые считали возможным выдвигать на высокие посты не только маньчжуров, но и китайцев. Су Шунь боролся с коррупцией в министерстве налогов и на государственных экзаменах, с помощью которых в Китае занимали чиновничьи должности. Вопреки придворным авантюристам типа И Гэньюня, которые во время «опиумных» войн призывали к сопротивлению до конца и не желали открывать китайских портов для торговли, Су Шунь стоял за примирение с державами, хотя и несколько колебался. Его обвиняли, в частности, в том, что он препятствовал возвращению Сяньфэна в столицу, но вполне возможно, что это делал не Су Шунь, а Цыси, боявшаяся, что в Пекине у императора появятся новые приближенные, которые отстранят ее от власти, В Жэхэ, когда царствующий род жил в

весьма стесненных условиях, Су Шуню приходилось строго распределять пищу среди придворных, так что в ненависти Цыси к нему наверняка было много личного.

Сходную антипатию испытывал и Су Шунь к Цыси, которая, как замечает Сюй Сяотянь, увлекла императора и заставила его забыть о государственных делах:

«Особенно были недовольны этим два человека: канцлер Ду Шоутянь и член царствующей фамилии Су Шунь. Первый из них прямо решился урезонить императора, сказав, что в годину внешних и внутренних невзгод Сын Неба должен трудиться с утра до ночи и достойно продолжать дело предков. Сяньфэн очень уважал Ду Шоутяня и не смог возразить ему — тем более что тот весьма кстати вспомнил о предках. А Су Шунь был совсем другим, хитрым человеком. Как родственник императора и даже начальник Управления царствующей фамилии, он прекрасно знал обо всем, что происходило во дворце, в том числе о том, как предусмотрительно Орхидея украшала свое жилище, и невзлюбил ее.

Строго говоря, эта неприязнь имела более глубокие корни: Су Шунь был знаком с Хой Чжэном, отцом Орхидеи, который во время одного праздника не угодил ему подарком. Теперь же Су Шунь, умело пользуясь «внутренними ходами», донес на Орхидею императрице, а та всю жизнь ненавидела обаятельных женщин, смеющих отвлекать мужчин от важных дел. Ранним утром, сев в паланкин, она отправилась ко Дворцу сияющей весны, где спали Орхидея и император, встала на колени, положила себе на голову заветы предков и стала громко читать их наизусть. Испуганный император выскочил из-под одеяла, тоже опустился на колени, а потом, уговорив жену замолчать, отправился принимать сановников.

Когда Сяньфэн возвращался с аудиенции, к нему навстречу выбежал растерянный евнух и доложил, что императрица затребовала Орхидею во Дворец земного спокойствия. „Плохо дело! — подумал Сяньфэн. — Ведь это главное место, где моя супруга допрашивает и пытается наложить!“

Не снимая своего официального наряда, он бросился во Дворец земного спокойствия и едва вступил на порог, как увидел императрицу с искаженным от гнева лицом, а перед ней — плачущую Орхидею. Фаворитка стояла на коленях, полураздетая, и императрица уже приказывала служанкам бить ее. Сяньфэн подскочил к жене.

— Ее нельзя бить, нельзя! — вскричал он. — Она на пятом месяце беременности!

Императрица побледнела от страха и сама подняла Орхидею на ноги, но та, изображая полнейшее смирение, снова опустилась на колени и начала благодарить за милость.

— Почему вы не сказали мне об этом раньше? — спросила императрица мужа. — Если она носит в своем чреве наследника и я по неведению убила бы его, я совершила бы тягчайший грех перед предками!

Слезы полились у нее неудержимым потоком, и император, как ни любил он Орхидею, пожалел свою жену».

Позднее, когда Орхидея находилась в заточении за то, что простудила Сяньфэна, «Су Шунь, особенно не терпевший драгоценную наложницу, подкупил одну из ее служанок и велел сказать императрице, будто Орхидея целыми днями ругает его величество, даже твердит проклятия на маньчжурском языке. Императрица не очень поверила этому навету, но услужливые люди донесли его до Сяньфэна, который страшно разгневался и спросил Су Шуня, стоявшего рядом:

— Я хочу сместить драгоценную наложницу Орхидею и даровать ей самоубийство. Что ты на это скажешь?

— Не смею вмешиваться в личные дела вашего величества... — уклончиво ответил Су Шунь, укрепив тем самым монарха в его решении.

Когда слух об этом дошел до императрицы, она заступилась перед мужем за Орхидею и предположила, что ее оклеветали недруги:

— Насколько я знаю, она глубоко переживает свою оплошность, всячески корит себя и целыми днями плачет, так что я прошу вас не казнить ее!

Сяньфэн послушался жены, вспомнив, что Орхидея все-таки родила ему наследника, и даже выпустил ее из заточения».

Как видим, Сюй Сяотянь рисует Су Шуня критичнее, чем, например, У Сянсян. Кто из этих авторов больше прав — пусть судят другие, я же пишу сейчас о Цыси, а ее злодейство в истории с Су Шунем очевидно, Во всех случаях тут происходило жестокое сражение за власть, о котором остроумно заметила тогдашняя газета «Таймс»: «Составлен был обширный заговор... как вдруг появилась благодетельная фея, императрица с ребенком на руках..., и все уладилось к лучшему... Китайцы, отстраняя своих министров, не заставляют их волноваться в оппозиции — они просто-напросто режут им головы».

После этого замечания английской газеты прошло больше столетия, а разве так уж много изменилось в Китае? Разве там появилось новое отношение к опальным министрам и вообще к оппозиции? Увы, опыт «проработочных кампаний» 50—60-х годов, «культурной революции» и последующих событий говорит об обратном.

ЦЫСИ И ТАЙПИНСКОЕ ВОССТАНИЕ

Разумеется, жертвами Цыси в 1861-м и следующих годах оказались не только придворные, но прежде всего простые люди. «Первым ее делом было усмирение восстания тайпингов», — писал французский миссионер А. Кольдр, и его как бы поддерживает Чжоу Тяньбэй, подчеркивающий, что Цыси первая из правителей Китая прибегла к услугам колонизаторов для подавления восставших. Наконец, целый ряд автором свидетельствует, что именно Цыси в 1853 году, еще при жизни Сяньфэна, рекомендовала ему Цзэн Гофаня, который впоследствии стал главным палачом тайпинов.

Цзэн Гофань был не маньчжуром, а китайцем, причем не военным, а гражданским чиновником, имевшим определенные заслуги в официальной литературе. К тому времени маньчжурская восьмизнаменная армия совсем разложилась, поэтому Цинам и пришлось прибегнуть к помощи тех представителей китайского ученого сословия, которые демонстрировали свою преданность династии. Многие при цинском дворе, даже канцлер-китаец Ци Сицзао, протестовали против привлечения коренных жителей страны на высокие командные должности, мотивируя это не только военной неопытностью Цзэн Гофаня и его соратников, но и тем, что китайцы, получив в свои руки оружие, могут обратить его против маньчжуров. Однако другие, более хитрые и дальновидные придворные видели, что без дополнительной поддержки им не справиться ни с тайпинами, ни с факельщиками, ни с восставшими мусульманскими народностями Китая. В книге Сюй Сяотяня об этом сообщаются некоторые важные подробности; в частности то, как Цыси учила императора Сяньфэна натравливать одних китайцев на других:

«В то время весь бассейн реки Янцзы был охвачен тайпинским восстанием, Цзэн Гофань, Сян Жун, Пэн Юйлинь, Цзо Цзунтан и другие генералы всячески старались подавить его, но день за днем терпели поражения. Рассматривая доклады об этом, император часто советовался с Орхидеей, а та была женщиной неглупой и давала, например, такие советы:

— Этих молодых китайских генералов типа Цзэн Гофаня надо освободить от опеки наших маньчжурских командующих, давно разучившихся воевать и ни на что не годных! Цзэн Гофань с его оравой вырос на реке Янцзы и наверняка знает там каждого человека и каждый камушек. Все это нищие книжники, которых надо подкупить, и тогда они с радостью начнут убивать своих же китайцев!

Сяньфэн почувствовал, что в словах Орхидеи есть резон, и стал день ото дня возвышать Цзэн Гофаня, Цзо Цзунтана, Пэн Юйлиня и прочих. Кроме того, ему очень нравился почерк наложницы, поэтому он приказывал ей писать вместо него резолюции на докладах. Так Орхидея постепенно втянулась в дела правления».

О том, как действовали новые клеветы Сяньфэна Цыси, красноречиво рассказывает С. Л. Тихвинский книге «История Китая и современность»:

«Особой жестокостью отличался Цзэн Гофань, считавший, что „чем больше будет убито бунтовщиков, тем лучше“. В письмах своим родным он признавал, что по его приказам все взятые в плен или добровольно сдавшиеся тайпины подвергались казни. После взятия Аньцина были казнены двадцать тысяч пленных; столько же пленных было казнено путем обезглавливания в окрестностях Нанкина, а в самом Нанкине было убито свыше ста тысяч. Не отставали от Цзэн Гофаня и его подчиненные; вскоре после падения Нанкина генерал Бао Чао казнил в Фучжоу сорок тысяч сдавшихся плен тайпинов».

Но Цзэн Гофань и его соратники прекрасно понимали, что на одной жестокости долго не удержишься, поэтому параллельно они начали так называемое движение за европеизацию, которое фактически свелось лишь к восприятию отдельных технических, главным образом военных, достижений Запада. На этом «основании» одни буржуазные историки объявили Цзэн Гофаня конструктивным и передовым реформатором своих дней, а другие — фигурой, равнозначной Джорджу Вашингтону. Не забыли они и царственную покровительницу Цзэн Гофаня, сопоставив ее с японским императором Мэйдзи, под эгидой которого в 1868 году начались одноименные реформы. Но если эти реформы, открывшие перед Японией путь к буржуазному развитию, часто даже именуют незавершенной революцией, то так называемое «возрождение времен Тунчжи и Гуансюя» и Китае, теснейшим образом связанное с Цыси, почти ничего не открыло и потребовало в дальнейшем настоящего движения за реформы, которое правительница как раз встретила в штыки.

Особенно активизировалась Цыси в конце 50-х годов XIX века, когда изнеженный и больной Сяньфэн практически не занимался делами правления:

«Орхидея велела Ань Дэхаю не пропускать к Десятитысячелетнему господину никаких вестей извне. Наконец император несколько окреп, начал устраивать со своими наложницами пиры, но верховодила на них одна Орхидея. Она распорядилась даже докладами, которые приносили Сяньфэну члены Государственного совета. Ссылаясь на занятость его величества, она решала, подписывала, накладывала резолюции, да и во время аудиенций не молчала. Сяньфэн сначала был немного обеспокоен этим, а затем дал волю своей лени и предоставил фаворитке вершить почти всеми делами. Некоторые ловкие люди, поняв это, проложили к ней путь с помощью серебра и Ань Дэхая, и она охотно брала деньги.

Потом Сяньфэн спохватился и велел императрице „править из-за опущенной занавески“, но она не справлялась со всеми делами и была вынуждена привлекать Орхидею. В помощь им император прислал князей крови Чуня и Гуна. У первого из них, довольно молодого и красивого, недавно умерла жена. Проведав об этом, Орхидея убедила его величество просватать князю ее младшую сестру Лотос. Князь не посмел послушаться императорского приказа, и с тех пор сестра стала для Орхидеи еще одним важным агентом.

Только князь Гун и Су Шунь сторонились драгоценной наложницы и даже убеждали императора не допускать ее к правлению. Сяньфэн понимал, что их настороженность имеет под собой почву, но все-таки ничего не предпринимал. Дело в том, что его жена была очень скромной и при виде заслуженных сановников не могла произнести ни слова, а Орхидея смело и четко расспрашивала их, говорила красиво, иногда сурово, и все сановники побаивались ее. Почувствовав свою незаменимость, она возгордилась еще больше».

На третий год правления Сяньфэна (1853) один сановник подал двору доклад с просьбой разрешить ему покупку ученой степени, как бывало еще при императоре Канси. С этих пор в Китае возобновилась открытая продажа государством степеней и должностей, пожалуй, невиданная в других странах. При помощи такой узаконенной коррупции двор покрывал часть расходов, необходимых для борьбы с тайпинами. Но

«наибольшую роль в пополнении цинской казны и в дополнительном ограблении народных масс,— как считают многие китаеведы,— сыграл лицзинь — система внутренних торговых пошлин, которая впервые возникла осенью 1853 года и удержалась в Китае до 1930 года. Она нанесла неисчислимый вред развитию китайской национальной экономики. Пошлины собирались с товаров, провозимых китайскими торговцами через многочисленные таможенные заставы, а также с продаваемых в местных лавках». Характерно, что все это произошло в то самое время, когда к власти начала приходить хитрая, корыстолюбивая и беспринципная Цыси,

ПАДЕНИЕ АНЬ ДЭХАЯ

На первых порах Цыси, конечно, не всегда удавалось добиваться своего. Это отразилось, например, в судьбе евнуха Ань Дэхая, который помог ей расправиться с триумвиратом:

«После устранения Су Шуня Маленький Ань был нежно обласкан обеими императрицами, стал главноуправляющим дворцом и очень возгордился. Однажды, желая возжечь ароматные курения на горах Очаровательный пик, он велел проложить дорогу от подножия горы до самой вершины, то есть длиною в сорок с лишним ли. Мало того, возле достопримечательностей этой горы (Двора, обращенного к солнцу; Кумирни золотого источника; Вздвигающейся стены; Камня для раскалывания дынь; Очаровательной впадины и Горного потока) он приказал соорудить специально для себя шесть чайных.

Об этом узнал князь Гун и в ярости решил наказать Ань Дэхая. Придя как-то раз к императрице, он встретил во дворе Маленького Аня, который еще больше усугубил свое положение самодовольным вопросом:

— Почтенный господин (так придворным полагалось именовать князей), нравится ли вам мое синее перо?

Речь шла о пере на шапке, которое получали за какие-либо заслуги; евнухам полагалось носить не разноцветные, а только синие перья. Князь Гун взглянул на Ань Дэхая и холодно рассмеялся:

— Перо-то красивое, но шею твою оно все равно не прикрывает!

Этим он намекнул, что рано или поздно Маленькому Аню не сносить головы.

В 1869 году три южные шелкоткацкие мануфактуры прислали Цыси свои ткани, но все они ей не понравились. Ань, давно мечтавший съездить на юг, вызвался отобрать для нее шелка на месте. Цыси разрешила. Ань Дэхай пустился в путь с большой торжественностью, взяв с собой кроме обычных сопровождающих много певичек. По дороге он предавался роскоши и даже грабил, так что местные жители подняли ропот.

Изо всех чиновничьих управлений сыпались доносы на Аня. Узнав об этом, князь Гун послал губернатору провинции Шаньдун тайное письмо с приказом арестовать Ань Дэхая. Едва Маленький Ань вступил в пределы этой провинции, как его схватили.

— Ты куда направляешься? — спросил его начальник уезда.

— На юг, отбирать шелка для Великой императрицы, — возмущенно ответил Ань.

— Зачем же ты захватил с собой певичек? — проал допытываться уездный. И Ань не сумел ответить.

Уездный тотчас сообщил обо всем губернатору, губернатор — князю Гуну, а тот, получив доклад, сразу показал его императрицам и добавил:

— Жалобы на этого бандита идут отовсюду, так что его необходимо строго наказать.

Цыси не могла в открытую защищать Маленького Аня. Она взглянула на Цыань, надеясь, что та как-нибудь уладит дело, но вдовствующая императрица промолчала. Пришлось распорядиться о наказании Аня по закону.

Вернувшись в свой дворец, Цыси почувствовала некоторое раскаяние и часа через два после первого священного указа издала новый: „Привезти Ань Дэхая в Пекин для дальнейшего расследования". Но князь Гун давно хотел расправиться с Маленьким Анем. Первый священный указ он сразу, чуть ли не ночью, послал в Шаньдун, дав гонцу самого быстрого коня, а второй указ отправил только тогда, когда из Шаньдуна пришло известие, что Ань Дэхай уже казнен. Впоследствии Цыси не раз сожалела об этом печальном для нее происшествии.

Но убраться князя Гуна она не могла, да и не хотела. Он был тогда самой видной фигурой среди маньчжурской знати; Цыси предпочитала опираться на него. К тому же у нее самой не было дочерей и она очень привязалась к дочке князя Гуна: дала ей титул Славной и долголетней единокровной княжны (или Великой княжны), хотя обычно „единокровными княжнами" зывали только дочерей императора, а дочери князей именовались „просвещенными княжнами". Мужа этой княжны она произвела в Искренние, счастливые, твердые и смелые князья первой степени.

Дворец любимицы Цыси стоял на Большой западной улице близ Храма великого будды, где сейчас находятся Пятая больница г. Пекина и медицинское учи лице».

Так пишет Юй Жунлин, как бы проецируя цинский Китай в наше время и вместе с тем недостаточно освещая некоторые события. Например, в устранении Ан Дэхая сыграл большую роль не только князь Гун, но и юный император Тунчжи. Хотя ему едва исполнилось десять лет, он уже ненавидел заносчивого главноуправляющего, из-за которого ему попадало от Цыси, и часто рубил головы глиняным фигуркам, воображая, что среди них находится Ань Дэхай. Губернатор Дин Баочжэнь, казнивший Аня, видимо, получил тайный указ, подписанный императором, — иначе он вряд ли осмелился бы действовать.

Впрочем, Дин Баочжэнь и сам был очень смелым человеком, о чем свидетельствуют воспоминания дипломата Сюэ Фучэна (1838—1894), одного из предшественников реформаторов:

«В апреле восьмого года Тунчжи я возвращался с юга через Шаньдун. Мой младший брат Фубао в это время служил там, и меня принял губернатор. Разговорившись со мной, он начал вздыхать о бесчинствах Ань Дэхая, сказал, что тот собирается ехать в Гуандун через его провинцию, и спросил: не воспользоваться ли случаем и не убить ли его? Мы с братом восхитились этой идеей, но просили его вести себя как можно осторожнее.

Осенью Ань действительно пустился в путешествие. Дин Баочжэнь послал начальника области Чэн Шэну арестовать его, но тот целых три дня не решался этого сделать, а только ехал следом. Наконец Аня все-таки схватили и доставили в Цзинань (главный город провинции.— В. С.). Возмущаясь, он напомнил, что послан по приказу императрицы. Тогда господин Дин, понимая, что при дворе его могут не поддержать, решил покончить с Анем как можно скорее. Правитель одного из уездов долго уговаривал губернатора подождать высочайшего указа, но тот был непреклонен и казнил Аня вместе с двадцатью его помощниками. У них отобрали более тридцати скакунов и несметное число драгоценностей из золота, жемчуга, нефрита, которые тут же были посланы в Управление двора. Только тогда Дин доложил двору об аресте Аня.

Великая императрица спросила князей Гуна, Чуня и членов Государственного совета, каков закон в подобных случаях. Те, ударив головой об пол, сказали, что по закону предков евнухи под страхом смерти не должны выезжать за пределы столицы. Великой императрице пришлось согласиться с этим».

Упомянутый закон был принят в свое время для того, чтобы ограничить участие евнухов в жизни страны, но те все же продолжали играть важную роль, особенно при императрицах и конкретно при Цыси. Примеры тому — Ань Дэхай и Ли Ляньин. Не случайно в комментариях к приведенному отрывку, написанных в начале XX века, высказывается сожаление, что нет на свете второго Дин Баочжэня: настоящего героя,

который бы мог устранить Ли Ляньина. Это означает, что история с Ань Дэхаем использовалась тогда для непосредственной политической борьбы, да и потом продолжала использоваться, например, в пьесе «Евнух Ань Дэхай бесчинствует на императорском корабле».

Упомянутая пьеса написана Чжоу Тяньбэем, который в соавторстве с У Тайсюем сочинил и другую антиманьчжурскую, а фактически антимаоистскую пьесу «Император Гуансуй и наложница Чжэнь». Обе эти пьесы, как уже говорилось в первом разделе, генетически связаны с произведениями Яо Синьнуна, вызвавшими ярость самого председателя Мао.

ЖЕНИТЬБА И СМЕРТЬ МОЛОДОГО ИМПЕРАТОРА

После казни своего любимца Цыси, по мнению многих, окончательно поняла, что ей нужно обладать всей полнотой власти. Но путь к этому был не так уж прост. В 1872 году юному императору Тунчжи исполнилось семнадцать лет, ему полагалось жениться и брать правление в свои руки. Императорская свадьба, несколько отодвигавшая Цыси от трона, происходила следующим образом:

«Перед торжественным бракосочетанием устраивался день „выбора нарядов“. Государь посылал сановников и фрейлин в резиденцию невесты, они укладывали платья на специальный стол, невеста надевала свадебный наряд, то есть халат, расшитый драконами (вдовствующая императрица и императрица носили светло-желтый халат, а наложницы — темно-желтый), и трижды отбивала перед столом земные поклоны, благодаря за милость. Принимали гостей родители невесты, а она появлялась лишь на несколько мгновений.

Накануне бракосочетания император отправлял трех высоких сановников молиться за него в храмы неба, земли и предков.

В день свадьбы два князя крови несли во дворец вдовствующей государыни три яшмовые печати: одну квадратную, из белой яшмы, для императрицы, а две другие — чуть проще, с золотом. На всех было выгравировано: „Такого-то числа дочь такого-то стала императрицей“. Печати попроще отдавались двум сановникам, которые клали их на стол в Зале великого согласия — перед государем, сидящим на троне, и сотней гражданских и военных чинов, стоящих рядами. Потом сановники запирали эти печати в две беседки, обитые парчой, а яшмовую печать несли в резиденцию невесты.

Там сановники преклоняли колени, читали вслух надпись на печати, передавали ее молодой императрице, а она опять же клала печать на стол и шесть раз кланялась ей. Тогда фрейлины запирали печать в еще одну беседку, обитую желтой парчой, невеста садилась в коляску и ехала на бракосочетание.

Путь лежал через Ворота великой чистоты, Ворога великого согласия и Ворота небесной чистоты (для наложниц — через Ворота волшебного оружия и Ворога восточного грома). У Дворца небесной чистоты невеста сходила с коляски и вступала в Зал соединения священных. Навстречу ей в свадебной одежде выходил император, чтобы начать „церемонию сдвигающихся чарок“. Во время этой церемонии император и молодая императрица, по маньчжурскому обычаю, ели мелко нарубленную баранину, а два сановника из Управления двора (обязательно женатых, с супругами) стояли на коленях перед Дворцом земного спокойствия, где проходила брачная ночь, и читали маньчжурские благопожелания.

На следующее утро молодые супруги во Дворце милости и спокойствия навещали вдовствующую государыню, а затем поминали предков в Великом храме и приносили жертвы духам во Дворце земного спокойствия».

Как утверждают знатоки китайской придворной жизни, перед настоящим браком для маньчжурских императоров устраивался так называемый пробный брак, чтобы они обрели необходимый опыт. «Пробных жен» обычно выбирали из фрейлин, а затем

немедленно отдаляли от молодого императора, иногда даже уничтожали, дабы он не мог привязаться к ним. Это было одной из причин того, почему маньчжурские аристократы боялись, когда их дочерей забирали во дворец. Рассказывают, будто во время такого брака возле «драконова ложа» стояла опытная женщина, которая подсказывала, что именно нужно делать. Использовались и наглядные пособия: фигуры будд мужского и женского пола, выполненные со всеми натуралистическими подробностями и способные двигаться. Настоящая брачная ночь проходила в Палате дождя и цветов (додь, орошающий цветы, — давний эротический символ у китайцев), а «пробный брак» мог устраиваться только в имитации этой палаты.

Император Тунчжи получил в жены девушку из рода Алутэ — дочь сановника Чун И, единственного среди маньчжуров чжуаньюаня, то есть лауреата дворцовых экзаменов, высшей ступени государственных испытаний в старом Китае. Вообще-то Чун И, как уточняет Юй Жунлин, «был монголом, принадлежавшим к чисто-синему знамени, но после избрания его дочери императрицей Чуна объявили маньчжуром и причислили к okayмленному желтому знамени.

Молодая Алутэ была очень красива, умна и начитанна. Отец безумно любил ее и не хотел, чтобы она попала во дворец, потому что жить там было несладко. К тому же он знал, как трудно угождать Цыси. Во время выборов невесты Чун И умолял чиновников из Управления двора оставить его дочь в покое, но избрали именно ее...

Кроме жены Тунчжи получил трех наложниц: Юй, Сюнь и Цзинь. Больше всего он любил жену и первую наложницу, однако сыновей никто из его гарема не принес», что произошло, как мы увидим, не без вмешательства Цыси.

В 1873 году, вскоре после женитьбы Тунчжи, вдовствующая императрица была вынуждена отказаться от своего регентства, но уже в декабре следующего года возобновила его под предлогом болезни государя. Через месяц с небольшим Тунчжи умер, процарствовав едва один год, хотя формально его правление продолжалось четырнадцать лет — Цыси умела властвовать из-за чужих спин! Причиной смерти монарха была объявлена оспа. Некоторые авторы принимают эту официальную версию, но показывают, что оспой Тунчжи заразился в пекинских публичных домах, так как мать оторвала его от любимой жены и в то же время не мешала ему развратничать. Заявив, будто Алутэ слишком молода, чтобы исполнять свои обязанности, вдовствующая императрица разлучила супругов. В пьесе Коллиса отлично изображено, как император, назначивший тайное свидание собственной жене, вынужден до этой встречи долго терпеть присутствие нелюбимой и злой наложницы — фаворитки Цыси. Именно такие случаи заставили Тунчжи предпочесть публичные дома своему обширному гарему.

Другие историки и литераторы считают, что император умер не от оспы, а от сифилиса, был специально заражен одной из этих болезней или просто отравлен. Словом, когда патер Кольдр утверждает, будто вдовствующая императрица не губила Тунчжи, он остается в тоскливом одиночестве.

Конечно, на стороне Кольдра — нормальные человеческие чувства, но они были не очень свойственны Цыси. На его стороне соображения элементарной выгоды: ведь после смерти сына государыня лишалась права на регентство. Однако в дальнейшем мы увидим, как ловко она обошла это формальное препятствие. Кроме того, тут были еще некоторые важные детали: то, что Цыси, увлеченная карьерой, отдала мальчика на воспитание своей сорегентше Цыань и фактически упустила его — уже к двенадцати годам сын проявил нежелание подчиняться ей. Например, он хотел больше знать об «иноземных государствах, победивших его страну в опиумных» войнах, а мать приставила к нему консервативных учителей. В семнадцать лет Тунчжи попытался сам подписывать все указы, издававшиеся от его имени, но матери это очень не понравилось. Наконец, до нее, вероятно, дошли слухи о том, что он причастен к казни Ань Дэхая. Сравнительно недавно на Тайване была опубликована книга «Четыре удивительных дела при цинском дворе», в которой последнее «дело» посвящено общению императора Тунчжи с...

женщинами легкого поведения. Судя по стилю и различным деталям, этот сборник очерков был написан еще в начале XX века, но даже если перед нами стилизация, она осуществлена весьма умело и обобщает плохо известные данные о Тунчжи.

Из этой книги и других источников явствует, что при выборе невесты для молодого императора Цыань была за девятнадцатилетнюю Алутэ, а Цыси — за четырнадцатилетнюю дочь сановника Фэн Сю. Тунчжи предпочел первую, чем крайне разгневал мать. Правда, вторую он сделал наложницей под именем Хой (Мудрая), но гораздо больше любил жену, что еще сильнее обозлило Цыси. Когда Алутэ приходила к вдовствующим императрицам желать доброго утра, Цыси ничего не отвечала, а иногда даже бросала ей колкости. Потом она стала говорить сыну, будто жена отвлекает его от государственных дел, и советовала обратить большее внимание на наложницу. Тунчжи поддакивал, но продолжал делать по-своему, и тогда мать просто запретила ему общаться с женой.

Тем не менее Алутэ продолжала смиренно желать свекрови доброго утра. Не зная, к чему придаться, Цыси велела Ли Ляньину почаще носить в императорскую постель Хой, чтобы та родила наследника и оттеснила Алутэ. Даже когда Тунчжи требовал других наложниц, евнух притворялся, будто не расслышал, и выполнял приказ своей госпожи. Разъяренный император не притрагивался к Хой и вообще перестал вызывать к себе наложниц. Свой гнев он начал срывать на евнухах, и тогда один из них — бывший повеса Чжоу Даоин — с величайшими предосторожностями надоумил монарха переодеваться в обычное платье и, пробираясь потайными ходами, веселиться ночью в городе. Потом евнух сменил член императорской академии, известный ловелас Ван Цинцю (Маленький Ван), мечтавший за свои услуги получить повышение. И император действительно повысил его.

Во время одной из своих гулянок Тунчжи заразился сифилисом, очень тяжело переносил это и втайне проклинал мать. А та, будто бы думая, что перед ней обычная болезнь, винила во всем Алутэ. Придворный врач тоже не мог представить себе, чем болен император, прописал ему совсем неподходящее лекарство, и на лице у Тунчжи высыпали гнойники. Все пришли к выводу, что у него оспа; врач, наконец, понял правду, но не посмел никому о ней сказать.

Когда у Тунчжи наступило ухудшение, Цыси решила, что он тайком переспал с женой, и хотела пытать ее. В конце концов, уступая мольбам сына, она «всего лишь» рукой, на которой были надеты многочисленные кольца, дала императрице несколько пощечин. Окровавленная Алутэ упала на землю. Цыси и Ли Ляньин, предвкушая близкую смерть государя, ушли посоветоваться. Император с императрицей тоже начали советоваться, что им делать: ведь наследника у них не было. Тунчжи вызвал Ли Хунцзао — единственного сановника, на которого он считал возможным положиться, и вручил ему указ о назначении наследником принца Пу Луня¹⁸. Но Ли Хунцзао, понимая, что Цыси казнит его, если узнает все сама, тут же явился к ней. Вдовствующая императрица в ярости разорвала указ и велела больше не давать Тунчжи лекарств. Вскоре он умер.

Казалось бы, Цыси должна была благодарить Чжоу Даоина и Маленького Вана за то, что они совратили ее соперника, но ханжество оказалось важнее, поэтому, дознавшись обо всем, она сместила Вана с должности, а Чжоу и других евнухов, причастных к этому делу, забила до смерти палками. По словам китайских авторов, она так и не поняла, что ее сына сгубил не разврат, а ее собственная деспотичность. Впрочем, ее, наверное, мало волновали и судьба Тунчжи, и понимание чего бы то ни было, кроме своих интересов.

УБИЙСТВО ИЛИ САМОУБИЙСТВО?

¹⁸ По другим данным — Цзай Шу. Впоследствии это явилось причиной смерти принца.

Вскоре после смерти сына вдовствующая императрица расправилась и с его женой. Правда, теперь на защиту Цыси встает не только Кольдр, но и немецкий синолог Брандт, однако никаких доказательств защита не приводит, а у обвинения их более чем достаточно. К тем фактам, о которых говорилось в предыдущей главе, стоит добавить, что Алутэ крайне раздражала правительницу своей скромностью. Когда ее приглашали на дворцовые спектакли, она во время неприличных сцен отворачивалась. Цыси решила, что невестка презирает ее за развращенность, и задумала проучить дерзкую. Стоило той улыбнуться своему мужу, как Цыси объявляла, что она завлекает его. Когда же император заболел и жена не решалась навестить его, вдовствующая государыня обвинила ее в черствости. Алутэ пошла к мужу, но тут Цыси заявила, что та хочет погубить больного любовью.

При всей своей скромности Алутэ иногда умела быть твердой. Она помнила, что является законной императрицей, не желала становиться перед Цыси на колени и убеждала Тунчжи не делать этого, хотя понимала, чем ей грозит такое поведение. Рассказывают, что накануне своей смерти, последовавшей в начале 1875 года, императрица была беременна. Цыси, по-видимому, знала это, но наследник от строптивой невестки ее совершенно не устраивал; еще меньше привлекала ее Алутэ в роли главной регентши. Разлучив супругов, она не постеснялась обвинить императрицу в том, что та убила мужа развратом, то есть фактически приписала ей собственную вину: «У, лиса-оборотень! Это ты соблазнила и погубила моего сына, да еще хочешь быть Великой императрицей!? Скорее высохнут моря и рассыплются скалы, чем будет по-твоему!».

Неудивительно, что Цыси не захотела ждать родов Алутэ. Она потребовала срочно выбрать монарха под тем предлогом, что трон не должен оставаться пустым, а в результате посадила на этот трон... четырехлетнего ребенка, своего племянника Гуансюя.

Теперь Алутэ была уже вовсе «не нужна». Но она вряд ли покончила с собой от горя по мужу, как объявили в официальном указе, а, скорее всего, была доведена до смерти. Юй Жунлин изображает это таким образом:

«Вдова Тунчжи оказалась совершенно не у дел. В смятении она послала к своему отцу евнуха с тайным письмом, спрашивая совета. Когда евнух вернулся, она вскрыла конверт и ничего в нем не обнаружила¹⁹. Императрица поняла: отец намекает, что ей лучше всего покончить с собой. Тогда она отказалась от пищи и через семь дней умерла».

Согласно другим источникам, не сама Алутэ «отказалась от пищи», а Цыси «приказала ограничить последнюю в воде и пище» или «только» позволила это. Некоторые считают, что молодая императрица была просто отравлена, но они забывают о разнообразии приемов Цыси. Еще сомнительнее утверждение, будто Алутэ отравилась сама: дело в том, что, по страшным и малопонятным китайским законам, если императрица или наложница принимали яд, всех их родственников вырезали, а смерть от голода не преследовалась, и Алутэ, конечно, учла это.

Вполне вероятно также, что Чун И толкнул дочь на самоубийство не по своему разумению, а под нажимом Цыси, которая предположила, что Алутэ и ребенок в ее чреве заражены сифилисом. Впрочем, последней деталью она могла и не поделиться с сановником. В «Четырех удивительных делах при цинском дворе» Цыси велит сказать отцу Алутэ, будто та настолько убита кончиной мужа, что ей лучше последовать за ним. Чун И, оказавшись, в безвыходном положении, послал дочери коробку с булочками. Алутэ удивилась и, написав на дне коробки «Что это значит?», отослала ее назад. Отец ответил: «Не смею объяснять, ибо нет никого мудрее государыни». Тут только императрица все поняла и избавила свою семью от казни.

На следующий год после гибели Алутэ «какой-то цензор, которому до всего было дело, подал ко двору меморандум, сообщая, что в народе ходят разные слухи: одни говорят, что императрица умерла от горя, а другие — что от голода. Поэтому необходимо

¹⁹ По другой версии, там оказался только один иероглиф — «смерть».

внести во все это ясность, дать императрице похвальный посмертный титул и т. д. и т. п. Однако покойная императрица посмертного титула так и не получила, а цензор лишился своего места». Здесь, вероятно, имеется в виду чиновник Пань Дуньянь, продолжавший обличения даже после отставки. Пострадал и отец Алутэ, несмотря на его покладистость: он был выведен из Государственного совета и вновь обрел силу лишь через двадцать пять лет, в 1900 году, когда Цыси, словно в насмешку над ним, назначила его охранником своих личных покоев.

КАК ГУАНСЮЯ ВОЗВОДИЛИ НА ПРЕСТОЛ

Наиболее обобщенно из всех известных мне авторов эту историю передает Юй Жунлин: «Когда в 1874 году Тунчжи умер, не оставив наследника, ему, согласно обычаю, должны были выбрать преемника, вдову Тунчжи сделать Великой императрицей, а Цыань и Цыси отправить на покой в звании Величайших императриц. Но Цыси предпочитала реальную власть, поэтому она объявила своего племянника Цзай Тяня наследником не Тунчжи, а предшествующего императора (Сяньфэна), дала ему девиз правления Гуансюй (Продолжение блеска), сохранила за собой и Цыань титул Великих императриц и продолжала „царствовать из-за опущенной занавески“».

В других источниках уточняется, как именно происходило это событие: перед смертью Тунчжи Цыси призвала к себе сановников и со слезами (!) сказала, что положение императора безнадежно, надо выбирать наследника. Кто-то предложил принца Пу Луня, как старшего, но князь Чунь, очевидно уже получивший инструкции от Цыси (ведь именно Пу Луня, по одной из версий, хотел сделать своим преемником сам Тунчжи), заявил, что он принадлежит к слишком далекой родне. Цыси добавила, что из рода Пу вообще никто не годится, и выдвинула в наследники старшего сына князя Чуня и своей младшей сестры. Князь был потрясен и упал в обморок. Остальные придворные тоже были потрясены, но не посмели перечить.

Да, Чунь и его жена не хотели, чтобы их сын стал императором. Европейскому читателю это может показаться странным либо даже притворным, но на самом деле тут нет ничего удивительного. Зная печальную судьбу многих ставленников вдовствующей императрицы, князь и княгиня боялись, что она рано или поздно погубит и их сына. Так и произошло впоследствии: Цыси использовала Гуансюя в своих целях, а потом еще насмеялась над ним. Когда будущего императора «впервые доставили во дворец, он был болезненным четырехлетним ребенком. Целыми днями он плакал, вспоминая свою мать, и просился домой».

Некоторые авторы, основываясь на записях начала XX века, считают, что матерью Гуансюя была не княгиня Чунь, а сама Цыси, родившая ребенка от некоего приказчика фруктовой лавки. Его будто бы приводил во дворец Ли Ляньин. Разрешившись от бремени, вдовствующая императрица отдала сына на воспитание сестре, а любовника на всякий случай убила. Если это так, то здесь почти повторилась история с Тунчжи.

Другие полуполюгендарные записи рассказывают о кипарисе, который рос во дворе князя Чуня и якобы сулил его владельцу корону. Узнав об этом, Цыси притворилась, будто ей нужно хорошее дерево для дворцовых балок, и велела срубить кипарис. Но когда он свалился, из него неожиданно выползло множество змей. Перепуганная Цыси тотчас уехала и несколько дней не появлялась на аудиенциях. Князь Чунь тоже слег от страха, а впоследствии, возможно, был отравлен вдовствующей императрицей.

Свою сестру, княгиню Чунь, Цыси использовала только для того, чтобы с помощью ее подлинного или мнимого сына удержаться у власти, а на самом деле гносилась к ней хуже, чем, например, к сестре Ли Гяньина, так называемой Большой барышне, которой она даже разрешала сидеть в своем присутствии. Княгиня не могла этого снести и при любом удобном случае сказывалась больной, чтобы не ходить во дворец. Иногда между сестрами «вспыхивали ссоры; во время одной из них Цыси сказала

княгине Чунь: „Тебе надо поучиться церемониям!“, а та, взбешенная, ответила: „Хотя в дворцовых церемониях я понимаю меньше тебя, я все-таки настоящая княгиня“. Этим она намекнула, что Цыси была наложницей, а не женой императора Сяньфэна. Разъяренная Цыси удалила сестру из дворца. Княгиня вернулась домой, заболела нервным расстройством и вскоре умерла». Как видим, князь и княгиня Чунь не зря беспокоились, когда их отпрыска назначили императором.

Между тем в некоторых западных работах это произвольное назначение преподносится сочувственно, лишь как свидетельство храбрости Цыси. «Желая удержать престол за своей семьей, — пишет, например, Брандт, — она со свойственной ей энергией немедленно приняла решительные меры: не дожидаясь окончания прений о престолонаследии, она отправилась к зятю, взяла у него мальчика и перенесла его во дворец, где он был провозглашен императором». Кольдр с гораздо большим основанием трактует выбор Гуансюя наследником как своеобразный переворот, но оговаривает: «В противоположность предыдущему, этот государственный переворот совершился без всякого кровопролития», хотя справедливости ради следовало бы добавить, что так произошло не из-за мягкосердечия Цыси, а из-за того, что к тому времени она уже обладала большой силой.

К сожалению, эти сочувственные оттенки (правда, в сочетании с иными) проникли и в некоторые русские работы: «Несколько евнухов бегут во дворец принца Чуэна за царственным младенцем, которого приносят в тронную залу при звуке труб, литавр и пушечной пальбы. Обе императрицы стоят по сторонам трона, на который усаживают испуганного, плачущего ребенка... Этот дворцовый переворот, совершенный умелой рукою, доказывает находчивость и смелость императрицы. Он предоставляет ей фактическую власть еще на четырнадцать лет».

Вот последнее замечание, констатирующее, сколько времени осталось монарху до свадьбы и самостоятельности, очень метко; вместе с первым, ироническим абзацем оно раскрывает подлинный смысл очередного шага Цыси.

ОТРАВЛЕННЫЕ ПИРОЖНЫЕ

Итак, Цыси вновь стала регентшей — на этот раз уже не при сыне, а при племяннике. Но перед ней оставалось еще одно препятствие, которое давным-давно мешало ей: вдовствующая императрица Цыань, главная жена покойного Сяньфэна. Не исключена возможность, что Цыси хотела убить ее еще в конце 60-х годов, поэтому она и послала Ань Дэхая на юг, для связи с могущественными наместниками, но тогда ничего не получилось. Более того, Цыань участвовала в казни Ань Дэхая, затем выбрала невесту императору Тунчжи (в то время как кандидатура, предложенная самой Цыси, была фактически отвергнута), причем невестой этой оказалась строптивая Алутэ. Цыань, видимо, знала о любовной связи Цыси с Ли Ляньином и даже обвинила ее в непристойном возвышении этого «евнуха». Вероятно, она была осведомлена и об аналогичной роли Жун Лу и постаралась убраться от сорегентши. Все это год от года усиливало неприязнь Цыси к Цыань, хотя та вела себя на редкость гуманно для китайского двора.

Главная же причина неприязни упоминалась выше: тайный указ, оставленный Сяньфэном жене и дающий ей право казнить Цыси, если она узурпирует власть. Сюй Сяотянь считает, что Цыси почти с самого начала знала об этом указе — иначе она злодействовала бы еще смелее. По-другому изображает ту же ситуацию Чжоу Тяньбэй: Цыси узнает об опасном указе от Ань Дэхая и несколько раз меняется в лице — то от страха, то от гнева, то от радости. Она рада тому, что указ хранится не у князя Гуна, а у Цыань, которая отдаст ей все, что угодно.

В той же пьесе Цыси открыто похваляется своим влиянием на сорегентшу и уподобляет ее царю обезьян Сунь Укуну, который в китайском романе XVI века «Путешествие на Запад» никак не мог спрыгнуть с ладони будды. Не умея оценить

мягкость Цыань, некоторые авторы называют ее глупой и неспособной управлять. В действительности же она была просто добра. Кроме того, если учесть консерватизм Цыси, то вполне возможно, что многие европеизированные нововведения, предпринятые в Китае 60—70-х годов прошлого века, осуществлены Цыань, а не ее сорегентшей.

С апреля 1880 года, во время болезни Цыси, Цыань почти целый год была единственной регентшей. Но в начале следующего года она вдруг умерла — настолько неожиданно, что читатели императорского указа, изданного по этому поводу, решили, что в указ вкралась ошибка и что умерла больная Цыси, а вовсе не благополучно здравствовавшая Цыань.

Тут уже ни один автор не пытается отрицать вину Цыси. Правда, Юй Жунлин не говорит о противоестественной гибели Цыань, но до этого показывает известные разногласия между регентшами, которых для Цыси было вполне достаточно. К ним следует добавить злосчастный указ Сяньфэна. Цыань не воспользовалась этим указом и погибла из-за своей доброты.

Как писатели, так и историки рассказывают, что однажды Цыань серьезно заболела. Выздоровев, она увидела, что рука Цыси забинтована. «С вами что-нибудь случилось?» — обеспокоенно спросила Цыань. Тогда Цыси как ни в чем не бывало ответила, будто она вылечила ее куском собственной плоти. Цыань была так восхищена и растрогана, что подарила сорегентше опасный указ.

По другим данным, во время упомянутой болезни самой Цыси все думали, что у нее поднялось кровяное давление, однако врач, который ее осматривал, позднее признался, что это была, несомненно, послеродовая горячка. Цыань тоже провела о похождениях Цыси, попыталась урезонить ее, затем показала ей предсмертный указ Сяньфэна и демонстративно сожгла его на свече, как уже ненужный. В душе Цыси смешались стыд и ярость, но она притворилась раскаивающейся.

Вскоре после этого Цыань неожиданно оказалась в покоях сорегентши и увидела там нечто ужасное: то ли незаконного ребенка, то ли мужские сапоги, то ли молодого актера. И хотя Цыань снова проявила благородство, Цыси решила убрать ее. Когда Цыань беспечно стояла в своем саду и любовалась золотыми рыбками, к ней вошел евнух с расписной лаковой коробкой и, преклонив колени, сказал, что императрица Западного дворца (так называли Цыси в отличие от Цыань — императрицы главного, Восточного дворца) посылает ей в подарок вкусные молочные пирожные, которые она не смеет есть одна. Благодарная Цыань проглотила кусочек, сразу изменилась в лице и послала за придворным врачом, но он уже не успел ничего сделать.

Эти пирожные особенно красочно описывает Сюй Сяотянь: одни из них были в форме журавлей, которые благодаря своим длинным шеям и ногам олицетворяют у китайцев долголетие; другие — в форме оленей, символизирующих преуспевание, поскольку оба слова, «олень» и «преуспевание», звучат по-китайски одинаково (лу); остальные — в форме восьми даосских бессмертных. Заметим, как трогательно здесь выражена забота о долголетию отравляемой! Потом Цыси «удивляется» внезапной смерти Цыань и горько плачет. Нельзя отказать в изобретательности и Коллису, который рисует, как Цыси нарочно задержала завтрак Цыань, напоив ее повара, а затем послала ей пирожные. Уже заподозрив, что она отравлена, Цыань бросает одно пирожное своей болонке, но умная собачка отворачивается.

Цыси, которая до этого несколько месяцев числилась больной и не ходила на аудиенции, созвала Государственный совет и, придя на него совершенно здоровой, даже порозовевшей, объявила, что Цыань скончалась. Тело покойной никому осмотреть не дали, родственников на похороны не пустили, траур продолжался меньше месяца, причем траурной одежды не носили ни Цыси, ни сановники. Пожалуй, еще никогда в Китае так не хоронили императрицу, тем более вдовствующую, обычно окруженную особым почетом!

И все же, как и после гибели многих других жертв Цыси, нашлись люди, которые пробовали вывести правительницу на чистую воду. Например, брат императрицы Цыань

стоял у ворот дворца и громко кричал, требуя справедливого расследования гибели сестры. Цыси и ее министры часто проходили через эти ворота, но не осмеливались заставить его замолчать, потому что «взывание к справедливости у ворот» было традицией, освященной конфуцианством. Однако ответа князю тоже никто не дал. В конце концов он сошел с ума.

УСТРАНЕНИЕ КНЯЗЯ ГУНА

Кроме Цыань у Цыси был еще один давнишний соперник — князь Гун, шестой сын императора Даогуана и младший брат императора Сяньфэна. Гун обладал гораздо большими способностями, чем Сяньфэн, так что Даогуан вначале даже собирался сделать его престолонаследником. Помешала этому почти случайность. Рассказывают, что однажды весной братья отправились на охоту, Гун набил много дичи, а Сяньфэн возвращался с пустыми руками. Тогда наставник посоветовал ему сказать отцу, будто он пожалел зверей, увлеченных любовной игрой. Император поразился благородству сына и изменил свое решение. Так Сяньфэн стал монархом, однако Гун по-прежнему сохранял при дворе очень большое влияние.

Неудивительно, что отношения с Гуном складывались у Цыси сложнее, чем со многими другими соперниками. По данным Хасси, она впервые встретила князя на одном из пикников, которые устраивались в Парке радости и света (летнем дворце Юаньминюань) для императора Сяньфэна и его друзей. Гун «был всего на два года старше ее и вскоре очень привязался к ней». Затем князь помог ей разделаться с триумvirатом, но сам не отошел от власти. Фактически, как показывает Юй Жунлин, он «стал главным регентом, а императрицы — только „правлящими из-за опущенной занавески“, причем с неравными правами: ведь Цыси была лишь наложницей Сяньфэна. По обычаю, наложницы и конкубины должны были каждое утро „желать спокойствия“ императрице. Цыси приходилось исполнять этот унижительный ритуал, хотя после смерти Сяньфэна она и Цыань получили титулы Великих императриц.

Считая себя равной с Цыань, Цыси пренебрегала своими обязанностями. Тогда Цыань пожаловалась князю Гуну и тот посоветовал Цыси быть почтительнее ко вдовствующей императрице. Цыси страшно рассердилась, однако не посмела обнаружить своего гнева». Вероятно, это было ее первое столкновение с князем Гуном.

Второе столкновение произошло во время казни Ань Дэхая, которую организовали князь, Цыань и юный император Тунчжи. Но и на этот раз Цыси не решилась отомстить Гуну, а он продолжал вести себя весьма независимо. Например, князь противился трате средств на восстановление Парка радости и света, разрушенного англо-французскими интервентами в ходе второй «опиумной» войны. Этой реставрации хотели и Цыси, любившая развлечения, и Тунчжи, мечтавший таким способом изолировать свою мать от политики. Разъяренный поведением Гуна, он даже написал указ о его казни, которая только порадовала бы Цыси, но добросердечная Цыань удержала императора.

Будучи главой Государственного совета, занимавшегося внутренними делами страны, и одновременно Палаты внешних сношений, князь Гун сосредоточил в своих руках значительную власть и, пожалуй, больше, чем кто-либо из маньчжурской родовой знати, понимал необходимость учиться у буржуазных государств. Так, он писал о преимуществах поднимающейся Японии, основал в Пекине первую школу иностранных языков, полемизировал с реакционным президентом академии Лес кистей, который продолжал считать всех иноземцев варварами. Поэтому борьба против Гуна ясно свидетельствует о лицемерии Цыси, притворявшейся, будто она поддерживает сторонников хотя бы частичной европеизации.

Внешне отношение Цыси к князю иногда выглядит почти идиллическим, но на самом деле она боялась Гуна и незаметно добилась его исключения из числа регентов. Одним из выражений ее ненависти к Гуну явилось то, что наследником Тунчжи она

выбрала сына князя Чуня, а не Гуна. Основная же месть последовала только через пятнадцать лет после казни Ань Дэхая, во время франко-китайской войны 1884—1885 годов, когда Китай утратил свои мнимые права на Вьетнам. Эта «потеря Аннама была использована вдовствующей императрицей для устранения сторонников ее покойной соперницы. Князя Гуна, Ли Хунцао и Вэн Тунхэ сместили с должностей»,— пишет Вэнь Цзин. Между тем реальные причины поражения Китая были совсем другими: отсталость, разложение, невежество и т. д. Характерно, что в Палате внешних сношений не нашлось даже карты Аннама, который Китай собрался защищать.

Еще глубже раскрывает смысл этой кампании С. Л. Тихвинский:

«Цыси зорко следила за тем, чтобы в правительстве не вошел в силу кто-нибудь из маньчжурских князей или китайских сановников; едва она замечала, что растет влияние того или иного из царедворцев и он может в дальнейшем чем-нибудь помешать ей в ее безграничном стремлении к власти, она тут же начинала готовить контрудар и всегда искусно добивалась устранения неугодного ей лица. Так, например, в 1884 году, во время франко-китайской войны, используя в качестве предлога поражение китайского флота в устье реки Минь в провинции Фуцзянь, Цыси одним декретом отстранила от участия в верховном императорском совете его старейших членов — князя Гуна, Бао Юня, Ли Хунцао, главу военного приказа Цзинь Ляня и главу приказа Общественных работ Вэн Тунхэ».

На сей раз дело обошлось без отравления или отсечения головы, и Юй Жунлин объясняет причины этого: во-первых, князь Гун был слишком влиятелен, а во-вторых, Цыси привязалась к его дочке. Но романист Шай Дунфань дает еще одну, весьма правдоподобную мотивировку — князь вступил в сговор с могущественным Ли Ляньином, которому была выгодна смерть Ань Дэхая. Думается, что пример Гуна лишний раз свидетельствует о разнообразии приемов Цыси (иногда она тем или иным причинам отдаляла казнь неугодного человека либо заменяла ее другим наказанием), а также о запутанности и низменном характере тех мотивов, которые действовали при маньчжурском дворе.

ЖЕНИТЬБА ГУАНСЮЯ И «ОТСТАВКА» ЦЫСИ

К молодому императору Гуансюю правительница относилась примерно так же, как к Тунчжи, то есть всячески помыкала им. Например, Лян Цичао, цитируя записки евнуха Коу Ляньцая, свидетельствует, что Цыси ограничивала монарха даже во встречах с родной матерью — княгиней Чунь, приказывала подавать ему почти одни и те же блюда, часто несвежие или остывшие, нередко бранила его, заставляла подолгу стоять перед собой на коленях. Аналогичное пишут Блэнд и Бэкхауз: «Если вдовствующая государыня приезжала в Пекин, император должен был, строго следуя этикету, встречать ее коленопреклоненным у ворот дворца. Когда Гуансюй сам ездил к ней в летний дворец, он тоже должен был стоять на коленях у ворот, пока главный евнух Ли Ляньин не разрешил ему войти. Ли, ненавидевший Гуансюя, иногда заставлял императора ждать по полчаса, прежде чем докладывал Старой будде о его появлении».

Так было в юности Гуансюя, но очень мало что изменилось и в его зрелые годы. Мы часто даже не представляем себе, до чего доводили обитателей Китая традиционные правила, в том числе конфуцианский принцип «уважения к родителям».

В марте 1889 года, когда Гуансюю исполнилось восемнадцать лет, тетка женила его на дочери своего младшего брата Гуйсяна. Молодой император совсем не любил эту девушку, однако Цыси все-таки настояла на браке. Правда, кроме постылой жены Гуансюй получил двух наложниц: сестер Чжэнь и Цзинь. К последней император тоже относился довольно холодно, по Чжэнь ему очень нравилась. Эта история умело расцвечена в романе Цзэн Пу, где Чжэнь выступает под именем Бао:

«Дело в том, что вдовствующая императрица приходилась государю теткой, а будущая молодая государыня была его двоюродной сестрой и племянницей вдовствующей императрицы. Смысл этого брака состоял в двойном скреплении родственных уз: крови рода Айсинь Гиоро предстояло еще раз слиться с кровью племени Нара²⁰. Такова была цель старой императрицы...

Но надо сказать, что среди фрейлин находились также две сестры из рода Татара — Цзинь и Бао. Во дворце их называли просто Старшей и Младшей красавицами, потому что обеих природа одарила редким очарованием. Особенно прелестной была Младшая красавица: живая, умная, отличная поэтесса и художница, она очень нравилась государю, и он часто мечтал сблизиться с ней. Девушка была достаточно смысленной, чтобы понять намерения молодого императора. В мире только одна любовь не разделена на классы и по-настоящему бесстрашна. Поэтому как ни высоко было положение государя и как ни сурова была вдовствующая императрица, влюбленные все же умудрялись обмениваться взглядами и перебрасываться словами...

Однажды, выйдя из Зала радости и долголетия, где он помогал вдовствующей императрице просматривать доклады, государь неожиданно встретил Младшую красавицу. Держа в руках какой-то предмет, она проходила мимо зала. В тот день на ней был розовый вышитый халат, цвет которого очень гармонировал с ее белым личиком и ясными глазами. Императору она показалась еще прелестней, чем обычно, и он невольно залюбовался ею. Младшая красавица тоже остановилась и устремила на него смеющийся взгляд. Влюбленные, конечно, не ожидали, что в этот самый момент из зала величественно выплывет старая императрица в синем шелковом халате, расшитом бессмертными аистами, и фиолетовой накидке с жемчужной бахромой. В прическе у нее торчала серебряная шпилька, украшенная жемчугом, а с пуговицы халата свисали жемчужные четки. Увидев, что император в испуге бросился бежать, старуха тотчас подозвала девушку к себе и отпустила фрейлин. Младшая красавица дрожала всем телом, зная, что ее ждет, но, подняв глаза на старую императрицу, не обнаружила на ее лице гневного выражения.

— Почему император стоял с тобой рядом? — спросила старуха.

— Просто так, — пролепетала Младшая красавица.

Государыня улыбнулась:

— Не обманывай меня, я ведь не дура!

Девушка бросилась на колени и отвесила земной поклон:

— Разве я посмею!

— Наверное, ты понравилась императору?

Бао покраснела:

— Не знаю.

— Ну а ты любишь императора? — допытывалась старуха.

Младшая красавица несколько раз ударила головой об пол, но рта раскрыть не посмела.

— А что, если я помогу вам осуществить ваши желания? — захохотала императрица.

— На то ваша небесная воля! — тихо произнесла девушка, по-прежнему не поднимая головы.

— Ну ладно, вставай! — сказала ей императрица и отправилась в тронный зал принимать сановников...

Через несколько дней старая государыня неожиданно объявила свою священную волю: завтра, ровно в пять часов утра, состоится выбор молодой императрицы; все сановники должны заблаговременно прибыть в Зал, теснящий облака. Император получил эту весть, когда находился в Зале нефритовой волны. Сердце его шумно застучало. „Кого

²⁰ Айсинь Гиоро — род, к которому принадлежали все маньчжурские императоры. Нара — род, из которого вышла Цыси.

же, наконец, выберет мне тетка? — думал он.— Будет ли это Младшая красавица? Правду ли она ей говорила?"

Всю ночь государь в волнении проворочался на постели и, едва дождавшись трех часов,- послал самого верного из своих евнухов узнать результаты выбора. Как известно, ожидание всегда очень томительно, и чем больше нас охватывает нетерпение, тем медленнее тянется время. В восточных окнах уже забрезжил рассвет, когда во дворе наконец послышался быстрый звук шагов.

Евнух, которого он посылал, радостно вбежал в спальню и, повалившись государю в ноги, воскликнул:

— Поздравляю вас, ваше величество! Император приподнялся на кровати и нетерпеливо спросил:

— Что ты орешь? Кого выбрали мне в жены?

— Урожденную Нара,— ответил евнух.

Эти слова поразили императора, точно удар грома. Он схватил венец и в сердцах швырнул его на пол:

— Разве она мне пара!

Евнух, видя, что государь пришел в ярость, не осмелился продолжать. После долгого молчания император, как будто вспомнив что-то, воскликнул:

— Ведь еще есть наложницы, почему не докладываешь?

— Ими выбраны Старшая красавица Цзинь и Младшая красавица Бао; обе получили титул драгоценных наложниц!

Император немного успокоился. Его желание было отчасти удовлетворено, но он подумал, какой оскорбленной должна чувствовать себя Младшая красавица, и тихо вздохнул:

— Такова уж, видно, ее судьба! Какой смысл быть государем! Даже при собственном бракосочетании становишься рабом обстоятельств!..

Будущая супруга государя, его двоюродная сестра по матери, занимала видное место среди фрейлин, однако красотой не отличалась. От природы добрая и привязчивая, она льнула к старой императрице, вовсе не интересуясь ее царственным племянником. Император не только не любил, но даже презирал ее, и вот теперь она стала его женой! Государь, естественно, скрежетал зубами от ярости, но послушаться тетки не смел. Оставалось только затаить злобу и, согласно обычаю, пойти к старой императрице с благодарностью за выбор».

Сохранившиеся фотографии жены Гуансюя подтверждают, что никого, кроме старухи, она не могла привлечь; известно также, что молодая императрица была глуповата. В описании Хасси история этой женитьбы выглядит еще трагичнее: сначала Гуансюй мечтал не о Чжэнь, а о другой девушке, но ее Цыси совсем отвергла, даже в наложницы не взяла, и девушка повесилась.

После свадьбы племянника вдовствующая императрица формально передала ему власть, однако фактически не переставала все время следить за деятельностью императора, окружив его надежными шпионами. Она продолжала вмешиваться и в личную жизнь Гуансюя, о чем ярче других опять-таки пишет Цзэн Пу:

«Через месяц после обручения, в феврале, когда природа оживала, а весенний воздух был напоен весельем, император вступил в брак и принял бразды правления в свои руки. Старая государыня была очень довольна, каждый день устраивала во дворце театральные представления, собственной рукой написала несколько пьес на религиозные сюжеты и даже приказала сделать механическую сцену, на которой духи могли появляться сверху, а дьяволы снизу. Все эти пьесы игрались под ее руководством евреями, но частенько и она сама одевалась бодисатвой Гуаньинь, заставляя императорских наложниц прислуживать ей в роли дочери дракона и мальчика-казначей²¹.

²¹ Дочь дракона и мальчик-казначей — постоянные спутники бодисатвы Гуаньинь (санскр. Авалокитешвара), своеобразной богини милосердия.

Главный евнух Лянь, переодетый небесным генералом Веда, плывал по Куньминскому озеру на маленьком парходике: словом, в Парке согласия предавались весьма изысканным развлечениям, роскошь которых даже трудно описать. Но в самый разгар веселья старая императрица вдруг тайно потребовала к себе во дворец отца императора князя Мудрого. Драконий лик императрицы был суров, когда она заявила князю, что сын его с самого бракосочетания еще ни разу не осчастливил своим приходом молодую государыню, а к наложницам Цзинь и Бао, напротив, проявляет чрезмерную любовь.

— Такая распущенность в безрассудство не соответствуют обычаям, установленным нашими предками! — сказала она. — Я уже неоднократно увещевала его, но он не слушает. Сейчас я самым строжайшим образом приказываю вам воздействовать на сына и убедить его жить с императрицей в согласии!

Получив такой приказ, князь Мудрый понял, что выполнить его будет нелегко. В то же утро, отпустив членов Государственного совета, вдовствующая императрица вызвала князя на аудиенцию, поговорила с ним для порядка о делах правления и, сославшись на то, что ей нужно переодеться, покинула зал. Фрейлин она увела с собой, оставив императора наедине с отцом. Князь Мудрый по-прежнему чинно стоял на коленях. Государь взволновался и, сойдя с трона, также опустился на колени перед огцом. У князя Мудрого от испуга взмокла спина. Ударившись лбом об пол, он попросил императора немедленно вернуться на трон. Государю пришлось сесть.

— Ваше величество, прошу вас в дальнейшем никогда не поступать так! — произнес князь Мудрый. — Это государственный обычай: можно нарушить правила сыновней почтительности, но нельзя ронять авторитет государя. Умоляю вас подумать над этим!

Затем он стал горячо просить императора установить добрые отношения с молодой императрицей.

— Неужто даже в личных делах я не могу быть себе хозяином? — печально молвил государь. — Но раз этим можно навлечь беду на вас, я поступлю, как вы просите. Сегодня же ночью я отправлюсь в Беседку, достойную аромата!»

Исполняя просьбу своего отца, Гуансюй действительно посетил жену, провел у нее две ночи, но оставался к ней холоден.

«По старому дворцовому обычаю, каждая ночь, проведенная императором со своей супругой, фиксировалась специальным евнухом Палаты важных дел. Когда его величество выходил от государыни, евнух должен был на коленях спрашивать императора, как прошла ночь. Если государь изволил осчастливить супругу, евнух записывал в специальной книге: „Такого-то числа, такого-то месяца, такого-то года в такой-то час государь осчастливил императрицу“. Если же ничего не было, то император просто говорил: „Уходи!“

В Парке согласия церемонии соблюдались менее строго, чем в зимнем дворце, но заполнять книгу все равно было необходимо. Поэтому, едва государь покинул императрицу, коленопреклоненный евнух из Палаты важных дел дважды осведомился, что ему следует записать, и когда во второй раз услышал „уходи!“, стукнулся головой об пол.

— Чего тебе надо? — молвил удивленный император.

— Эту книгу каждый день требует к себе вдовствующая императрица, — ответил евнух. — Сейчас ваше величество провели у государыни подряд две ночи, а я вынужден оставить в книге обе графы пустыми. Старая императрица снова будет гневаться. Нижайше прошу ваше величество подумать об этом!

Император изменился в лице.

— Как ты смеешь вмешиваться в мои дела?!

— Это вовсе не моя дерзость, а священный приказ вдовствующей императрицы! — ответил евнух.

Гуансюй, который и без того весь кипел от злобы, пришел в страшную ярость при вести о том, что тетка старается подавить его своими указами. Не раскрывая рта, он с силой пнул евнуха ногой».

Дальше выясняется, что Цыси и в самом деле следит за числом соитий племянника. Это может показаться преувеличением, но и в исторических материалах идет речь о совершенно невероятных, на наш взгляд, вещах. Например, если китайский монарх хотел посетить одну из своих наложниц, он должен был получить для этого письменное разрешение императрицы, причем с печатью. Иногда, правда, обходилось и без печати. По «домашним законам» цинской династии, император не имел права оставить наложницу у себя на ночь. В пьесе Ян Цуньбиня об этом напоминает Гуансюю главный евнух Ли Ляньин, недовольный тем, что Чжэнь уже несколько дней не возвращается в свой дворец. Причем делает он это в тот момент, когда хочет унижить императора, поставить его «на свое место», то есть ловко использует формальности, которых всегда было очень много в китайской жизни. Таким умелым, хладнокровным использованием формальностей отличалась и сама Цыси.

Напротив, Гуансюй, как показывает Цзэн Пу, позволил себе горячность и подбросил в постель нелюбимой жене дохлую собачонку. Это дорого стоило и императору и его наложнице:

«Государь перешагнул порог, поднял голову и остолбенел от испуга: перед ним было гневное лицо вдовствующей императрицы, холодное и непреклонное, как скала. Молодая императрица, прислонившись к трону, горько рыдала. Дрожащая Бао с низко опущенной головой стояла на коленях перед обеими государынями. Наложница Цзинь, многочисленные фрейлины и служанки, находившиеся возле окна, бросали друг на друга молчаливые взгляды.

— Его величество пожаловали! — язвительно обратилась вдовствующая императрица к вошедшему государю.— А я как раз хотела спросить, чем я провинилась перед вами? Почему вы во всем стремитесь действовать мне вопреки? Послушались чьих-то наговоров и решили оскорбить меня!

Государь поспешно опустил на колени.

— Разве я когда-нибудь перечил вам, тетушка?! А об оскорблениях и подавно говорить нечего! Где мог сыскаться столь наглый подстрекатель, о котором вы говорите? Умоляю вас не гневаться!

Старуха презрительно хмыкнула:

— Видно, я ослепла, раз сделала тебя, бессовестного, императором! Собственную племянницу отдала за тебя, сопливого! Чем она тебе не подходит?! Наслушался в постели языкатой бабы и задумал оскорбить жену? Хорошую штуку ты вчера выкинул: да ведь это все равно что обругать последними словами! Она моя племянница: раз ты ругаешь ее, значит, поносишь и меня!..

— Я уже освободила для тебя комнату,— продолжала она, повернувшись к молодой императрице.— Будешь жить со мной. На свете еще много приятного, зачем ссориться с другими из-за какого-то червяка! — И старуха, вся пылая от ярости, повела императрицу за собой».

С тех пор Цыси особенно невзлюбила Гуансюя и Бао Чжэнь, что имело далеко идущие последствия. Но глубинные причины этого заключались, конечно, не в личных делах императора. Главным для Цыси всегда было стремление к власти, причем безграничной власти, а племянник и его наложница осмелились досаждать всемогущей правительнице. Кроме того, Цыси понимала, что, уступив Гуансюю в малом, ей придется затем уступать ему и в более крупных вещах, но это было для нее уже абсолютно неприемлемо.

ВО ВРЕМЯ ЯПОНО-КИТАЙСКОЙ ВОЙНЫ

Авторы, склонные оправдывать Цыси, чаще всего не отрицают ее деспотизма, но изображают ее некоей сильной личностью, необходимой Китаю как воздух. Ей приписываются если не военные победы (таковых просто не было), то по крайней мере мудрая политика, единственно возможная в тех сложных условиях. Между тем во время японо-китайской войны 1894—1895 годов, явившейся очередным шагом к расчленению страны, Цыси вела не столько мудрую, сколько соглашательскую политику, что явилось одной из причин поражения Китая. Кроме того, она предлагала не воевать самим, а схитрить и использовать Россию для умирения Японии.

План Цыси не удался, но это в общем мало тревожило ее. Гораздо больше она была занята своим шестидесятилетием, которое собиралась отмечать в разгар войны с Японией. Как сообщает Юй Жунлин, «день рождения Цыси праздновался целую неделю. Два первых дня все ходили в обычном платье, накануне „долголетия" надевали расшитые халаты, а вечером того же дня — халаты с драконами и шли на ужин во Дворец радости. Гуансюй ужинал вместе со вдовствующей императрицей, но после еды уходил и не смотрел спектакль, как остальные.

В день, осчастливленный рождением Цыси, все вставали чуть позже шести утра, надевали халаты с драконами (замужние женщины — еще и расшитые безрукавки), увешивали себя драгоценностями, лентами, кисточками и так далее.

В этот день Цыси не устраивала аудиенции, а, приняв обычные пожелания доброго утра, отправлялась в паланкине ко Дворцу гуманности и долголетия принимать праздничные поздравления. Во дворе этого дворца ее встречал Гуансюй — тоже в халате с драконами и в парадной шапке, украшенной тремя жемчужинами. Руководя целой армией князей и сановников, он опускался на колени перед Цыси. Затем император продолжал свои поклоны внутри дворца, а князья и сановники оставались кланяться во дворе.

Из Дворца гуманности и долголетия старуха возвращалась в Зал радости и долголетия, где императрица и мы встречали ее троекратным коленопреклонением и девятью земными поклонами. Евнухи вручали каждой из нас по жуи, которые мы, опять же стоя на коленях и держа толстый конец в правой руке, а тонкий — в левой, поднимали на уровень лба и преподносили вдовствующей императрице. Вернее, мы передавали жуи лишь главноуправляющему Ли Ляньину и его помощнику Цуй Юйгую, которые возвращали их рядовым евнухам.

После этой церемонии Цыси передевалась в обычное платье и отправлялась смотреть спектакль. Гуансюй по-прежнему ел вместе с ней, но спектаклей почти не смотрел».

Следует отметить, что здесь речь идет об обычном дне рождения императрицы, а не о круглых датах, которые Цыси праздновала с необыкновенной помпезностью. Правда, в период войны императрице из «патриотических соображений» пришлось отказаться от праздника, однако едва был заключен Симоносекский мирный договор, как ее клевет Жун Лу обратился к ней с нижайшей просьбой переехать в только что отстроенный Парк согласия и отпраздновать шестидесятилетие. Вызвав Гуансюя, Цыси заявила, будто она против расточительных торжеств в то время, когда Китай только что потерпел поражение от крохотной Японии, но при этом она так выразительно смотрела на императора, что празднество, конечно, состоялось.

Парк согласия (Ихэюань) — это роскошный летний дворец, построенный для императрицы вместо Парка радости и света (Юаньминюань), который ей так и не дали восстановить. Цыси с лихвой наверстала упущенное; строительство Парка согласия стоило примерно тридцать миллионов лянов, кроме того, его многократно достраивали и перестраивали, на что уходило около полутора миллионов ежегодно. А когда там жила вдовствующая императрица, содержание дворца обходилось в десять тысяч лянов ежедневно. Во время празднования шестидесятилетия Цыси всем крупным чиновникам было предложено пожертвовать в ее честь ни больше ни меньше как четверть жалованья. Стоимость преподнесенных подарков составила несколько миллионов лянов.

Но средства для развлечений императрицы складывались не только из подарков и казны. В период между франко-китайской и японо-китайской войнами Цыси не постеснялась присвоить себе даже деньги, отпущенные для военно-морского флота: «Уже в 1888 году ассигнованные адмиралтейству на закупку судов за границей средства были с согласия главы адмиралтейства великого князя Чуня переданы на строительство загородного летнего дворца». Возле озера в придворном парке вырос «павильон из белоснежного мрамора в форме пришвартованного к берегу колесного парохода, напоминающего о происхождении средств, на которые был построен дворцовый ансамбль Цыси». А в 1893 году адмиралтейство и вовсе упразднили «за ненадобностью». Нельзя сказать, чтобы поступки императрицы и ее фаворитов не встречали никакого отпора со стороны окружающих. Так, «после первых тяжелых поражений цинских войск в Корее и Маньчжурии императору Гуан-сюю стало ясно, что утверждения столичных сановников о богатейших арсеналах и неприступных крепостях служили лишь прикрытием для воровства и взяточничества, что из-за границы в Китай поступали недоброкачественное оружие и боеприпасы. Он не замедлил обрушиться на Ли Хунчжана, который, по словам русского посланника А. П. Кассини, „не пренебрегал никакими средствами для округления своего и без того громадного состояния“. Однако шестидесятилетняя Цыси, которая 29 сентября 1894 года фактически вновь взяла в свои руки государственное правление... издала хвалебный указ о заслугах Ли Хунчжана, чтобы смягчить указ императора Гуансюя о его отставке».

Во время японо-китайской войны цензор Ань Вэй-цзюнь подал Цыси удивительно дерзкий доклад с просьбой не ограничивать монарха. Правительница пришла в ярость, сместила Аня с должности и отправила в ссылку. Вскоре произошла аналогичная история с Коу Ляньцаем, который сначала прислуживал императрице и даже был одним из ее любимых евнухов. Цыси послала его шпионить за Гуансюем, но тот, убедившись в благородстве государя, стал просить ее предоставить императору большую свободу и приостановить строительство летнего дворца. Разъяренная Цыси велела пытать Коу Ляньцаю, а затем отрубила ему голову.

Несмотря на то что Гуансюй давно достиг совершеннолетия, вдовствующая императрица совсем не желала передавать ему власть. Напротив, она под благовидным предлогом избила палками его любимую наложницу Чжэнь, стала приучать его к опиуму, а потом, ссылаясь на собственные же выдумки, распространила слух, будто Гуансюй «утратил добродетель» и его надо сместить. Эта атмосфера передана в романе Цзэн Пу, где герой Бэнь Динжу, написанный с сановника Вэнь Тинши, говорит:

«Вам, конечно, известно, что императорские наложницы Цзинь и Бао попали в опалу. Сегодня утром евнуха Гао Ваньчжи, который был приставлен к Бао, передали в департамент дворцовых дел и отрубили ему голову. Вдовствующая императрица хотела сначала издать указ о проведении следствия, но министр Гун Пин²² отговорил ее, боясь, что огласка повредит государственному престижу. Потому она и выбрала тайный путь. Разве это не начало низложения императора?»

Цянь Дуаньминь, прототипом которого является сановник Ван Минлуань, отвечает:

«Я тоже кое-что слышал о размолвке между двумя дворцами, однако думаю, что на низложение государя старая императрица вряд ли решится пойти. Конечно, она давно уже мечтает об этом, но ведь сейчас самый разгар войны, положение исключительно опасное. Думается, что ваше беспокойство не более основательно, чем страх человека из Ци²³. Если это по-прежнему вас волнует, то генерал Лю Икунь, на ваше счастье, как раз в Пекине. Можете тайно повидаться с ним и попросить принять соответствующие предупредительные меры. Я же посоветуюсь с канцлером Гао Янцзао и министром Гун Пином. Под предлогом защиты столицы мы вызовем в Пекин старого генерала Ни Гутина.

²² Написан с Вэн Тунхэ, наставника Гуансюя.

²³ Намек на древнюю легенду об одном из жителей княжества Ци, который постоянно боялся, что на него свалится небо.

Этот человек предан императору и смел, с ним можно быть абсолютно спокойным. Кроме того, мы попросим Чжуан Чжидуна²⁴ — губернатора провинции Цзянсу — разместить войска Фэн Цыцай в районе Хуайхэ — Сюйчжоу. Эти меры заставят императрицу призадуматься, а если она и решит что-нибудь предпринять, мы будем готовы к отпору.

Вэнь Динжу восхищенно согласился...».

Действительно, во время японо-китайской войны Цыси не удалось свергнуть императора. Но от своих намерений она отнюдь не отказалась.

РАЗГРОМ РЕФОРМАТОРОВ И ЗАТОЧЕНИЕ ГУАНСЮЯ

Поражение в войне с Японией окончательно показало, что феодальный режим в Китае разложился и спасти страну можно лишь путем обновлений. Эту миссию поначалу взяли на себя социальные реформаторы (Кан Ювэй, Лян Цичао и другие), которые в 1895—1897 годах и особенно в период «ста дней реформ» 1898 года при поддержке Гуансюя провели ряд преобразований в политике, экономике, военном деле и культуре. Но ход этого реформаторского движения уже достаточно показан в специальных работах. Я сосредоточусь главным образом на Цыси, которая, по метким словам Вэнь Ци-на, «следила за успехами реформаторов как кошка за мышью».

Когда Гуансюй в 1898 году стал издавать свои либеральные указы, вдовствующая императрица, развлекавшаяся в летнем дворце, определенное время не мешала племяннику и даже приказывала молчать тем реакционерам, которые умоляли ее остановить императора. Лян Цичао, ссылаясь на циничное признание Жун Лу, считает, что это было провокацией, рассчитанной на то, чтобы реформаторы совершили побольше «грехов». К сожалению, это очень правдоподобно и, мало того, похоже на курс «пусть расцветают все цветы», проводившийся в 1956 году, за которым последовала усердная прополка возвращенных цветов.

Разгром реформаторского движения довольно ярко показан в романе Сюй Сяотяня:

«Пристрастие Гуансюя к группе Кан Ювэя и всяческим новым идеям вызывало крайнее неудовольствие у реакционно настроенных сановников — таких, как Сюй Инкуй, Сюй Хойли, Хуай Табу, Ган Ни. Они днем и ночью выискивали пороки либералов, чтобы при удобном случае донести на них вдовствующей императрице. А она тем временем по-прежнему веселилась в Парке согласия, не думая ни о каких государственных делах. Даже когда император сам спрашивал ее о чем-нибудь, Цыси отвечала ему только через Ли Ляньина. Но одним вопросом она все-таки заинтересовалась и сделала Жун Лу, смещенного при императрице Цыань, командующим пехотными войсками. Когда освободилась вакансия генерал-губернатора столичной провинции Чжили и Жун Лу попросил Цыси назначить на это место его, она вдруг пожелала нанести императору визит вежливости и настоятельно рекомендовала ему Жуна. Почему же ее заинтересовала такая незначительная проблема? Во-первых, потому что Жун Лу был ее племянником, а во-вторых, потому что этот племянник не имел достаточных оснований занять должность генерал-губернатора: стало быть, ему следовало оказать особую помощь.

Получив желанный пост, Жун Лу охотно присоединился к Хуай Табу и другим сановникам, которые выискивали пороки в либералах. Однажды начальник отдела министерства церемоний Ван Чжао, находясь в Государственном совете, подал Хуай Табу какой-то доклад для вдовствующей императрицы. Хуай спрятал свиток в рукав, но его странное поведение заметил цензор Ян Шэньсю и мгновенно доложил об этом императору. Гуансюй потребовал показать спрятанное. Дрожащий Хуай Табу уже думал, что его сейчас навеки разжалуют, однако император, просмотрев свиток, лишь улыбнулся: оказывается, Ван в своем докладе предполагал, что монарх острижется и сменит одежду. Развеселившись, Гуансюй дал автору третий чиновничий ранг, остальные чиновники,

²⁴ Под именем Лю Икуня, Гао Янцзао, Ни Гутина и Чжуан Чжидуна в романе выведены Лю Куньи, Ли Хунцзао, Не Шичэн и Чжан Чжидун.

видя, что император повышает даже за такую чепуху, начали подавать ему доклады один курьезнее другого.

Но консерваторы тоже не дремали и донесли обо всем Цыси. Услышав, в чем подозревают Гуансюя, вдовствующая императрица воскликнула:

— Как, этот мальчишка обнаглел до того, что хочет презреть обычаи наших предков?!

Слова Цыси немедленно распространились, и многие реакционеры, типа Сюй Инкуя или Ган Ни, стали обвинять императора в том, что он поверил безумным речам Кан Ювэя, что он хочет разрушить идеальную систему, созданную прежними монархами... Когда это дошло до Цыси, она рассердилась еще больше и вызвала к себе племянника. Гуансюй сразу понял, что тетка изволит гневаться на него. Едва он совершил необходимые поклоны, как она хлопнула ладонью по столу и закричала:

— Я думала, ты уже вырос, поумнел, поэтому и доверила тебе власть, а ты пользуешься ею во зло, позоришь наших великих прародителей! Такие безумцы, как ты, способны погубить всю страну!

Гуансюй торопливо поклонился и сказал:

— Святая мать напрасно слушает клевету и обвиняет меня. Я хоть и неразумен, но не до такой степени, как вы говорите. Все, что я сейчас предпринимаю, делается в надежде усилить государство и дать счастье подданным. Ни малейшего вреда стране, как вы отлично понимаете, это принести не может...

Но старуха, не дожидаясь, пока он кончит, гневно дернула головой.

— Ты еще смеешь спорить? — закричала она опять. — А что пишет о тебе в своем докладе Ван Чжао?! Ты думаешь, у меня нет глаз и ушей? Посмотри, что о тебе люди говорят!

Она швырнула на пол целый ворох бумаг. Евнух быстро подобрал их и подал Гуансюю: все это оказались доносы на сторонников Кан Ювэя и даже на самого императора. Гуансюй промолчал. Видя его смирение, старуха холодно усмехнулась:

— Ну что, теперь понял? Сегодня я тебя отпускаю, а на будущее призадумайся. Я все сказала!

Гуансюй несколько раз поддакнул и удалился. Вернувшись во Дворец небесной чистоты, он снова просмотрел доносы, которые ему в назидание дали с собой, — их было больше двадцати. В ярости он разорвал их на мелкие клочки и сказал себе: „Если не устранить этих проклятых консерваторов, я никогда не смогу спать спокойно!“. Чем больше он думал об этом, тем больше злился, а на следующее утро к нему перед отъездом из столицы пришел за наставлениями генерал Юань Шикай, которого только что сделали начальником военного округа. Сказав несколько поощрительных фраз, Гуансюй отпустил его и тут вдруг вспомнил, что ему очень не хватает человека, облеченного военной властью, — как раз такого, как Юань²⁵. Он сразу велел вызвать его завтра снова.

Юань Шикай никак не мог понять, почему император отложил его отъезд. Когда он вновь пришел во Дворец небесной чистоты и совершил полагающиеся церемонии, Гуансюй спросил:

— Вот ты сейчас едешь на важную должность. А по-настоящему ли ты предан государству?

Юань даже вспотел от страха. Решив, что кто-то обвинил его в предательстве, он стукнулся головой об пол и воскликнул:

— Конечно, по-настоящему! Род вашего ничтожного раба из поколения в поколение пользовался милостями царствующей фамилии, так что я скорее позволю разрезать себя на куски, чем изменю вашему величеству!

Гуансюй, довольный, улыбнулся:

²⁵ Существует и другая версия: Гуансюй обратился к Юань Шикаю почти с горя — уже после того, как Кан Ювэй бежал, предупрежденный императором, что Цыси велела его арестовать.

— Очень хорошо. Тогда возьми этот секретный пакет и постарайся исполнить все, что в нем написано, как можно тщательнее²⁶. В случае успеха я щедро награжу тебя.

Только теперь Юань Шикай понял, что его собираются не наказывать, а поощрять. Горячо поблагодарив за милость, он вышел из Дворца небесной чистоты и тут носом к носу столкнулся с каким-то евнухом, который сразу скрылся. Это удивило Юаня. Дома он распечатал пакет и обнаружил, что император приказывает ему казнить Жун Лу, генерал-губернатора столичной провинции, а затем уничтожить других сторонников Цыси. Юань Шикай заколебался: „Да, это не игрушки! Если дело сорвется, казнят не только меня, но и всех моих родственников. А вдруг евнух, с которым я сейчас столкнулся, шпион вдовствующей императрицы?!" Подумав, он решил, что у Гуансюя сил пока гораздо меньше, чем у Цыси, так что лучше не поддерживать его и вовремя донести. Той же ночью он выехал из столицы. Следует пояснить, что до этого Юань Шикай был китайским эмиссаром в Корее, а на должность начальника военного округа его выдвинул как раз Жун Лу, резиденция которого находилась в Тяньцзине. Добравшись до своего покровителя, Юань протянул ему тайный приказ Гуансюя, и Жун Лу, придя в ужас, тут же ринулся в столицу, к Цыси. Один из евнухов сказал, что Старая будда сможет принять его только завтра утром, но Жун Лу настаивал, и вдовствующая императрица поняла, что он приехал не зря. Увидев свою тетку, Жун Лу упал ниц и горько заплакал.

— Что с тобой? — спросила старуха. — Отчего ты плачешь?!

— Я боюсь, что если под угрозой жизнь вашего раба, то это рано или поздно отразится и на вас! — воскликнул Жун Лу, не переставая рыдать и вручая ей тайный приказ Гуансюя. Старуха прочитала его при свете лампы и, вся позеленев, буркнула:

— Я вижу, человек нападает на тигрицу, которая его не трогала! — Она повернулась к Жун Лу. — Сейчас же собери всех преданных сановников, ночью будет совет!

Жун Лу поклонился и, прихрамывая, вышел из зала. Дело в том, что левая нога у него была высохшей, и это кое-кого спасло, ибо ходил он медленно, а препоручить кому-нибудь тайный сбор сановников боялся. Еще когда он торопливо приковылял к Цыси, его заметил Коу Ляньцай, самый близкий евнух Гуансюя. „Почему этот пройдоха Жун Лу, будучи генерал-губернатором, так легко оставляет свой Тяньцзинь и шляется к вдовствующей императрице? Тут наверняка что-то нечисто!» — подумал Коу Ляньцай и на цыпочках подошел к двери. Он слышал плач Жуна, обеспокоенный вопрос Цыси, потом ее распоряжение собрать преданных сановников. Многое осталось непонятным, но одно было ясно: это дело имеет отношение к императору.

Хотя Гуансюй в это время развлекался со своими наложницами, Коу Ляньцай осмелился побеспокоить его и доложил ему все, что вынес из дворца вдовствующей императрицы. Гуансюй понял, что Юань Шикай предал их, раз Жун Лу по-прежнему жив, да еще жалуется тетке. Собственная судьба его не очень тревожила, но рядовым сторонникам реформ явно не поздоровится. Зримо представив себе, как всем им рубят головы, император велел Коу Ляньцаю сейчас же известить Кан Ювэя и срочности ради написал прямо на ладони евнуха: „Дела плохи, немедленно уезжайте!"

Коу Ляньцай вихрем понесся в дом Кана. Тот еще не спал, так как писал свой очередной доклад трону. Запыхавшийся Коу влетел к нему и, не в силах выговорить ни слова, молча раскрыл ладонь. Кан Ювэй узнал почерк императора, схватил первые попавшиеся и выехал в Тяньцзинь, а оттуда в Шанхай. Едва он умчался из дома, как к нему зачем-то пришел Лян Цичао. Увидев разбросанные книги, пожитки и расспросив слугу, он сразу все понял и скрылся в японском консульстве. Потом ему с помощью вице-консула удаюсь бежать в Японию, но для этого пришлось переодеться в иностранное платье.

²⁶ В действительности Гуансюй имел немало бесед с Юань Шикаем, прежде чем доверился ему.

Тем временем Жун Лу по приказу вдовствующей императрицы собрал Ган Ни, Хуай Табу, Сюй Инкуя, Цзэн Гуанханя, Сюй Хойли и других крупных сановников и вместе с ними приехал в Парк согласия. Цыси, вся дрожа от гнева, показала им тайное распоряжение императора. Ган Ни встал на колени:

— По-моему, если мы сегодня же не казним Кан Ювэя, Лян Цичао и их приспешников, то завтра они казнят нас!

— Я считаю, что нужно уничтожить не только этих разбойников, но и их безмозглого покровителя! — закричала Цыси.

— Нет, этого нельзя делать! — поспешно возразил Сун Лу. — Императора слишком хорошо знают и в нашей стране и за границей; если убрать его, иностранцы непременно воспользуются этим как предлогом. По моему глупому разумению, Старой будде просто стоит вернуться к власти, а императора достаточно отстранить нее...

Цыси еле заметно кивнула, приказала Ган Ни во главе дворцовой охраны арестовать мятежников и до самого утра вместе с сановниками обсуждала, как именно наказать императора...

Всю ту ночь Гуансюй не мог уснуть. Поднявшись на рассвете, он помылся, оделся, но не пошел в тронный зал, а стал терпеливо ждать событий. Действительно, вскоре Цыси вызвала его. Он направился за евнухом в Зал согласия и радости и увидел там свою тетку с искаженным от ярости лицом. Едва Гуансюй совершил полагающиеся церемонии, как старуха завизжала:

— Ты хотел арестовать меня?!

— Ничего подобного, — спокойно ответил Гуансюй.

Цыси пришла в еще большую ярость и, выхватив из рукава тайное распоряжение, попавшее к ней от Юань Шикая, бросила его на пол:

— А это кто писал?

Гуансюй понял, что теперь ему не защититься, но все же продолжал упорствовать:

— Я велел Юань Шикаю арестовать консерваторов, а вовсе не вас, святая мать.

Цыси холодно усмехнулась:

— Не меня?! Если бы Жун Лу вовремя не доложил мне об этом, ты наверняка добрался бы и до меня!

Она сделала знак Ли Ляньину и другим евнухам, те бросились к государю, схватили его и, не дав ему вымолвить ни слова, утащили на островок Интай посреди дворцового пруда».

У Тайсуй и Чжоу Тяньбэй в своей пьесе рисуют последнюю сцену не менее красочно, акцентируя внимание на издевательском тоне Цыси, которая явилась арестовать монарха:

«Г у а н с ю й (испуганно). Почему мать-императрица пришла такая рассерженная?

Цыси. Я прошу тебя даровать мне жизнь!

Г у а н с ю й. Что вы, я...

Цыси (презрительно усмехаясь). Ты еще смеешь оправдываться, непочтительная тварь, после того как хотел убить меня?!».

В той же пьесе изображено, как Гуансюя отправили на Интай, оторвав от любимой наложницы Чжэнь. У Цай Дунфаня эта наложница дерзко заявляет вдовствующей императрице, что та не имеет права низлагать монарха. Цыси дает ей пощечину и тоже отправляет в заточение, но отдельно от Гуансюя. Аналогичный эпизод можно найти в романе П. Бак.

Разумеется, император и его наложница были не единственными и даже не главными жертвами реакционного переворота 1898 года. Издав указ об упразднении всех реформ, Цыси отрубила головы шестерым ведущим реформаторам: Тань Сытуну, Кан Гуанжэню, Ян Шэньсю, Ян Жую, Линь Сюю и Лю Гуанди. Многих их горонников посадили в тюрьму, сослали, сместили с должности. Напротив, «Хуай Табу, Ган Ни, Сюй Инкуя, Цзэн Гуанханя, Сюй Хойли и других консерваторов повысили на три ранга

каждого. Чжао Шуцяо и Жун Лу ввели в Государственный совет, Юань Шикая сделали губернатором провинции Шаньдун, а на место генерал-губернатора столичной провинции, освободившееся после Жун Лу, посадили другого реакционера — Юй Лу).

Тюрьма или ссылка тоже не гарантировали реформаторов от дальнейшей расправы — это видно на примере Чжан Иньхуаня, известного в Англии и потому «лишь» сосланного на вечное поселение в Синьцзян. Как писала одна из русских газет, «сэр Макдональд добился у Тсэ-Ги обещания не казнить вместе с другими бывшего министра финансов Чанг-Ю-гоана. Она дала слово не о б е з г л а в л и в а т ь этого старика, но по ее распоряжению его у д а в и л и на пути в ссылку...».

Предельное лицемерие Цыси сказалося и в том, что указ о казни шестерых реформаторов она подписала именем их покровителя — заточенного Гуансюя. То же самое она проделала с указом, в котором император будто бы восхищался ее двукратным регентством и просил повторить этот блестящий опыт. Лишь самые наивные люди того времени поверили, что Гуансюй лично издал декрет, в третий раз назначающий Цыси регентшей.

Главным реформаторам — Кан Ювэю и Лян Цичао — удалось бежать. Еще надеясь поймать их, вдовствующая императрица передала в Шанхай срочный приказ арестовать Кан Ювэя, который якобы отравил императора какими-то красными пиллюлями. Лян Цичао правильно замечает, что под этим предлогом Цыси рассчитала убить одновременно и Кан Ювэя и Гуансюя. Но беглецы сумели скрыться за границу. Тогда, «не зная пределов своей мести, императрица приказала разрушить могилы предков Кан Ювэя и рассеять их прах — высшее оскорбление, какое только можно нанести сердцу китайца», издавна приверженного культу предков. В Шанхае находились иностранные селтльменты, где при случае можно было укрыться от преследований двора, и недаром именно из этого города некто Цзин Юань-шань от лица местных жителей послал Цыси телеграмму с требованием освободить императора. Разъяренная старуха приказала схватить Цзина, но он скрылся в другом порту — Сямыне (Амое). Отдельные оппозиционеры действовали и в Пекине. Например, шестеро евнухов, служивших на Интае, хотели помочь Гуансюю бежать, однако были пойманы и по приказу вдовствующей императрицы обезглавлены.

Как верно пишет Юй Жунлин, «Цыси готовилась к смещению племянника, поэтому распространила слух о том, будто Гуансюй болен, и ежедневно требовала у дворцового врача фальшивые рецепты, рассылая их с помощью сановников по столичным и провинциальным аптекам. Все это должно было доказать, что император находится чуть ли не при смерти.

А заточенному монарху тем временем не разрешали ни с кем общаться, даже с женой и наложницами. Жена и Цзинь его мало интересовали, но Чжэнь он любил. Императрица давно ревновала его к счастливой сопернице. Раньше она не смела мстить ей, однако теперь решила воспользоваться случаем и погубить ее. Она всячески чернила наложницу перед Цыси, говорила, что Чжэнь плохо относится к вдовствующей императрице, что она подбивала императора на реформы, и так далее».

В 1899 году Цыси, предприняв следующий шаг к смещению Гуансюя, назначила ему наследника — Пу Цзюня, сына князя Дуаня и княгини Дуань, которая была фавориткой вдовствующей императрицы. Сначала Цыси хотела просто посадить этого пятнадцатилетнего шалопая на трон, но столкнулась со слишком дружным сопротивлением и была вынуждена сделать его только наследником — Великим старшим братом.

Пользуясь своим званием, «старший брат» порою мелко издевался над вполне зрелым, тридцатилетним Гуансюем. По отзывам современников, Пу Цзюнь был довольно красив, но груб, любил щеголять в военной форме и напоминал не то актера, не то хулигана. Он устраивал постоянные дебоши, в конце концов спутался с одной из фрейлин, так что Цыси была уж и не рада его возвышению. Впоследствии она легко пожертвовала и

им, и его отцом, лишив Пу Цзюня даже минимального жалования. Неудавшийся престолонаследник закончил свои дни в пекинских притонах. Пьяный и грязный, он был вынужден зарабатывать себе на жизнь шулерством.

Но это, как я уже сказал, было позднее. Сейчас подчеркну лишь, что в 1899 году Цыси не сумела окончательно устранить монарха: и из-за протестов иностранных держав, и из-за того, что некоторые китайские генерал-губернаторы, например Лю Куньи, отказались признать низложение Гуансюя, и из-за сопротивления князя Гуна, которого не сломила опала. «Князь был хотя и невежествен, консервативен, но справедлив. К тому же Сяньфэн оставил ему распоряжение сдерживать Западную императрицу, поэтому она боялась его». Эти слова Лян Цичао в общем убедительны — несмотря на то, что он явно преувеличивает роль князя, особенно для того времени.

ГИБЕЛЬ НАЛОЖНИЦЫ ЧЖЭНЬ

Не осмелившись убить Гуансюя, вдовствующая императрица решила отыграться на его возлюбленной. Как ясно из предыдущего, ее конфликт с наложницей зрел уже давно и в основе его лежали не только причины личного характера, но и то, что Чжэнь была сто-энницей реформ. Это хорошо показано в романе Цзэн Пу, где Бао (Чжэнь) говорит Гуансюю, выступая против всевластия Цыси и Ли Ляньина:

Если так пойдет и дальше, чего доброго, повторится история с Вэй Чжунсянем и кормилицей императора²⁷. Ваше величество должны принять против этого меры!

Государь нахмурился:

— А что я могу сделать?

— Все зависит от того, удастся ли вам найти и выдвинуть хотя бы несколько преданных родине сановников, с которыми вы могли бы советоваться по наиболее важным делам. Это убережет вас от всяких неприятных случайностей. В спокойное время вы могли бы с их помощью привлекать на свою сторону новых приверженцев, а в ответственные моменты — раскрывать заговоры и уничтожать изменников. На мой глупый взгляд, канцлер Гао Янцзао, министр Гун Пин, заместитель министра Цянь Дуаньминь и придворный историк Вэнь Динжу очень преданы вашему величеству. Следует найти подходящий повод и дать им реальную власть. Кроме того, талантливые люди есть и среди тех, кто только что выдержал государственные экзамены. Надо предоставлять им служебные вакансии, невзирая на очередность, и тем самым привлечь к себе сердца ученых. Старшая дочь князя Благонамеренного, которая сейчас находится при дворе, также известна своей прямоотой и строгими правилами, даже вдовствующая императрица побаивается ее. Вам следует быть с ней особенно приветливым. Короче говоря, вы сможете вершить всеми делами только в том случае, если сами будете представлять собой реальную силу. Я знаю, что ваше величество очень добры ко мне, поэтому и осмеливаюсь говорить так дерзко.

— Ты говоришь со мной абсолютно искренне! — вздохнул император. — Кто сейчас во всем дворце, кроме тебя одной, так чистосердечно предан мне?! — Он отодвинул чашку с палочками и стал вытирать глаза маленьким платком: — Не могу есть!

Бао тоже не выдержала, и слезы покатались по ее щекам словно жемчужины. Бросившись Гуансюю на грудь, она обвила его шею руками и сказала:

— Это я виновата во всех горестях вашего величества! Откровенно говоря, неприятности между вами и старой государыней начались только после вашего бракосочетания. Уж не из-за того ли, что государь любит меня, а не императрицу? Если так, то это я навредила вам, а никто другой! Прошу вас ради интересов государства отказаться от меня!

Император крепко обнял молодую женщину.

²⁷ Вэй Чжунсянь — временщик начала XVII века. Захватил в свои руки власть благодаря связям с императорской кормилицей.

— Я лучше умру, чем разлучусь с тобой! — сказал он нежно.

— Боюсь, что тогда ваше величество не сможет быть хозяином даже над самим собой!

— Мне остается потихоньку действовать так, как ты мне подсказала. Если я не возьму власть в свои руки и не сохраню даже любимой наложницы, то какой же я тогда мужчина?! — Он встал и гневно взмахнул руками: — Давай больше не говорить об этом!».

Здесь создам образ умной, смелой и обаятельной женщины, но возможно, что Чжэнь не была полностью лишена отрицательных черт, свойственных придворным, например корыстолюбия. Ее конфликт с Цыси вырос и на «экономической» почве: Чжэнь будто бы оказывала протекции богатым чиновникам, то есть получала взятки, на которые рассчитывали Ли Ляньин и Цыси. Это опять-таки отражено в романе Цзэн Пу, считающего обвинения по адресу Чжэнь клеветническими:

«После того как начальник области Юй Минь опозорился на аудиенции, его покровитель, главный евнух Лянь, сумел свалить всю вину за продвижение невежды на наложницу Бао, приукрасив свой рассказ множеством вымышленных подробностей, которые еще больше разожгли в старухе подозрительность. Правда, император поступил с Юй Минем очень строго, и вдовствующая государыня не могла ничего возразить, однако гнев ее от этого только возрос, и она продолжала придумывать, как бы придраться к Бао.

Тем временем в связи с назначением Юй Банли на должность начальника шанхайской области отовсюду юползли слухи, будто он получил свой пост благодаря протекции Бао. Однажды, когда император и Бао находились в Запретном городе, старая императрица неожиданно посетила их дворец и обнаружила там письмо Вэнь Динжу к обеим наложницам, в котором тот просил оказать содействие одному человеку, не указывая ни имени его, ни фамилии. Вдовствующая государыня моментально объявила это письмо доказательством преступления, наказала Бао батогами и снизила ее вместе Цзинь до звания драгоценного человека. Евнухи, присматривавшие за наложницами, были частично перебиты, а частично сосланы. Кроме того, с этих пор она запретила государю навещать обеих наложниц». Цыси тогда чуть не убила Чжэнь. Императору удалось остановить избиение только после семидесятой палки, наложница уже истекала кровью. А в 1900 году, когда объединенная армия иностранных держав снова вторглась в Пекин, вдовствующая императрица постаралась наверстать упущенное:

«За городом уже слышалась орудийная стрельба, во дворце началась паника. Евнухи и служанки завешивали окна ватными одеялами, но вскоре объединенная армия подошла еще ближе и Цыси решила бежать, захватив с собой остальных царствующих особ. Перед бегством она почему-то велела остричь себе длинные ногти и так сокрушалась о них, что даже заплакала.

Наложнице Чжэнь она не сообщила об отъезде. Императрица напомнила Цыси о Чжэнь, но старуха промолчала. Догадавшись, императрица спросила:

— Может быть, даровать ей смерть?

Старуха кивнула головой, и императрица велела помощнику главноуправляющего Цуй Юйгую передать Чжэнь об этой милости. Наложница, поняв, что иного выхода у нее нет, бросилась в колодец, а Гуансуй с другой своей наложницей — Цзинь — смотрел на это и не смел ничего сказать».

Так излагает события Юй Жунлин. У некоторых авторов император не успевает спасти Чжэнь или тщетно вступает за нее, но дело даже не в этих деталях, а в том, что версия о самоубийстве наложницы идет не от кого иного, как от Цыси. В специальном указе, конечно приписанном Гуансую, она утверждала, будто «эта замечательная молодая женщина», не успев бежать из Пекина, предпочла броситься в колодец — лишь бы не достаться иностранным солдатам.

Другой, неофициальный источник рисует гибель Чжэнь совсем по-иному. Перед бегством из столицы Цыси велела привести наложницу и сказала ей: «Я не могу взять тебя с собой, потому что ихэтуани и другие разбойники кишат на дорогах словно муравьи... Ты еще молода, и тебя могут изнасиловать, так что лучше тебе умереть!». Не успела она произнести это, как евнух Цуй подскочил к Чжэнь, завернул ее в кошму и столкнул в колодец. Характерно, что потом Цыси свалила всю вину на Цуя, заявив, что не может его больше видеть, и отстранила от себя.

К этой версии присоединяются почти все писавшие о Чжэнь, причем некоторые из них саркастически подчеркивают, что придуманная для нее казнь считалась почетной и называлась «пожаловать целый труп», а не расчлененный на части. Пойдя на такую милость, Цыси якобы не могла избавиться от призрака утонувшей: ей чудилось, будто по дворцу бродит привидение, казалось, что стулья сами двигаются, слышались чьи-то шаги. Примечателен также вывод Коллиса о том, что убийство Чжэнь — это едва ли не единственное злодеяние, которое Цыси совершила при многих свидетелях. В самом деле, несчастной правительнице просто не хватило времени как следует замести следы, нужно было срочно бежать из города.

Лишь через несколько месяцев труп Чжэнь извлекли из колодца. Придворные были так потрясены ее историей, что назвали место гибели наложницы «колодцем Чжэнь». И это название, как рассказывают, сохранилось до сих пор.

ЖЕРТВЫ СОБЫТИЙ 1900 ГОДА

Восстание ихэтуаней и последовавшая за ним интервенция держав имели множество печальных последствий. Главная вина за это лежит на империалистах и маньчжурских реакционерах, однако было бы неверно забывать и об ограниченности ихэтуаней. Питая ненависть к иностранцам, они довольно легко пошли на сближение с собственным правительством, сменив лозунг «уничтожим продажных чиновников» на лозунг «поддержим Цинов». За это они были жестоко наказаны историей и самими Циными. Сначала маньчжурский двор во главе с Цыси пытался бороться против ихэтуаней, но потом понял, что их можно использовать для искоренения либеральных западных тенденций.

Характерно, что сторонниками ихэтуаней в правительстве были преимущественно маньчжуры (Цыси, князь Дуань, Ган Ни, Юй Сянь и другие), которые сами являлись для Китая иноземцами и поэтому особенно возмущались проникновением других иноземцев. Кроме того, иностранцы мешали реакционерам полностью устранить Гуансюя и посадить на трон сына князя Дуаня. В конце концов 10 июня 1900 года Дуань был назначен главой Палаты внешних сношений, а через десять дней маньчжурский двор, опираясь на ихэтуаней, начал осаду иностранных посольств.

Впоследствии, потерпев поражение, Цыси обвинила в этом Дуаня и Жун Лу, которые будто бы приказали ихэтуаням напасть на посольства без ее ведома. На самом же деле, когда Гуансюю сомневался в необходимости объявлять войну державам и сделал рукой предостерегающий жест, вдовствующая императрица обратилась к нему с упреком: «Опустите руку, император, не мешайте!». Известно также, что Цыси увлеклась националистическими суевериями ихэтуаней и по семьдесят раз в день читала вслух их заклинания, после чего Ли Ляньин говорил, что этим уничтожен еще один заморский дьявол.

Война с державами была, конечно, убийственной для Китая, но самой Цыси удалось выпутаться из созданного ею положения. Бежав в город Сиань, она (как обычно, от имени императора) 8 сентября 1900 года издала эдикт о «наказании бандитов», нагло свалив всю вину на ихэтуаней, и начала истреблять их с помощью империалистической объединенной армии. Как отмечено в воспоминаниях Пу И, «Цыси сначала использовала ихэтуаней для убийства иностранцев, а затем иностранцев — для уничтожения

ихэтуаней». Эта измена по отношению к повстанцам была подтверждена так называемым Заключительным протоколом (1901), когда генерал-губернатор Ли Хунчжан от имени Цыси договорился с представителями иностранных держав о казни вождей ихэтуаней, в том числе сановников Гаи Ни, Юй Сяня и Чжао Шуцяо, которые прежде действовали по прямым указаниям вдовствующей императрицы.

Вот как изображается в исторической литературе гибель одного из клеветников, которого предала Цыси: «Чжао Шуцяо отличался крепким здоровьем, поэтому не умер даже после того, как проглотил сначала золотые пластинки, а затем иностранное снадобье... Тогда один старый служитель министерства наказаний предложил другой способ: намочить в рисовой водке бумагу из коры тутового дерева и заткнуть ему рот и ноздри. Так Чжао Шуцяо умер».

Во время подготовки заключительного протокола, принесшего Китаю новый позор и колоссальные финансовые убытки, Цыси была озабочена лишь одним — не пострадать самой. Неудивительно, что «так называемые переговоры о мире вылились в переговоры о наказании „виновницы бедствий" Цыси. Как только державами выдвигались другие требования, цинское правительство принимало их целиком, без всяких возражений». И вскоре императрица получила от насытившихся держав документ о своем помиловании.

Дальнейшие события с законной иронией, хотя и кратко, освещаются в записках Юй Жунлин:

«В 1901 году князь Цин и сановник Ли Хунчжан заключили с объединенной армией договор, и царствующие особы вернулись на свой драгоценный трон. Прежде обласканный князь Дуань был отправлен на вечное поселение, а его сына, недавно объявленного императорским наследником, разжаловали в простолюдины.

Свое возвращение Цыси ознаменовала указами о реформах: упразднением восьмичленных сочинений²⁸ и преобразованием Палаты внешних сношений в министерство иностранных дел. Мало того, она даровала некоторую свободу Гуансюю — например, поставила ему трон по правую руку от своего, чтобы император тоже мог присутствовать при решении государственных вопросов. Но Гуансюй знал цену таким реверансам и совершенно не раскрывал рта».

Кроме Гуансюя против восстания ихэтуаней с самого начала выступали и некоторые другие правители Китая: генералы Не Шичэн и Юань Шикай, генерал-губернаторы Лю Куньи, Чжан Чжидун, Ли Хунчжан, сановники Сюй Цзинчэн и Юань Чан. Но для политики Цыси и ее окружения очень характерно, что часть этих сановников (Сюй Цзинчэн, Юань Чан и другие) тоже была казнена правительством — еще тогда, когда оно выступало в поддержку ихэтуаней.

Перед бегством из Пекина Цыси вновь удлинила список своих жертв: она велела нескольким евнухам надежно спрятать ее драгоценности, а затем приказала утопить этих евнухов, чтобы они не могли обворовать ее или проболтаться. Когда вдовствующая императрица покидала Сиань, какой-то человек бросился к ее паланкину; стража решила, что он покушается на жизнь Цыси, и отрубила ему голову. А это оказался просто юродивый.

Поведение Цыси в то время отразил известный китайский прозаик начала XX века Ли Баоцзя в своем обличительном романе «События 1900 года». Особенно ценно, что этот роман был написан по свежим следам событий, еще при жизни вдовствующей императрицы. Примечательно также, что с наибольшей неприязнью Ли Баоцзя отнесся не к ихэтуаням, не к их противникам (иностранцам и отдельным китайским сановникам), а к маньчжурской верхушке, которая подло использовала ихэтуаней для своих целей. Вот что говорят весьма объективные в данном случае критики: «Писатель исключительно глубоко проник в междоусобную борьбу правителей, нарисовав князя Дуаня, Ган Ни, Чжао

²⁸ Восьмичленные сочинения — схоластические сочинения, которые писались на государственных экзаменах и обязательно должны были состоять из восьми разделов. Названными реформами Цыси старалась задобрить иностранцев и китайских либералов.

Щуця, Юй Сяня, Юань Шидуня и других чиновников, губящих государство. Кроме того, он с помощью сравнительно осторожных, завуалированных приемов разоблачил императрицу Цыси, которая поддержала ихэтуаней, а затем уничтожила их».

Всесильную государыню прозаик, конечно, не мог обличать так резко, как названных выше сановников, — во-первых, потому, что он не был революционером, а во-вторых, потому, что он писал в подцензурной газете. И все же нельзя согласиться с теми китайскими авторами, которые утверждали, будто Ли Баоцзя «прославляет Цыси».

«Мятежный князь открыто убил высоких сановников, но священные монархи не знали об этом» — так заканчивает писатель главу, изображающую казнь Сюй Цзинчэна и Юань Чана. Достаточно сопоставить выделенные мною слова, чтобы усомниться в искренности автора. Или возьмем эпизод из предыдущей главы, где Цыси в самый разгар осады посольств (2 июля 1900 года) отправляет в подарок иностранным дипломатам несколько корзин с арбузами, заверяя, будто старается подавить мятеж. Интересно, что эта нелепая история произошла в действительности: «Штурм посольств то продолжался, то прекращался; то вдруг тайно приказывалось „повсюду на месте казнить иностранцев без различия пола и возраста"... то в течение нескольких дней в посольства посылались подарки в виде арбузов, вина, овощей, фруктов, льда, риса, муки и т. п.».

Получив эти дары, и реальные иностранцы, и герои Ли Баоцзя были крайне поражены, так как помимо ихэтуаней их осаждали и правительственные войска. Но тут у писателя (именно у него, а не в жизни) обнаруживаются «два понимающих человека», которые объясняют, что сама императрица, наверное, ничего не знает о бедствиях иностранцев. Разве не похожа эта краткая отговорка, завершающая подробное описание недалекого монаршего лицемерия, на обход цензуры?

Далее Ли Баоцзя обличает Цыси еще глубже устами приближенных Гуансюя и иностранных офицеров. Группа иностранцев приходит на островок Интай, куда до бегства монархов из Пекина был заточен император, и завязывает разговор с двумя оставшимися здесь евнухами. Все они жалеют о том, что у Гуансюя ничего не вышло с реформами, считают это основной причиной восстания ихэтуаней и последовавшей за ним иностранной агрессии. Иначе говоря, главную вину за трагедию 1900 года Ли Баоцзя возлагает на Цыси, устроившую в 1898 году реакционный переворот. Это поразительно смелый отрывок, перекликающийся с авторским предисловием к роману, где Ли Баоцзя сравнивает содержащие «Событий 1900 года» и эпизод разграбления Янчжоу из знаменитой пьесы Кун Шанжэня «Веер с цветами персика». Необходимо пояснить, что резню в городе Янчжоу устроили в конце XVII века маньчжуры. Об этом существует специальная публицистическая книга Ван Сючу «Десять дней в Янчжоу», которая, как и пьеса Кун Шанжэня, неоднократно запрещалась под страхом смертной казни.

После неудавшейся авантюры с ихэтуанями Цыси, чувствуя шаткость своего положения, стала сама издавать указы о реформах. Ее критик мог подвергнуться нападкам и со стороны правительства, и со стороны многих либералов, поверивших Цыси. Но Ли Баоцзя, по-видимому, был готов выдержать такой двойной натиск — иначе он не обратился бы к проблемам (реформы 1898 года, события 1900 года), которые якобы уже отошли в прошлое. «Я написал этот роман только для того, чтобы читатели в нынешнее мирное время не забыли о прошлогодних бедствиях, набрались энергии и усердно делали каждый свое дело», — заявил Ли Баоцзя, как бы требуя настоящих, а не лживых перемен.

Реформы 1898 года были, конечно, больше похожи на «настоящие», но тоже не вполне устраивали Ли Баоцзя. Об этом свидетельствует его роман «Краткая история цивилизации» и главы 17-21 «Событий 1900 года», где вместе с наглой Цыси достается и слабому, нерешительному Гуансюю. Вряд ли правы литературоведы, заявляющие, что Ли Баоцзя «глубоко скорбит» о Гуансюе, что «бегству двора на запад... отводится слишком большое место». Даже если рассматривать подобный интерес к монаршим особам как одно из проявлений верноподданничества (возможно, внешнего), нельзя не видеть, что в указанных главах содержится острейший сатирический материал.

20 июля 1900 года, скрываясь из столицы, «Старая будда сказала: „Сейчас, когда перед нами сильный враг, достаточно заложить легкую коляску, большого числа сопровождающих не нужно"». Эти строки выглядят как сущее издевательство над трусостью и ханжеством Цыси, особенно если сопоставить их со словами из другой главы, где выясняется, что «крохотному уездному городу Хуайлай трудно кормить десять с лишним тысяч человек» — к такой цифре свелось «небольшое число сопровождающих».

Впрочем, лучше последовать прямо за монархами, которые «незаметно промчались больше семидесяти ли». Жители деревни, в которой изволил остановиться императорский кортеж, потрясены и даже забыли о необходимых поклонах. Цыси милостиво прощает их. «Священная добродетель высока, с древности не было подобной!» — восклицает автор, и нам снова, в свете предыдущих страниц, трудно расценить это иначе, как иронию. Особенно подозрительно выглядят места, где Ли Баоцзя с умилением описывает «непритязательность» монархов, «принимающих» у крестьян сотню яиц и все деньги, или показывает, как начальник уезда Хуайлай преподносит «обносившейся» Цыси приданое своей юной дочери. Дело в том, что писатель всегда ненавидел тех, кто ооирлл людей. Вряд ли могли нравиться ему и размышления старой националистки о том, китайская одежда ей дарится или маньчжурская. Но евнухи убеждают Цыси, что сейчас это все равно, и императрица повышает начальника уезда в должности — таким пронырам Ли Баоцзя тоже никогда не сочувствовал.

Завершается бегство монархов их трогательной встречей с членом Государственного совета Ваном, которого они недавно бросили в столице. Думаю, что этот новый контраст окончательно устраняет сомнения в сатирической, хотя порою и завуалированной, направленности «Событий 1900 года».

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ

Ко времени поражения ихэтуаней реальная сила Цыси пошла под уклон, но окружающие это не очень замечали, потому что вдовствующая императрица продолжала цепко держаться за кормило правления и сохраняла весьма внушительный вид. Вот как описывает ее Юй Жунлин, впервые увидевшая государыню в 1903 году:

«Цыси оказалась невысокой старухой, старавшейся прибавить себе рост с помощью толстых подошв на своих маньчжурских туфлях. Ноздри у нее раздувались, в глазах горел властный огонь, но руки были красивыми. Настоящей красотой она, наверное, не отличалась даже в молодости, однако ум в ней чувствовался без сомнений. Одета она была в бледно-желтый маньчжурский халат и голубую безрукавку с расшитыми краями. Волосы были собраны в одинарный пучок, хотя и со множеством шпилек. Она единственная во дворце не носила сложной прически, что для остальных считалось большим проступком. Только во время крупных церемоний, например празднования Нового года, дней рождения или приема иностранцев, Цыси тоже приказывала делать себе двойной пучок».

Именно у Юй-Жунлин мы находим наиболее полное описание распорядка дня императрицы, интересное для тех, кто хочет знать о жизни маньчжурского двора:

«Княжны и фрейлины обычно вставали в шесть часов, так как в восемь уже полагалось прийти в Зал радости и долголетия, чтобы пожелать Цыси доброго утра. Когда вдовствующая императрица выходила, евнух откидывал дверную занавеску, все кланялись и говорили:

— Желаем благополучия Старому предку!

Цыси садилась в свое кресло из сандалового дерева и завтракала... Затем появлялся главноуправляющий с несколькими желтыми коробками, в которых лежали доклады губернаторов, генерал-губернаторов или членов Государственного совета. Главноуправляющий вместе с одной из фрейлин становился на колени перед Цыси и доставал из коробок доклады, а фрейлина передавала их вдовствующей императрице.

Просмотрев бумаги, старуха таким же путем возвращала их главноуправляющему и в паланкине отправлялась на аудиенцию во Дворец гуманности и долголетия.

...Трон вдовствующей императрицы находился в центре дворцового зала, а трон Гуансюя — справа от нее. По обе стороны стояла императорская охрана, в которую входили исключительно аристократы, в том числе князь Гуйсян, младший брат Цыси.

Князья и сановники по очереди приближались к монархам, но задавала вопросы только Цыси. Гуансюй сидел в стороне и не произносил ни звука».

Трапеза вдовствующей императрицы выглядела следующим образом:

«В одиннадцать часов утра подавали еду. Во Дворце радости к кану²⁹ придвигали два квадратных стола, а рядом с ними, прямо на кан, ставили специальный низенький столик, так, чтобы все столы образовали одну плоскость. Затем пять или шесть евнухов в белых нарукавниках приносили яства в желтых лаковых коробках, расписанных синими драконами. На каждый квадратный стол ставили по шестнадцать блюд, а на низенький стол — лишь несколько кушаний, особенно любимых вдовствующей императрицей. Один из евнухов преклонял перед Цыси колени и говорил:

— Прошу Великую императрицу к трапезе!

Только тогда Цыси садилась за столик, на призо-мистый трон. Временами она изволила есть вместе с Гуансюем, для которого в таких случаях ставили на кап еще один приземистый трон, по правую руку от вдовствующей императрицы.

Обычно Цыси ела только ближайшие кушанья, но порою ее внимание привлекали и блюда с дальних столов. Насытившись, она часто посылала остальные кушанья князьям и сановникам, что по-маньчжурски называлось „кеш“, то есть „дарить еду“.

Завершать трапезу Цыси любила маисовой похлебкой, которую повара заранее, через определенные промежутки времени, разливали в шесть или семь чашек. Когда обед подходил к концу, евнухи выбирали не слишком горячую и не слишком холодную чашку и ставили ее на стол.

Во время трапезы императрица, княжны и фрейлины уходили, а Цыси ела и одновременно смотрела спектакль, который не прекращался ни на минуту. Затем чгаруха приглашала императрицу и остальных женщин пообедать, а сама в паланкине отправлялась в Зал радости и долголетия. Она почти всегда спала днем, причем в полдень, и однажды сказала моей матери, что только полуденный сон дает настоящую бодрость».

Если учесть, что активную роль в политике Цыси сначала играть с середины 50-х годов, то она провела на троне даже больше, чем полвека. За это время она пережила целых три регентства: 1861 —1873 годы (тогда она держалась почти в тени), 1875—1889 годы (иногда даже подписывала указы, хотя продолжала вести себя осторожно) и 1898—1908 годы (нагло захватила власть у взрослого императора). В последний период Цыси овершено подавила не только Гуансюя, но его жену и наложниц. О «молодой» императрице, которая к тому времени уже утратила значительную часть своей молодости, Юй Жунлин пишет:

«Племянница Цыси была доброй, но не очень умной женщиной. Впрочем, я не знаю как следует ее характера, потому что обычно она вела со мной бытовые или церемонные разговоры и не обнаруживала своих подлинных чувств. Политикой императрице не дано было заниматься, шить она не умела и в то же время ничего не читала — лишь курила дешевый табак...

С тех пор как ее выдали за Гуансюя, она очень редко виделась со своей матерью, княгиней Гуй, и не решалась приглашать ее во дворец. С отцом она тоже почти не разговаривала: только ловила порой его взгляд, когда Гуйсян дежурил в охране Цыси...

Единственным постоянным правом императрицы было определять женские наряды во время празднования Нового года и дня рождения Цыси.

²⁹ Кан — невысокая лежанка, обогреваемая изнутри и запп мающая значительную часть комнаты.

— Государыня, вероятно, училась дворцовым церемониям, раз так хорошо знает их? — спросила я однажды.

— А я их вовсе и не знаю, — ответила императрица. — Они чересчур сложны, чтобы их запомнить. Перед каждым праздником министерство церемоний присылает в Управление двора подробный перечень всех необходимых ритуалов, а Управление двора пересылает этот перечень мне.

С наложницей Цзинь я почти не общалась и знала ее мало. Она была очень толстой, целыми днями молчала и только иногда хихикала. Хотя называлась она драгоценной наложницей, ее, по моим наблюдениям, абсолютно не ценили. За многие годы, проведенные во дворце, я ни разу не видела, чтобы Цыси заговорила с ней».

Почувствовав силу держав, вдовствующая императрица после подавления восстания ихэтуаней начала всячески заигрывать с иностранцами, принимать их у себя и очень старалась произвести на них благоприятное впечатление. Нередко она достигала своей цели, о чем свидетельствуют, например, слова Кэтрин Карл, относящиеся к 1904 году: «Мне казалось почти невозможным представить себе, чтобы эта ласковая дама, с такою замечательно моложавою внешностью, с такою привлекательною улыбкою, могла быть той, которую называют жестоким, беспощадным тираном, страшной, „старой“ вдовствующей императрицей, имя которой было на устах всего мира с 1900 года... Все, что я слышала о ненависти ее величества к иностранцам, рассеялось этою же первою аудиенциею и тем, что я видела. Я чувствовала, что самая опытная актриса не может так притворяться...».

И все же Цыси притворялась. Притворялась она и в более важных случаях, когда, например, в период русско-японской войны, происходившей в основном на территории Китая, занимала уклончивую позицию, но напускала на себя печальный вид. Об этом пишет одна из ее фрейлин:

«Однажды утром, приехав во дворец, мы увидели, что Цыси ходит невеселой. После аудиенции она ничего не ела; за обедом тоже съела очень мало; спать днем не легла — вместо этого перебирала четки и бормотала молитвы. Видя это, никто из нас не смел ни разговаривать, ни смеяться.

— Что случилось со Старым предком? Может быть, она нездорова или чем-нибудь расстроена? — спросила моя мать императрицу.

— Думаю, что второе, — ответила императрица. — Вы сейчас ночуете у себя дома и знаете разные новости лучше, чем мы, во дворце. Правда ли, что Япония собирается объявить войну России?

— Да, я тоже слышала об этом, — ответила моя мать.

— Так вот, этим Старый предок, видимо, и обеспокоена!

Через несколько дней началась русско-японская война, и Цыси стала еще угрюмее³⁰. Как-то она призналась моей матери:

— Во время аудиенции князь Цин сказал мне, что Китаю лучше соблюдать в этой войне полный нейтралитет. Но японцы всегда были очень коварными, наша страна уже страдала от них, поэтому я чрезвычайно озабочена.

— Не нужно волноваться! — попыталась успокоить ее моя мать. — Я тоже думаю, что, если Китай останется нейтральным, с ним вряд ли что-нибудь случится.

После начала войны Цыси тратила на аудиенции особенно много времени. Обычно она любила болтать со мной, но теперь даже не вызывала меня.

— Хорошо, что Япония объявила войну России! — говорили некоторые евнухи. — Нам сразу стало вольготнее. Теперь Старая будда не вмешивается в наши дела и не бьет нас!

³⁰ Одна из причин этого состояла в немедленном бегстве полтора десятка евнухов, боявшихся, что столица будет захвачена иностранцами, как во время восстания ихэтуаней.

Остальные придворные чувствовали себя тревожно, и только Гуансюй ничуть не изменился. Он по-прежнему "желал спокойствия" своей тетке, участвовал в ее аудиенциях, однако на его лице нельзя было прочесть ни радости, ни горя».

Позднее, как сообщает Юй Жунлин, от Цыси потребовалось более определенно выразить отношение к русско-японскому конфликту, но она сумела уклониться и на этот раз:

«В один из ноябрьских дней князь Цин доложил Цыси, что у нее просит аудиенции жена японского посланника Утида. Старуха ответила, что она еще подумает о дате, так как неважно себя чувствует. Мы поняли, что во время войны между Россией и Японией вдовствующей императрице неудобно оказывать предпочтение одной из враждующих сторон, и нашу догадку вскоре подтвердила сама Цыси:

— Не принимать ее нехорошо, а если принять, то еще неизвестно, что она скажет. Я не пойму, зачем ей нужна эта аудиенция, поэтому и не назначила срока.

— Нет на свете мудрее Старого предка! — воскликнула моя мать. — В самом деле, не принимать ее нельзя, это может быть неверно истолковано. Госпожа Утида хорошо говорит по-английски и очень умна. Она, наверное, постарается выведать ваше настроение, но вряд ли задаст какой-нибудь каверзный вопрос. По-моему, лучше принять ее.

— Хорошо, — согласилась Цыси. — Тогда я сообщу князю Цину день для аудиенции. Вы будете переводить мне и постарайтесь делать это внимательнее.

— Конечно, я всегда готова служить Старому предку, но разрешите, чтобы переводила моя дочь Жунлин. Она очень находчива и сумеет подправить госпожу Утида, если та заговорит о неподходящем. К тому же Жунлин молода, с нее и спрос меньше.

Старухе понравился этот план:

— Ладно, пусть переводит Жунлин, но ты тоже будь рядом, чтобы она чего-нибудь не напортила.

В назначенный день, закончив обычную аудиенцию во Дворце церемонного феникса, Цыси вернулась во Дворец счастья и процветания и приняла там госпожу Утида.

Гостья пришла вместе с женами двух членов японского посольства. После необходимых поклонов вдовствующая императрица пригласила госпожу Утида сесть, а княжны повели ее сопровождающих пить чай. Моя мать, сестра, Четвертая княжна и я стояли рядом с Цыси. Сначала разговор шел обо всяких пустяках... Особенно восхитилась госпожа Утида „тысячеслойным тортом“, изготовленным императорской кухней.

— Если он нравится вам, я прикажу послать такой же в ваше посольство, — промолвила Цыси.

Японка привстала, глубоко поклонилась вдовствующей императрице и сказала:

— Сейчас в нашем посольстве горячая пора, все заняты военными проблемами...

Насторожившись, я не стала переводить эту фразу, притворилась, будто вспоминаю пропущенное:

— Великой императрице очень нравятся японские кимоно, она считает их чрезвычайно красивыми.

Госпожа Утида взглянула на меня и деланно улыбнулась. Моя мать, стоявшая за ней, сияла от удовольствия. Цыси, которая явно кое-что поняла, тоже бросила на меня взгляд. Видя это, японка была вынуждена вслед за мной переменить тему разговора...

Проводив гостей, мы вернулись во дворец.

— Ты ведь не перевела нескольких слов этой японки; что она сказала? — поинтересовалась Цыси.

— Мать вашей рабыни предупредила меня, чтобы я обходила острые углы. Когда ваше величество упомянуло о посольстве, госпожа Утида воспользовалась этим и заговорила о войне. Пришлось мне притвориться, будто я ничего не поняла.

Цыси засмеялась:

— Ты хоть и молода, но сообразительна. Я очень цовольна, как ты справилась с этим делом».

На основании процитированного можно подумать, что Цыси действительно занимала нейтральную позицию, а первый из отрывков как будто свидетельствует даже о неприязни вдовствующей императрицы к японским агрессорам, но Цай Дунфань и Ду Чунфа показывают, что на самом деле все было наоборот. Это подтверждает и Хасси: «Как большинство маньчжуров и китайцев, она симпатизировала Японии и, стараясь соблюдать формальный нейтралитет, одобряла тех своих соотечественников, которые вступали добровольцами в японскую армию».

В последние годы жизни Цыси прикинулась подозревшей, однако в действительности ничуть не изменилась и продолжала свои многочисленные вивисекции. «Впервые я видела при дворе наказание, — пишет Юй Дэлин, — когда одна молодая служанка перепутала носки ее величества и принесла ей два непарных. Обнаружив это, ее величество приказала другой служанке дать первой двадцать пощечин. Но пощечины показались ей недостаточно сильными — тогда она велела главной провинившейся бить вторую». Когда Цыси причесывалась, она не терпела, чтобы у нее выдергивали хоть один волосок. Евнуха, который проявил при этом крохотную неосторожность, она велела забить палками. Такой же казни императрица однажды подвергла поваров, потому что ей вдруг не понравилась еда. С этими свидетельствами перекликается факт, сообщаемый Пу И: «Как-то евнух, составлявший ей компанию в шахматы, сказал во время игры: „Раб бьет коня почтенного предка“, на что она в гневе воскликнула: „А я бью всю твою семью!“. Евнуха выволокли из палаты и избili до смерти».

В художественной литературе такие поступки, естественно, расцветиваются дополнительными подробностями. Например, Сюй Сяотянь описывает, как Цыси по навету Ли Ляньина казнила евнуха Лю, который прослужил во дворце тридцать лет. Она отравила его страшной розовой жидкостью, которая сжала его всего и превратила в карлика. При этом императрица рассказала испуганным окружающим, что в ее дворце Блистательной гуманности хранится множество ядов: от одних человек сгорает и превращается в золу, от других начинает кровоточить и полностью растворяется, а от третьих даже испаряется. И хотя в этом описании немало фантастики, она, как мы видели, не так уж далека от реальности.

«РАНЬШЕ ЕГО Я НЕ УМРУ!»

После разгрома ихэтуаней и возвращения монархов в Пекин император был снова отправлен на остров Интай. Хотя иногда Гуансуй и появлялся при дворе, общаться с ним почти никому не разрешалось. Даже его жена и наложница имели право ходить к нему всего один-два раза в год, да и то лишь для церемонного визита или обеда, под наблюдением фрейлин.

«Во дворце, — вспоминает Юй Жунлин, — служил евнух, которого звали Бакалавром, потому что он был единственным ученым среди евнухов и часто читал старухе вслух... Однажды я сказала ему, что мечтаю попасть на Интай, где наверняка очень красиво.

— Да, Интай прекрасное место, — ответил он. — К сожалению, туда сейчас не пускают, потому что там живет Десятитысячелетний господин. Раньше государи скрывались на этом островке от жары, к ним каждое утро прибывали князья и сановники, которых императоры оставляли обедать, удить рыбу или писать стихи. Пойманную рыбу можно было унести к себе домой, а некоторые стихи сохранились до сих пор. Наш Десятитысячелетний господин в детстве учился на Интае, к нему приезжали учителя...

— Неужели ему там не скучно? — перебила я. Евнух вздохнул:

— Ничего не поделаешь!

— Может быть, все-таки есть способ попасть туда? — продолжала допытываться я.

— Пятая барышня! — нахмурился евнух. — Не будьте ребенком. Туда ни за что не попасть».

О том, как ревностно правительница следила за изоляцией Гуансюя, свидетельствует, в частности, такой акт. Однажды у императора сильно заболел зуб, среди придворных он не смог найти подходящего врача и послал за дантистом в город. Проведав, что во дворец приезжал посторонний, да еще без ее санкции, вдовствующая императрица казнила евнуха, который привозил врача, а труп этого евнуха выставила для всеобщего обозрения.

С 1898 года, когда Цыси расправилась с реформаторами, она начала усердно распускать слухи о слабоумии Гуансюя. Во время бегства в Сиань она, например, специально попросила его спрятать шкатулку одной из своих фавориток, а когда та обнаружила пропажу, со смехом обвинила императора в kleптомании. Однако Юй Дэлин и Юй Жунлин при первой же встрече с Гуансюем вынесли о нем совсем другое впечатление:

«Внезапно евнухи откинули дверную занавеску, и в зал вошел невысокий мужчина лет сорока, в светлом халате с блестящим желтым поясом, на котором позванивали малахитовые подвески, и в сапогах из черной парчи. Лицо у него было самое обыкновенное, но глаза светились умом; иногда в них проглядывала грусть. Цыси подозвала нас:

— Идите сюда, это его величество!

Тут только мы поняли, что перед нами Гуансюй, подошли к нему, совершили все полагающиеся поклоны, но государь лишь улыбнулся и ничего не сказал».

В дальнейшем Юй Жунлин довелось и разговаривать с императором:

«Болтая с евнухами, которые угощали нас чаем и пампушками, я вдруг снова увидела Гуансюя. Он подошел, осведомился, сколько мне лет, потом вынул изящные карманные часы, инкрустированные жемчугом, и спросил:

— Как будет по-английски „час и три четверти“?

Решив пошутить, я ответила ему не по-английски, а по-китайски.

— Англичане так не говорят. Они выражаются по-другому — „без четверти два“.

— На таком английском языке легко разговаривать! — засмеялся Гуансюй. — Я вижу, ты шалунья.

— Да, недостойная всегда много шалит.

Гуансюй, улыбнувшись, взглянул на евнухов:

— Хорошо, с этого дня мы будем называть тебя Маленькой шалуньей.

— Благодарю за милость, — поклонилась я. — Недостойная очень рада прозвищу, которое дал ей Десятитысячелетний господин!».

Императору явно понравилась Юй Жунлин — и своей внешностью, и молодым задором, который отличал ее от чинных придворных:

«Пока все смотрели спектакль, я достала мячик, начала играть во дворе и, прыгая, потеряла туфлю. В это время как раз появился Гуансюй.

— Вот уж никогда не видел фрейлину, которая бы прыгала в парадном платье, да еще без туфли! — засмеялся он.

— Десятитысячелетний господин, — стала оправдываться я, надевая туфлю, которую подал мне евнух, — здесь так много ограничений! Ходить никуда нельзя, вот я и осмелилась поиграть в мячик, чтобы разогнать скуку...

Император вздохнул:

— Да, ты верно говоришь, скука здесь смертная. — Он помолчал. — Но ты все-таки не шуми. Возвращайся скорее на спектакль, а то придет Старый предок, беды не оберешься».

В других случаях Юй Жунлин отмечала, что император был задумчивым, лирически настроенным, и решила, что «он очень умен. Просто из-за деспотичности Цыси он не смог как следует раскрыть своих способностей, государь постоянно сидел у себя во

дворце и выходил раине редко. Со вдовствующей императрицей он общался только ради проформы, например, когда нужно было желать ей доброго утра. Мы тоже, встречая императора, приветствовали его и видели, что он бывает очень весел, если старухи нет рядом.

Ко мне он относился как к ребенку, поэтому довольно часто разговаривал со мной и смеялся, но другим отвечал лишь кивком головы, боясь вызвать подозрение. На поклоны императрицы и наложницы Цзинь он вообще не реагировал.

Евнух Сунь, который постоянно ему прислуживал, как-то сказал нам, что после разгрома реформаторов Гуансюй впал в уныние и решил больше не заниматься политикой. Вместо этого он целыми днями что-то читал или писал в своем дворце и, говорят, весьма преуспевал в науках».

Юй Дэлин тоже говорит о незаурядном уме, образованности Гуансюя и свидетельствует, что вне официальной обстановки он производил несравненно более приятное впечатление, чем при Цыси. Он был единственным из правителей Китая, кто знал немало английских слов, мог играть на любых музыкальных инструментах, хотя и не учился специально этому, интересовался европейской музыкой и техническими новшествами. К сожалению, Цыси совершенно отстранила его от власти и заставляла присутствовать на аудиенциях лишь для того, тобы все видели, что она не убила императора. Ради реформы «ее величество обычно спрашивала его мнение о разных вещах, но он неизменно отвечал, что он полностью согласен с тем, что сказала или решила ее величество».

Гуансюю, по-видимому, не хотелось больше сталкиваться с Цыси; кроме того, она основательно запугала его, о чем говорит, например, следующая история: «Однажды император отправился пожелать тетке доброго утра. Та как раз в это время завтракала и поинтересовалась, ел ли он. Гуансюй не решился сказать, что он позавтракал раньше Великой императрицы, встал на колени и ответил, что еще нет. Цыси пожаловала ему несколько блюд, а потом спросила, наелся ли он. Гуансюй опять не посмел сказать правду и получил еще несколько блюд. Есть он был уже не в силах, поэтому начал украдкой бросать и выливать пищу в широкий рукав халата. Когда государь вернулся к себе, халат был мокрым и грязным. Император хотел сменить его, но оказалось, что всю его одежду забрала Цыси». Последние слова наводят на мысль, что правительница нарочно издевалась над ним.

Внешне Цыси стала благосклоннее к Гуансюю, ему тоже приходилось скрывать свое реальное отношение к ней. И все-таки оно проявлялось достаточно ясно: и в страхе перед вдовствующей императрицей, и в том, что иногда он решался иронизировать над обожествлением ее персоны. Например, однажды Гуансюй сказал фрейлину: «Ее величество идет!». «Мы опустили на колени,— пишет Юй Дэлин, — но император продолжал стоять во весь рост, хохоча над нами. Он просто разыграл нас, и я еще никогда не видела его таким счастливым, как во время этой шутки».

Тщательно отгороженный от мира, Гуансюй все же продолжал интересоваться делами, в том числе судьбой своих любимых реформаторов. Интересный факт сообщает в этой связи Юй Жунлин:

«У Гуансюя был евнух по фамилии Сунь, которого мы все ради смеха называли Мудрецом Сунем³¹. Однажды, когда рядом никого не было, он пришел ко мне и вынул из кармана часы, на крышке которых был написан иероглиф „кан". Показав на него, Сунь промолвил:

— Десятитысячелетний господин велел спросить, не знаешь ли ты, где сейчас находится человек с этой фамилией?..

Тут я сообразила, что речь идет о Кан Ювэе, главе разгромленных либералов, и чуть не подпрыгнула от страха:

³¹ Мудрец Сунь (Сунь-цзы) — знаменитый древнекитайский стратег.

— Я не знаю, где он находится, в самом деле не знаю, но могу спросить у матери...

— Нет, Пятая барышня, — покачал головой Сунь, — не надо спрашивать! Десятитысячелетний господин скатал, что больше об этом никто не должен знать! С этими словами евнух удалился».

Вряд ли Гуансюй мог снова установить связь с оппозиционерами и попытаться убрать свою тетку, но для Цыси было достаточно даже подозрений. Кроме того, рассказывают, что он много раз пытался бежать из заточения, однако евнухи ловили его и водворяли обратно. Когда осенью 1908 года вдовствующая императрица заболела (она долгое время страдала поносом), кто-то донес ей, что Гуансюй радуется ее болезни. И тогда она твердо заявила: «Раньше его я не умру!» или, по другой версии, «Я не позволю императору умереть позже меня!». Второй вариант еще больше, чем первый, наводит на мысль, что Цыси вновь задумала убить Гуансюя.

В конце того же года, когда отмечался день рождения Цыси, Гуансюй слег (может быть нарочно, чтобы не участвовать в празднестве?) и, почувствовав ухудшение, якобы попросил тетку выбрать ему наследника. Такая просьба представляется маловероятной, если вспомнить весьма натянутые отношения между монархами. Цыси предложила двухлетнего Пу И — своего внучатого дедянина и племянника Гуансюя. Впрочем, последнее наверняка интересовало ее только ради формальности: гораздо важнее то, что мальчик был внуком Жун Лу, фаворита правительницы. Гуансюй спросил: «Не лучше ли сделать императором взрослого человека?», потом будто бы согласился с мнением тетки, а на следующий день умер.

Чем так внезапно и серьезно заболел Гуансюй — непонятно. Многие считают, что он был убит, причем Коллис, опирающийся на записи придворного историка, даже рисует, как это произошло: Цыси якобы убедила Ли Ляньина отравить императора, сказав, что Гуансюй не пощадит его, если останется жив. По другой версии, в смерти Гуансюя был замешан Юань Шикай, мечтавший о троне. Холдейн оспаривает мысль о насильственном конце императора, но фактически не может ей ничего противопоставить. Еще дальше шел Я. Брандт, решительно утверждавший, будто Гуансюй умер сам, и даже считавший, что эта смерть потрясла Цыси. Думаю, что последний вариант — самый невероятный. Возможно, правительница повторила историю с Цыань, когда здоровый человек «почему-то» умер раньше больного.

И во время болезни императора Цыси спокойно продолжала отмечать свой юбилей, как обычно, каталась по озеру на лодке, переодетая богиней милосердия. После смерти Гуансюя она занялась его похоронами, объявила новым императором Пу И, на следующее утро созвала Государственный совет, говорила с царственным младенцем и его родителями, но во время обеда потеряла сознание. Затем очнулась, вновь созвала Государственный совет, чтобы дать ему свои последние наставления, и умерла.

Итак, Цыси пережила Гуансюя всего на один день — словно любящая мать, которая не смогла перенести смерти своего сына. Даже умирая, она умудрилась проявить лицемерие. То ли этим своим обычным качеством (расчетом на очередные похвалы), то ли внезапно пробудившейся совестью можно объяснить, что незадолго до кончины Цыси со слезами сказала своему зятю, князю Чуню: «Вот я и состарилась. Правила несколько десятков лет, а никакой пользы стране не принесла!». Самыми же ее последними словами якобы были такие: «Никогда не позволяйте женщине править страной!».

Накануне своей кончины вдовствующая императрица все же успела посадить на китайский трон двухлетнего ребенка, который горько плакал во время церемонии. Тут история вновь начала повторяться, но закончилась она уже намного позже смерти Цыси, совсем по-другому. Об этом можно прочесть в воспоминаниях Пу И.

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА

Из всех известных нам качеств вдовствующей императрицы на первом месте, пожалуй, нужно поставить жестокость. Она проявлялась не только в убийствах, но и в многочисленных избиениях, для которых у Цыси, оказывается, существовал специальный мешок желтого (императорского) цвета. «Этот мешок путешествовал за государыней, куда бы она ни ездила, и содержал в себе бамбуковые палки всех размеров для битья евнухов и служанок, в том числе старых».

Даже фрейлины правительницы, иногда относившиеся к ней чересчур снисходительно, подчеркивали ее неуравновешенность, связанную с ее обожествлением и безнаказанностью:

«Государыня была очень своенравна. Иногда она разговаривает с нами, смеется, но стоит ей узреть коленопреклоненного евнуха, который просит ее на аудиенцию, как она принимает суровый вид. Во время аудиенции Цыси изо всех сил старалась изобразить из себя божество, которому все должны поклоняться. А когда она сердилась, ее лицо становилось просто страшным. Однажды, пообедав в Зале радости и долголетия, вдовствующая императрица приказала евнуху Сяо Чжоу отнести два блюда Ли Ляньину. В это время шел сильный дождь. Сяо Чжоу пожалел свой халат с драконами и спихнул поручение на другого евнуха, которому полагалось заниматься черной работой. Но Цыси заметила рее это в зеркале. Вскоре Сяо Чжоу вернулся к ней, Встал на колени и произнес:

— Раб Ли Ляньин благодарит Великую императрицу за милость.

— Ты сам отнес ему еду? — прищурилась Цыси.

— Да, — ответил Сяо Чжоу. Цыси изменилась в лице.

— На улице такой дождь, а ты даже не промок? — раздельно спросила она.

Сяо Чжоу понял, что попался. Государыня велела ть ему десять палок и выгнать в самое мокрое место».

Цыси говорила: «Кто мне хоть раз испортит настроение, тому я его испорчу на всю жизнь». И она действительно следовала этому мстительному принципу, не останавливаясь ни перед чем. Даже у князя правительница могла, например, отобрать ребенка и подарить его другому князю. Многих она таким способом довела до сумасшествия или смерти, причем главным источником информации о «виновных» для нее был донос. Об одном из подобных случаев пишет Юй Жунлин:

«Как всегда, приехали разные гости, в том числе княгиня Цзэ, жена князя Цзай Цзэ. Евнухи рассказывали мне, что этот князь имел несчастье взять себе наложницу, к которой его жена начала ревновать. Она ринулась во дворец и стала жаловаться Цыси, будто князь не уважает вдовствующую императрицу, будто однажды он не поклонился подарку, который прислала князю Старая будда. Цыси пришла в ярость и изгнала Цзай Цзэ из его дома, поручив княгине быть полноправной хозяйкой. Евнухи-острословы прозвали эту княгиню „вдовой живого мужа“. Домой князь вернулся лишь через много лет и долго не получал никакой высокой должности. Только после смерти Цыси он стал министром финансов».

Жестокость вдовствующей императрицы в сочетании с неограниченной властью рождали у всех панический страх, о котором ярче других рассказывает Пу И. Скажем, «Цыси пожаловала И Хуаню (князю Чуню, отцу Гуансюя.— В. С.) и его жене право ездить в паланкине абрикосового цвета, однако они ни разу не осмелились сесть в него», потому что государыня могла счесть это дерзостью. «В пятнадцатый год правления Гуансюя инспектор по речным делам У Дачэн подал прошение о пожаловании родному отцу императора высокого почетного титула. Увидев прошение, Цыси разгневалась, а У Дачэн со страху поспешил сослаться на смерть матери и вернулся домой, где прожил три года, не смея нигде появиться». В этих и других случаях трагическое начало как бы сливается с комическим, и это закономерно, потому что деспот почти всегда не только страшен, но и смешон. Такие трагикомические ситуации встречаются даже в мемуарах Юй Дэлин, не говоря об остальных произведениях. Например, в пьесе У Тайсюя и Чжоу

Тяньбэя «героиня» по доносу молодой императрицы, своей племянницы, допрашивает служанку Гуансюя:

«Цыси. Кто в эти дни приходил к его величеству?

Служанка. Никто не приходил.

Цыси. Лжешь, мерзавка!

Служанка. Да, да, приходил.

Цыси. Кто же?

Служанка. Ее величество».

Таким образом, Цыси вырвала из бедной женщины донос на... доносчицу. Служанка, наверное, и рада была бы сказать все, что от нее требуется, но ведь желания самодура угадать трудно.

Гнетущая атмосфера при маньчжурском дворе сказывалась и в том, что даже император должен был стоять перед вдовствующей императрицей на коленях, и в том, что каждое утро для укрепления своего драгоценного здоровья Цыси выпивала чашку женского молока, в том, что аудиенции для сановников устраивались в овершено невообразимое время, начиная с четырех часов утра, ибо государыню мучила бессонница.

В целом же Цыси, на горе своих подданных, обладала железным здоровьем. Юй Дэлин, например, всего рдин раз видела ее слегка больной и с грустью рассказывала, как вдовствующая императрица заставляла своих многочисленных сопровождающих гулять под дождем без зонтиков. О том же, но с прямым возмущением писал Сюй Сяотянь, а Юй Жунлин показывает, как государыня морозила приближенных в холодном, словно погреб, зимнем дворце:

«Когда Цыси находилась в городе, она жила во Дворце воспитания помыслов, а аудиенции устраивала в Палате западного тепла Дворца небесной чистоты.

На самом деле в этой „палате тепла" было ужасно холодно, и я предпочитала никогда не сопровождать Цыси на аудиенции. В зимнем дворце существовали каны, но старуха не разрешала их топить. Все пользовались только жаровнями, а Цыси избегала и этого, удовлетворяясь теплой одеждой. Зимой она носила шелковый халат на вате или на меху, набрасывая сверху меховую накидку с длинным ворсом.

Во Дворце воспитания помыслов всегда стояли два медных котла, в которые вставляли раскаленные докрасна жаровни. Однако двери не закрывались, вместо них были повешены ватные занавески, и с каждым входящим или выходящим во дворец врвался поток морозного воздуха».

При всем своем «стоицизме» Цыси была далека от объективного, истинно равного отношения к людям. Например, в 1902 году, когда в Китае была создана европеизированная полиция, ее главой стал любимец вдовствующей императрицы Сюй Шичан, но вскоре один из его полицейских имел несчастье арестовать слуг Гуйсяна, брата Цыси, большого дебошира. Бедному Сюю пришлось класть перед Гуйсяном земные поклоны, а потом государыня еще и сместила его. Дочь Гуйсяна она выдала замуж за императора, своему старшему брату Чжаосяну вручила титул князя третьей степени, не обделила и некоторых других родственников. Однако даже собственных родных она по-настоящему не любила. Если Хасси, например, пытается рисовать безупречным ее отношение к отцу и матери, то Сюй Сяотянь почти с самого начала выявляет эгоизм Орхидеи, словно подготавливая дальнейшее развитие ее характера, и психологически это выглядит правдоподобнее.

Те же авторы показывают, что Цыси была настолько занята своими интригами, что за долгие годы жизни во дворце отлучалась из него лишь один раз — в январе 1857 года, когда ездила к матери. Больше она домой не навещалась. Правда, родственники бывали у нее, но очень редко, причем гости мужского пола не должны были быть старше семи лет, так как мальчики постарше уже считались опасными для двора. Юй Жунлин удачно резюмирует позицию Цыси с помощью ее собственных слов:

«Своим ближайшим родственникам вдовствующая императрица не любила давать реальную власть и во дворец приглашала их только по праздникам. Однажды она сказала моей матери:

— Достаточно того, что мои родичи сыты и одеты. Если я буду делать их членами Государственного совета, губернаторами или генерал-губернаторами, они могут погубить меня!».

К своим одноплеменникам — маньчжурам — Цыси тоже была довольно равнодушна, предпочитая считать себя «матерью всей страны». По-настоящему хорошо правительница относилась лишь к фаворитам (пока не казнила их) и своему попугаю. «Еще она любила очень неприятную собаку по кличке Цзян (Имбирь), бог знает откуда взявшуюся и прекрасно чувствующую, кто не нравится ее хозяйке... Эта собака вошла в историю тем, что кусала некоторых людей, знаменитых в Китае того времени».

Всю страну, во всяком случае весь императорский двор, Цыси охватила мелочным контролем, о котором немало интересного сообщает Юй Дэлин. Например, фрейлины могли попадать в свои покои, только пройдя мимо веранды вдовствующей императрицы: «Это было сделано по личному приказу ее величества, чтобы она знала о нас все и видела, когда мы входим и выходим».

Однажды Юй Дэлин очень захотела навестить своего больного отца, но не посмела просить разрешения у государыни. Даже когда Цыси сама догадалась об этом желании и согласилась удовлетворить его, фрейлины посоветовали Юй Дэлин еще раз уточнить время ухода, а вернуться на час раньше, чтобы старуха чувствовала, что без нее буквально жить не могут. В другом подобном случае, когда Юй Дэлин и ее мать отлучились из дворца на каких-то два дня, Цыси демонстративно послала им подарки, а потом испытующе спросила: «Вы рады своему возвращению? Я знаю, что человек, побывавший со мной, уже никогда не захочет покинуть меня».

Не менее яркий факт приводит Юй Жунлин, рассказывая о «дерзких» попытках жены Гуансюя чуть-чуть выйти из под контроля Цыси.

«От своей младшей сестры, жены князя Послушного, императрица как-то узнала, что отец тоскует по ней, что дома нет даже ее портрета. Она очень захотела сфотографироваться, но не смела просить об этом Цыси. Когда она посоветовалась со мной, я сказала, что у меня есть небольшой фотоаппарат, однако снимаю я плохо. Она ответила, что это пустяки. Я сфотографировала ее, и она наконец послала домой свое изображение».

Во время съемки мне помогала Маленькая Чжу, служанка императрицы. Внезапно эту служанку встретил старший евнух и спросил:

— Почему ты не испросила указаний Старой будды, когда фотографировала вместе с барышней Юй?

Маленькая Чжу испугалась и побежала к императрице. Той пришлось оправдываться перед старшим евнухом и говорить, что служанка тут не виновата, что она, императрица, сама просила себя сфотографировать, что это не фотоаппарат, а игрушка, и вообще неизвестно, выйдет ли что-нибудь из этой съемки. Только тогда евнух замолчал».

Накануне дня рождения молодой императрицы Цыси проверяла все подарки, заготовленные князьями или фрейлинами, и не дай бог, если эти вещи были лучше тех, которые дарились вдовствующей императрице. Иногда Цыси просто брала полюбившуюся ей вещь либо заменяла ее другой. Обладая невероятной памятью, она знала наперечет все подарки, которые ей когда-либо преподносились, имена всех преподносивших и, разумеется, делала из этого свои выводы.

Но вдовствующей императрице служили не только ее собственная память или наблюдательность. «С помощью трех евнухов — Ань Дэхая, Ли Ляньина и старого Ван Чаньюя — она создала, пожалуй, лучшую из шпионских систем, когда-либо существовавшую при дворе», — пишет Хасси, и ему как бы вторят другие авторы, пока-

зывая, что даже императрица была для Цыси шпионкой, которая следила за императором. Эта система слежки действовала и в мелочах. Едва госпожа Конджер, жена американского посланника, принесла своей соотечественнице Карл какой-то сверток, Цыси увидела это и тайно пожелала узнать, что в нем. Одна из фрейлин с помощью многочисленных ухищрений выяснила, что в этом свертке всего лишь один номер американского журнала, но, когда она донесла об этом Цыси, оказалось, что вдовствующая императрица уже все знает от евнухов.

Самомнение Цыси не имело границ. В некоторых литературных произведениях показывается, что она сравнивала себя с буддой, и это отнюдь не преувеличение, так как и в жизни услужливые люди называли ее Старой или Почтенной буддой. «Она очень любила комплименты», — простодушно замечает Юй Дэлин, рассказывая, с каким удовольствием Цыси воспринимала льстивые разговоры о ее красоте или человеческом обаянии. Узнав, что английская королева Виктория царствовала с восемнадцати до восьмидесяти двух лет, то есть шестьдесят четыре года, вдовствующая императрица решила не уступать ей и добавить к пятидесяти годам своего правления еще десять-двадцать лет. Впрочем, даже королева Англии оказалась для нее недостаточно хороша. «Я часто думаю, что я самая умная из женщин, которые когда-либо жили на свете, — без ложной скромности заявляла Цыси. — Хотя я много слышала о королеве Виктории и даже читала ее биографию, переведенную кем-то на китайский язык, я считаю, что ее жизнь и наполовину не так интересна и значительна, как моя». Но дальше выясняется, что под значительностью она имела в виду абсолютную власть; это очень характерно для Цыси.

Известно, что жестокостью или самоуверенностью тираны часто прикрывают свой страх перед возмездием, и Цыси отнюдь не исключение из этого правила. Она все время боялась покушений, поэтому к ее постели, как рассказывает Сюй Сяотянь, была проведена слуховая труба, позволявшая слышать любой звук более чем за сто шагов. Помогал и многоступенчатый контроль: «Каждый вечер две молодые служанки массировали ей ноги. За молодыми служанками наблюдали две старые, за старыми — два евнуха, а за всей этой шестеркой — две фрейлины, чтобы никто не причинил ее величеству ни малейшей неприятности». Но главным средством защиты от покушений, заговоров и переворотов была, конечно, вооруженная охрана, которой в течение большей части жизни Цыси командовал ее клевет Жун Лу.

Было у вдовствующей императрицы и еще одно мощное средство — хитрость. В пьесе Коллиса Цыси, едва оказавшись во дворце, прямо высказывает свои мечты: стать государыней, а потом и матерью будущего императора. Драматург сделал так в обличительных целях, чтобы показать честолюбие наложницы, но явно переборщил, нарисовав что-то вроде «гордой полячки» и недооценив скрытность Цыси. На самом деле она вела себя гораздо коварнее. Например, «чтобы обезопасить маньчжурский двор от каких-либо посягательств со стороны китайских царедворцев и генералов, Цыси натравливала друг на друга высших китайских сановников, разжигала традиционную неприязнь и антагонизм между мелкопоместными помещиками Восточного и Южного Китая и крупными феодалами и бюрократами Центра и Севера страны». Жестоко подавив либеральное движение, она через два месяца, 31 декабря 1898 года, вдруг «лично открыла Пекинский университет», а в 1901 году, еще находясь в бегах после неудачного нападения на иностранцев, стала ратовать за реформы. В 1905 году она даже объявила о подготовке конституции и действительно обманула многих: ее злейшие враги Кан Ювэй и Лян Цичао, доверчиво распустив Союз защиты императора (то есть отстраненной вдовствующей императрицей Гуансюя), создали безобидное Общество политических новостей и начали славить «добродетельное правление» Цыси.

Впрочем, и европейцы не раз попадались на ее удочку. Еще в 1889 году, когда Цыси формально передала власть Гуансюю, «было объявлено, что саму роль руководительницы юного императора она взяла на себя только временно, без всякого помышления о том, чтобы обратить ее в постоянную. Мало того, по просьбе императрицы

был тут же уволен в отставку цензор, подавший проект такого фактического продолжения регентства». Заметим, с каким восторгом пишет об этом немецкий автор! К счастью, нам известен результат лицемерного трюка Цыси: заточение Гуансюя на остров Интай, а возможно — и последующее отравление монарха.

Из воспоминаний фрейлин мы узнаем, что вдовствующая императрица придумала специальный «придворный язык», который иногда использовала во время дипломатических приемов и который не понимали даже опытные иностранные переводчики. Самовластная правительница, окруженная толпой фаворитов, она тем не менее очень любила жаловаться на то, как она одинока и несчастна, как она ничего не может решать и зависит от своих министров. При всем безграничном самомнении Цыси умела быть осторожной: даже когда она могла открыто узурпировать власть, все указы и эдикты издавались от имени императора. Характерно также, что подавляющее большинство своих злодеяний она совершала без свидетелей и, по-видимому, никого не убила собственными руками.

Одно из высших проявлений ловкости Цыси — симпатия, которую она внушила художнице Кэтрин Карл. Старуха сразу увидела наивность своей гостьи и сказала Юй Дэлин: «Мы можем обращаться с ней как с пленницей, хотя она и не будет знать этого — ведь говорить с другими она сможет только через тебя, твою мать и сестру». Более того, Цыси велела всем почти не общаться с Карл, даже через переводчиц, и ни в коем случае не обучать ее китайскому языку: «Чем меньше она будет знать, тем лучше для нас».

Особенно беспокоило вдовствующую императрицу, чтобы Карл не встречалась с Гуансюем, который немного говорил по-английски и мог сказать ей что-нибудь нелестное о китайских порядках. Цыси захотела приукрасить эти порядки. Например, в ее присутствии маньчжуры и китайцы могли есть только стоя, но она поняла, что при иностранцах этого делать нельзя — иначе ее сочтут дикаркой. В результате во время обедов с Карл она приказала усаживать всех, как будто так делалось постоянно. Кроме того, ей очень не хотелось, чтобы иностранка увидела, как она наказывает евнухов, поэтому художницу было велено уводить всякий раз, кога Цыси находится в дурном настроении. Представить себе другой выход — удержаться от вивисекций — она не могла.

Уловки государыни оказались весьма эффективными и привели к появлению в книге К. Карл даже таких воспоминаний о Цыси: «Во время одной из наших прогулок по парку я видела любопытный пример ее удивительного индивидуального магнетизма и ее власти над животными. Одна из птичек вылетела из своей клетки, и несколько евнухов старались ее поймать... Тогда императрица сказала: „Я позову ее“. Я подумала, что это пустое хвастовство, и в душе своей пожалела императрицу. Она так привыкла видеть, как весь мир преклоняется перед нею, что вообразила себя способной заставить птицу покориться ее требованиям... [Между тем Цыси] подняла жезл вверх и издала губами тихий, похожий на птичий звук, не спуская глаз с птицы... Напоминающие флейту звуки оказались для птицы магнитом. Она вспорхнула и, спускаясь с ветки на ветку, села на крюк жезла; тогда императрица потихоньку приблизила к нему другую руку и птичка села ей на палец».

В действительности же «магическое влияние» Цыси на бессловесных тварей, которое так поразило К. Карл, да и Юй Дэлин, совсем не было магическим. Одна фрейлина объяснила Юй Дэлин, что евнухи специально подолгу дрессируют этих птиц, чтобы они повиновались вдовствующей императрице.

НАСТОЯЩИЕ И ФАЛЬШИВЫЕ ЕВНУХИ

Хранители гарема вплоть до нашего века — это, конечно, специфический аксессуар восточной жизни. Симптоматично, что во время маньчжурской династии все евнухи были китайцами: ни одного маньчжура не оскопляли, чтобы не нанести урон

господствующему клану, но для китайцев это был самый надежный способ получить службу при дворе и урвать хотя бы частицу власти. Вот как их описывает Юй Жунлин:

«Евнухи большей частью выходили из бедных семей и попадали во дворец не от хорошей жизни. Мальчиков на эту роль по традиции выбирали в основном из области Хэцзянь провинции Хэбэй. Во дворце их делали учениками старых евнухов и платили им небольшое жалованье. Заслуженные евнухи часто имели собственные дома (иногда весьма богатые), слуг, лошадей, экипажи. Порою они усыновляли детей, но обязательно из своего рода.

Простолюдины называли евнухов „почтенными господами" (лао гун), однако евнухи не любили этого обращения, потому что оно созвучно пекинскому слову „ворона" (лаогуа), и требовали именовать себя „покинувшими дом"...

Евнухи были повсюду. Даже во время чтения Цыси или ее разговоров с фрейлинами двое служак, демонстрируя свое усердие, драили пол. Квадратные плиты, из которых он состоял, назывались „столичными плитами" и должны были постоянно блестеть³². Два других евнуха ходили с мухобойками, поэтому во дворце даже летом очень редко можно было увидеть муху.

Когда Цыси гуляла по двору, ее непременно поддерживали под руки. Стоило ей захотеть курить, как евнух становился перед ней на колени и подавал набитую табаком трубку или кальян. Однажды вдовствующая императрица разговаривала с моей матерью; евнух, дававший старухе прикуривать, заслушался и уронил горящую бумажку прямо к ней на подол. Еще немного, и шелковая одежда Цыси вспыхнула бы, но я подскочила и придавила бумажку рукой. Можно считать, что этому евнуху повезло, потому что вдовствующая императрица только выругала его.

Подавая Цыси чай, евнухи должны были принимать определенную позу: двумя руками поднять чашку на уровень своей правой брови, медленно подойти к государыне, встать на колени и только тогда подать чашку.

Во время одного из обедов Цыси ела голубя, фаршированного овощами. Блюдо ей понравилось, и она велела евнуху Чжан Дэ, который прислуживал за этой трапезой, приготовить еще. Чжан стал торопливо фаршировать нового голубя, а мне вдруг вздумалось подшутить.

— Мыл ли ты руки? — тихонько спросила я, но Цыси услышала, засмеялась и потребовала, чтобы евнух ответил на вопрос. Чжан Дэ побагровел от страха.

— Да, раб мыл руки, — произнес он наконец, встав на колени.

После обеда, когда мы с матерью, императрицей и княжнами болтали на галерее, Чжан Дэ подошел ко мне и попросил:

— Пожалуйста, не шутите так больше, а то я чуть не умер!».

Наиболее ловкие евнухи не раз в истории Китая становились временщиками, поэтому маньчжурские императоры до середины XIX века не позволяли им играть большую роль в политической жизни. Евнухам было запрещено заниматься государственными делами и получать чиновничьи ранги выше четвертого, однако Ли Ляньина, которого порой не без основания сравнивают с Макиавелли, вдовствующая императрица произвела во второй ранг. Когда Юй Жунлин впервые увидела знаменитого евнуха, он «оказался невысоким, сморщенным, с маленькими глазками — словом, вылитой обезьяной. Несмотря на это, он был любимым придворным вдовствующей императрицы. Я уже говорила, что евнухам разрешалось носить на шапках только синие шарики и синие перья, но Ли Ляньин получил красный шарик и разноцветное перо. Князья и сановники были очень недовольны, пытались удержать Цыси от этого неслыханного шага, однако услышали раздраженный ответ: «Неужели я не могу быть хозяйкой даже в такой малости?!» Все сразу прикусили языки».

³² В зале, предназначенном для аудиенций, эти плиты были сделаны из чистого золота, как сказала Цыси одной своей фрейлине, но покрыты черным лаком.

Совершенно очевидно, что евнухи во времена Цыси возродили свое влияние лишь благодаря своим услугам вдовствующей императрице, которая не всегда решалась открыто приближать к себе полноценных мужчин. При ней число придворных скопцов превысило три тысячи; кроме того, Цыси значительно увеличила штат служанок — до десяти тысяч, так как она любила, чтобы вокруг нее всегда было множество людей.

Особыми привилегиями, естественно, пользовались главные евнухи, или главноуправляющие. В пьесе Чжоу Тяньбэя изображено, например, как Ань Дэхай понравилось нефритовое кольцо князя Гуна. Сначала он нахально выпрашивает его у хозяина, но получает отпор. Тогда Ань Дэхай действует через Цыси, и князь не смеет отказать ей.

Именно Ань Дэхай первым из главных евнухов присвоил себе титул «Девятитысячелетний господин», который затем перешел к Ли Ляньину и был всего на одну ступеньку ниже императорского («Десятитысячелетний господин»). По существу же, Ли Ляньин обладал большей властью, чем император, и иногда хвастался этим. Цыси разрешала Ли Ляньину не только сидеть в ее присутствии, но даже сидеть на троне. Его личные богатства оценивались английскими банкирами в два миллиона фунтов стерлингов, а политическое влияние просто невозможно оценить. Подобно тому как Ань Дэхай участвовал в свержении Су Шуня и других регентов, Ли Ляньин сыграл не последнюю роль в перевороте 1898 года, так как Гуансюй фактически выступал его соперником и за несколько лет до этого осмелился побить главного евнуха.

Под стать своей госпоже Ли Ляньин был очень хитер и часто притворялся бессильным — или из любви к искусству, или чтобы отвязаться от просителя, или чтобы получить с него взятку. «Если кто-нибудь из нас провинится, он всегда идет к Ли Ляньину и просит о помощи, но тот отвечает, будто не способен влиять на ее величество. А в действительности его боится даже императрица», — говорили фрейлины.

Ли Ляньин разработал целую систему легальных и нелегальных взяток, которыми он делился с Цыси. Ее доверенные евнухи широко торговали должностями, званиями, наградами, что весьма подробно изображено в романе Цзэн Пу. Например, наложница Бао так характеризует маньчжурский двор:

«Самое противное существо — это главный евнух Лянь. Пользуясь покровительством вдовствующей императрицы, он творит все, что ему угодно! Храм Белых облаков превратился в аппарат, через который он получает взятки, а настоятель Гао стал его первым наперсником в дурных делах. Все приезжие чиновники летят к Ляню, словно утки! За последнее время он приобрел еще большую славу, сделав свою младшую сестру фрейлиной. Старуха очень благоволит к ней и даже называет Большой барышней. Сейчас только двоим разрешено обедать вместе с вдовствующей императрицей: художнице Мяо Соцзюнь и ей».

А вот аналогичная речь одного прогрессивно настроенного сановника:

«Оказывается, Гэн И³³ введен в Государственный совет по приказу вдовствующей императрицы. Явившись в Пекин на празднование шестидесятилетия Цыси, Гэн И передал главному евнуху Ляню тридцать тысяч новеньких серебряных юаней³⁴, которые он выманил у своего подчиненного — управляющего монетным двором. Он заявил, что приготовил эти деньги специально для того, чтобы императрица в день своего рождения могла одарить придворных. Императрица прельстилась тонким узором новеньких монет и приняла подарок. Отсюда и назначение. Не знаю, кто рассказал об этом государю, но он заспорил со вдовствующей императрицей, заявив, что Гэн И низкий, корыстолюбивый человек, которого нельзя держать на службе. Императрица продолжала настаивать на своем. Тогда государь заплакал и сказал: „Тетушка, вы хотите сделать меня правителем страны, идущей к гибели!“ Императрица пришла в страшную ярость и дала государю

³³ Прототипом Гэн И является реакционер Ган Ни.

³⁴ Юань — денежная единица, введенная в Китае на рубеже XIX—XX веков по образцу серебряных мексиканских долларов.

две пощечины, даже зубы выбила. Государь заболел и после этого долго не появлялся в тронном зале. А тут, как на грех, подвернулся генерал Юн Лу³⁵, старый клевет императрицы который тоже приехал в Пекин для празднования ее шестидесятилетия. Императрица поделилась с ним мыслью о низложении государя. „Боюсь только, что пограничные наместники не подчинятся“, — сказал Юн Лу. Все это было буквально на днях. Отсюда явствует, что идея переворота давно уже зрела у императрицы, она лишь не решалась ее открыто высказывать!».

В этом отрывке недаром упоминаются подарки, которые всегда были одной из значительных статей дохода вдовствующей императрицы. Например, перед праздниками на Цыси «начинали сыпаться подношения от князей, сановников, губернаторов или генерал-губернаторов: расшитые ткани, каллиграфические надписи, картины, антикварные и заграничные ценности. Больше всего государыня любила часы, люстры и прочие иностранные вещи», причем подарки поступали к ней не только по праздникам: «Если Цыси вскользь замечала, что ей нравится какая-нибудь вещица, например красивая безрукавка или украшение к туфлям, не проходило и трех дней, как перед ней появлялось и то и другое». А в дни ее рождения, вспоминает Юй Дэлин, «подношений было так много, что они занимали несколько залов, и все же мы не имели права убрать их куда-нибудь, пока ее величество не приказывала сделать это». Однажды ей преподнесли в дар «четыре мешка с тысячами жемчужин. Безупречные по форме и цвету, они стоили баснословно дорого, но у ее величества было столько драгоценностей, особенно жемчуга, что она едва взглянула на подарок и лишь назвала его приятным».

Когда Цыси впервые появилась во дворце, ей платили в год около ста пятидесяти лянгов, т. е. примерно четыреста американских долларов. А накануне смерти ее ежегодные доходы составляли уже почти десять миллионов долларов — по крайней мере вдвое больше, чем у любого китайского императора. Особенно возросли корыстолюбие и взяточничество Цыси после ее бегства из Пекина в 1900 году, когда она лишилась части своих богатств. Стараясь возместить их, она грабила и народ и чиновников совершенно беззастенчиво: один только начальник шанхайской области присылал ей каждый год сто тысяч лянгов «на пудру и румяна». Ежедневные расходы двора составляли тогда сорок тысяч лянгов.

Вдовствующая императрица не успевала пользоваться всеми своими несметными сокровищами, однако вела им строгий счет:

«Одежда, ткани для одежды, обувь и драгоценности Цыси — все было тщательно расписано в специальной книге, где особый раздел отводился вещам, предназначенным для подарков. Этими подарками ведали главноуправляющий, его помощник и четыре старших евнуха, которые получали ценности из сокровищницы и передавали их Управлению двора, записывая в книге: „Такого-то" числа даровано такому-то».

У старухи было множество драгоценностей, но чаще всего она носила лишь несколько: кольца из зеленого и голубого нефрита, жемчужную диадему в виде цветов и накидку, унизанную жемчугом.

Летом Цыси нередко втыкала в волосы большие ципильки из сандалового дерева, увитые золотыми нитями и инкрустированные жемчугом. Их преподнес вдовствующей императрице в день ее шестидесятилетия известный сановник Чжан Чжидун. Еще она носила крохотные жемчужные серьги, никогда их не снимая. Евнухи рассказывали, что эти сережки подарил ей сам император Сяньфэн, когда она впервые вошла во дворец. Сережек было четыре, поэтому Цыси пришлось проколоть в каждом ухе по две дырочки.

Из своих многочисленных одежд вдовствующая императрица также обычно носила лишь несколько. Например, зимой она надевала зеленовато-желтый халат на меху, а во время аудиенций заменяла его шелковым или парчовым халатом, далеко не всегда новым. Туфли ей большей частью преподносили княгини и фрейлины. По праздникам она

³⁵ Написан с Жун Лу.

каждый раз надевала одну и ту же пару, густо усыпанную жемчугом, как драгоценные колосья, на очень толстой подошве».

Более подробно говорить о драгоценностях Цыси было бы слишком долго, да и вряд ли нужно, так как это уже сделано в нескольких источниках на русском языке. Отмечу лишь интересный прием, который использовал в данном случае Цай Дунфань, словно объединив художественную и мемуарную литературу: в его описании Цыси показывает Юй Дэлин свою богатейшую сокровищницу и еще говорит, что многое она потеряла во время восстания ихэтуаней. Впрочем, и в этот трудный для Китая период вдовствующая императрица не желала решительно ничем жертвовать. Говорят, что в 1900 году она даже приказала своей артиллерии приостановить обстрел посольского квартала, потому что грохот пушек мешал ей совершать лодочную прогулку. Бежав в Сиань, Цыси продолжает гурманствовать: «Каждое утро евнух подает императрице меню из ста блюд, состоящих главным образом из рыбы, уток и молодых кур, приготовленных разными способами». И только Кэтрин Карл с ее удивительной наивностью могла видеть в этом безоглядном эпикурействе сплошные достоинства.

Если предшественники Цыси старались блюсти строгие конфуцианские традиции и в придворных театральных постановках обходились артистами-евнухами, то вдовствующая императрица впервые ввела во дворец актеров извне и сделала это не только для спектаклей. Но сначала посмотрим, как выглядели спектакли, которыми наслаждалась Цыси:

«Согласно обычаю, первого и пятнадцатого числа каждого месяца во дворце устраивались театральные представления. Во время праздников Начала лета, Середины осени и Седьмого вечера спектакли длились целых три дня, а на Новый год — с самого сочельника до шестнадцатого января. День рождения Цыси назывался „десятитысячелетним долголетием“. Актеры играли три дня до него и четыре после, да и в дни рождения императора или императрицы тоже, конечно, не бездельничали.

Перед каждым спектаклем исполнители главных ролей в костюмах, но еще без париков, совершали на открытой сцене по три земных поклона в сторону Дворца радости. Во время этой церемонии сановники Управления двора тоже поднимались на сцену и стояли рядом с актерами.

Официально двору принадлежала лишь труппа южной, куньпаньской драмы, отличавшейся от столичного театра. Как и в пекинской музыкальной драме, в ней играли мужчины, но певшие еще более высокими голосами. Никто при дворе не любил таких голосов, однако куньшаньская драма была завещана предками, поэтому ее не решались ни упразднить, ни изменить. Она существовала для проформы, а главное место в спектаклях занимала столичная драма, исполнителей которой привозили из города. Чаще всего во дворце того времени появлялись известные актеры Тань Синьпэй, Чэнь Дэлинь (зрители почему-то прозвали его Камнем), Ян Сяолоу, Ван Яоцин и другие.

Евнухи тоже учились театральному искусству, и, когда обнаруживали способности, к ним приглашали наставников. Выучившись, евнухи получали право играть на дворцовой сцене; их спектакли назывались „собственными“.

Один из евнухов, Чэнь Дэ, учился у Тань Синьпэя и высокие ноты брал не хуже его. Другой евнух, Чэнь Фу, исполняя роли служанок, мастерски пел хриплым голосом. Третий, Сяо Фу, отлично играл в пьесе „На лошади“, где молодым героем выступал Чжан Дэ, который впоследствии стал главноуправляющим императрицы. Пятый, Сяо Яо, специализировался на пьесах о князе Гуане³⁶ и особенно хорошо играл в драме „С одним мечом“. Когда исполнялись пьесы об этом герое, их участники должны были целый день поститься, а перед самым спектаклем совершить три земных поклона изображению божественного князя Гуаня.

³⁶ Князь Гуань — китайский военачальник III века Гуань Юй, славившийся своим благородством и позднее канонизированный.

Однажды Сяо Яо и Чжан Дэ репетировали сцену битвы и, чтобы не ранить друг друга, приговаривали с каждым ударом: „Теперь я“, „Теперь ты“. Во время спектакля они забыли, что находятся не на репетиции, продолжали свои прибаутки. Цыси, смотревшая представление из Дворца радости, удивилась и остановила спектакль, желая понять, что они говорят. Тут только актеры опомнились.

Открытая сцена, называвшаяся Садам добродетели и согласия, имела три яруса. В день рождения Цыси на всех ярусах играли одну и ту же южную драму с благоприятным смыслом. Исполняться эти пьесы должны были абсолютно синхронно.

За два дня до каждого представления на желтой бумаге писали программу спектакля, где указывали имена актеров и время их выхода на сцену. Эта программа обязательно давалась на утверждение Цыси.

Как-то раз знаменитый Тань Синьпэй опоздал во дворец и не смог соблюсти срока, указанного в программе. Цыси тут же наказала его, заставив сыграть Благочестивого бора³⁷.

В отличие от большинства обитателей дворца Цыси все-таки любила куньшаньскую драму, причем не только любила, но и изучала. Наблюдая спектакль, она посматривала в партитуру пьесы, отбивала ладонью такт и чувствовала малейшую ошибку.

На ежемесячные представления князя и сановники допускались редко — они приходили главным образом в праздники, по специальному извещению. Счастливицы назывались „удостоенными смотреть пьесу“. Все они собирались справа от ступеней Дворца радости и ждали паланкина Цыси. Гуансюй, императрица и фрейлины входили в этот дворец через задние двери и тоже ждали. Когда Цыси прибывала, князя и сановники троекратно кланялись ей и благодарили за приглашение. Затем они распределялись по огибающей сцену галерее, где лежали красные шелковые подушки, но садились лишь после того, как усядется вдовствующая императрица. Цыси обычно сидела на кане у окна и смотрела спектакль через стекло».

Любовь государыни к пышным зрелищам тоже очень дорого стоила стране, но иногда оборачивалась и против самой Цыси. Например, в момент неожиданного доноса на Ань Дэхая она смотрела какую-то пьесу и ее «не посмели тревожить». Так она лишилась одного из своих главных фаворитов.

Развлекалась государыня и другими способами. Скажем, многие авторы утверждают, будто вдовствующая императрица не любила наркотиков, но Хасси свидетельствует, что еще когда Цыси веселилась с Сяньфэном, они выкуривали по трубке опиума, ибо он убивает чувство времени; наслаждение, которое длится всего несколько минут, под влиянием опиума кажется длящимся часами. К старости императрица курила опиум уже трижды в день, и это подтверждается романом Сюй Сяотяня, где евнухи приглашают государыню вкушать «крем счастья и долголетия». Оказывается, Цыси с ее постоянным лицемерием назвала так свой излюбленный наркотик! Романист считает, что она и умерла от того, что ее организм был переполнен опиумом.

Оставшись после Сяньфэна двадцатилетней вдовой, Цыси отнюдь не хранила ему верности в течение последующих десятилетий, что было бы достаточно естественно, если бы она, подобно многим правителям, не любила изображать себя аскетом, свято хранящим моральные устои и пекущимся только о благе народа. Список фаворитов вдовствующей императрицы почти так же обширен, как и перечень ее жертв, но менее определен. Единственная общепризнанная фигура здесь — Жун Лу, который был родственником Цыси и благодаря этому мог общаться с ней сравнительно свободно. По некоторым данным, они даже были обручены до того, как девушку взяли во дворец. П. Бак разворачивает из этой версии грустную и весьма поэтическую историю: едва познанная Сяньфэном и недовольная им, Цыси отдается бывшему жениху, а затем

³⁷ Благочестивый боров (Чжу Бацзе) — герой многих китайских пьес, сказаний и классического романа XVI века «Путешествие на Запад». Комическая фигура, обычно изображавшаяся со свиным рылом.

проносит свое рискованное чувство через всю жизнь. Явно под влиянием романистки и Холдейн верит, что Жун Лу мог быть единственным любовником Цыси.

Но действительность не подтверждает этой возвышенной версии, абсолютно не подходящей к циничным характерам обоих партнеров. Даже Холдейн вспоминает о том, что в 1878 году Цыси застала Жун Лу с одной из своих фрейлин и на долгие годы выслала его из столицы, а Хасси иронически говорит в связи с этим о вдовствующей императрице: «Единственное свидетельство ее приверженности к твердым моральным устоям проявилось тогда, когда она обнаружила своего фаворита Жун Лу в постели одной молодой придворной дамы. Цыси приняла крутые меры, однако многие китайские авторы считают, что это было вызвано не высокой моралью, а элементарной ревностью».

Еще до этого события императрица завела себе другого любовника — юношу, который провалился на государственных экзаменах и скрывался под именем Яо Баошэна. Кормился он тем, что пел и рассказывал разные истории в харчевнях. Ли Ляньин, заботясь о своей госпоже, научил его врачеванию и сделал личным медиком Цыси. Вскоре она забеременела, а потом и родила, но Яо Баошэна и ребенка ей пришлось выслатить из дворца. «Самое любопытное, — замечает Хасси, — что Яо не был убит. Возможно, императрица в самом деле любила его».

Удивление Хасси вполне закономерно: еще на рубеже веков многие люди, которых интересовала Цыси, «передавали о красавцах юношах, периодически появлявшихся во дворце, принимавших участие в пиршествах вдовы-императрицы и затем будто бы умиравших скоропостижно в стенах дворца».

Эти юноши доставлялись во дворец подземными ходами под видом евнухов, да и постоянные евнухи не все были кастратами. Те методы оскопления, которые применялись в Китае, не всегда подавляли эротическую потребность, причем часто она проявлялась в извращенных формах. По словам одного китайца, сказанным в начале XX века, «сейчас каждый евнух имеет любовницу из дворцовых служанок».

Некоторые историки считают, что Ань Дэхай, например, не был скопцом и что Цыси родила от него сына, который дожил по крайней мере до 20-х годов под именем Цзю Мин. Эту версию поддерживают и отдельные романисты, драматурги. Они не говорят прямо о любовной связи между императрицей и главноуправляющим, но делают достаточно ясные намеки на это: Цыси беседует с Анем в высшей степени интимно, никак не хочет с ним расстаться, и он отвечает ей тем же.

Однако гибель Ань Дэхая вдовствующая императрица снесла довольно спокойно — может быть потому, что Аня во всех отношениях заменил Ли Ляньин? По словам некоторых китайских публицистов, Ли Ляньину удалось избежать кастрации; на то же намекал Цзэн Пу в сцене гипноза из романа «Цветы в море зла». Но не исключена и другая вероятность: что Ань Дэхай и Ли Ляньин были настоящими евнухами. Известно, например, что Цыси не расправилась с губернатором Дин Бао-чжэнем, который казнил Ань Дэхая. Главная причина этого, по-видимому, состояла в том, что Дин выставил на всеобщее обозрение обнаженный труп казненного, наглядно опровергающий слухи об Ане как любовнике императрицы. А Ли Ляньину даже была посвящена специальная легенда, в которой он, будучи учеником сапожника и увидев могущество Ань Дэхая, сам кастрировал себя, чтобы попасть во дворец.

Впрочем, и эти предположения и легенды, в свою очередь, подвергаются сомнениям. Например, среди подчиненных Дин Бао-чжэня ходили слухи о том, что он демонстрировал обезглавленный труп не Ань Дэхая, а одного из его помощников.

Удобным местом развлечений для Цыси стала так называемая Студия исполнения желаний: «Эта студия была одновременно галереей или библиотекой, где хранились картины и прописи знаменитых мастеров. Но заведовали ими не евнухи, не фрейлины, а красивые юноши, которых отобрали во дворец примерно так же, как наложниц, — с той лишь разницей, что они должны были уметь рисовать. Когда весть о предстоящем наборе разнеслась по всем провинциям, многие молодые люди вахотели принять участие в этом

конкурсе. Первый тур прошло более ста семидесяти человек, второй — пятьдесят пять, третий — одиннадцать. Только последних решились показать Цыси. Выбрав двух, она поместила их в Студии исполнения желаний, а остальных девять сделала как бы кандидатами.

Оба счастливица, которых звали Лю Жумэй и Гуань Цюйань, получали каждый год по две тысячи серебряных лянов и по десять больших кусков шелка. Они были очень красивы, прекрасно рисовали, но в умении делать карьеру Гуань Цюйань далеко превосходил Лю Жумэя и за каких-нибудь полгода превратился во второго Ли Ляньина. Лю вышел из строгой чиновничьей семьи, вел себя скованно, поэтому Цыси не очень любила его. А Гуань был типичным шалопаем, в доме которого процветали сразу все религии (или, точнее, ни одной), живопись, легкое пение... Семнадцати лет он сбежал с одной театральной труппой, два года пел в кунь-наньской музыкальной драме, затем проигрался, украл вещи своего учителя и опять сбежал. Через полгода скитаний он вернулся к семье, однако на этот раз возмущенный отец сам выгнал его. Тогда Гуань ночью проник домой, похитил все деньги отца и отправился в Пекин, где целые дни проводил в публичных заведениях. Долго ли могут продержаться деньги у шалопаю? Зерез три месяца ему уже одеться было не во что, из увеселительных заведений его гнали, поэтому он стал петь и просить милостыню на улицах. Северяне, слыша томные южные песни, иногда раскошеливались, но по-настоящему ему повезло лишь у чайной Весенний цвет, где собирались главным образом евнухи из дворца. За чайной была специальная певческая площадка для развлечения гостей, и, если песня им нравилась, они платили щедро. Так случилось и на этот раз, когда Гуаня услышал евнух Ли Шестой. Захлопав в ладоши, он подозвал певца к себе, спросил его имя и дал ему целых три ляна. После ухода евнуха окружающие стали поздравлять Гуаня и советовать ему познакомиться с Ли Шестым поближе.

Гуань Цюйань был человеком сообразительным. Когда Ли Шестой пришел в чайную снова, он вежливо поклонился ему, завел с ним льстивый разговор и попросил его самого выбрать что-нибудь по песеннику. Ли выбрал арию о снеге, и Гуань постарался спеть ее со всем искусством, на какое был способен.

— Ты очень недурно поешь, мой мальчик, — сказал довольный евнух, — Наша Старая будда обожает слушать арии, и я мог бы кое-что посоветовать тебе.

Гуань, ни секунды не медля, стал просить дать ему этот совет.

— Сейчас при дворе создается Студия исполнения желаний, в которую ищут нескольких юношей, умеющих петь и рисовать, — молвил Ли Шестой. — Тебе стоит подать на конкурс: особенно если ты хоть немного владеешь живописью...

— Живописью?! — радостно воскликнул Гуань. — Да она для меня еще ближе, чем пение. Я умею рисовать и горы, и реки, и цветы, и травы. Если не верите, я могу показать вам.

— Отчего же? Верю и очень рад, — сказал евнух. — Тогда завтра я отведу тебя во дворец.

На следующее утро он принес Гуаню новую одежду, заставил его чисто выбриться, критически осмотрел юношу и остался доволен. Рекомендация Ли Шестого оказалась совсем не лишней, так как все кандидаты должны были иметь рекомендующих, а Ли пользовался влиянием при дворе. Помогла и красота юноши, и то, что его рисунки понравились Цыси, — короче говоря, вскоре Гуаня сделали управляющим Студии исполнения желаний.

Однажды вечером, когда он развлекался какой-то игрой с молодыми евнухами, к ним вошла фрейлина и сказала:

— Вы тут веселитесь, а Великая императрица беспокоится!

Гуань Цюйань посерел от страха, не понимая, чем он мог вызвать беспокойство Цыси. Фрейлина улыбнулась, открыла коробку, которую принесла с собой, и протянула Гуаню:

— Старая будда жалует тебе эти кушанья. Не исключена возможность, что она вызовет тебя, готовься! Тут только у юноши отлегло от сердца. Он взглянул на кушанья, понял, что они с императорского стола, хотел поблагодарить за милость, но фрейлина уже исчезла.

В душу Гуаня опять закралась тревога: „Почему Великая императрица так отличает меня? Может быть, она хочет мне что-нибудь поручить? Конечно, это очень приятно, но если я не сумею исполнить ее поручения, то мне несдобровать!" Тут его мысли приняли другое направление: „Ведь я всего лишь уличный певец. Если бы я не встретил господина Ли, я до сих пор бродил бы в лохмотьях и униженно кланялся деньгами. Теперь я счастлив только благодаря ему и Великой императрице, а это значит, что ради нее и умереть не жалко".

Он снова приободрился. В этот момент вернулась фрейлина, которая уже приходила, и произнесла:

— Великая императрица изъявила священное согласие принять Гуань Цюйяня во дворце Море мудрости!

Юноша поправил свою одежду, шапку и вслед за фрейлиной пошел по дорожкам парка. Всюду сияли разноцветные фонари, под ними стояли евнухи, готовые тщательно допросить каждого прохожего, но фрейлина делала им тайный знак, и они отступали. Все беседки, террасы, башни и павильоны были словно нарисованы искусным художником. Одна из беседок так и называлась: Прогулка на картине. Недалеко от нее оказалась пещера, пройдя которую Гуань увидел высокое строение с надписью „Море мудрости". Юноша почти-стельно остановился у ворот, расписанных драконами и фениксами, но фрейлина велела идти смелее, провела его через анфиладу комнат и, доложив о приходе Гуаня, сказала ему:

— Императрица ждет тебя, будь внимателен к ней!

Гуань Цюйянь осторожно вошел, и взору его предстал роскошный зал, выложенный каменными плитами. На противоположной стене над дверью висела надпись: „Зал человеческих радостей", а за дверями шла еще одна анфилада великолепно обставленных комнат. Посреди одной из них сидела Цыси и читала книгу. В ответ на поклон Гуаня она медленно отложила книгу и, велев ему сесть, стала с улыбкой расспрашивать юношу, сколько ему лет, из какой он семьи. Наконец она спросила:

— Вот ты умеешь рисовать, а можешь ли определить возраст картины?

— Я человек маленький,— ответил Гуань,— учился немного, но, пожалуй, смогу догадаться.

— Тогда я покажу тебе одну вещицу! — сказала Цыси и направилась в соседнюю комнату. Юноша, весь дрожа, пошел вслед за ней. Однако выбрался он из той комнаты лишь к следующему полудню. Какую древнюю картину показывала ему вдовствующая императрица, неизвестно, но с тех пор она вызывала его очень часто, подарила ему большой загородный дом и даже разрешила жениться на одной из фрейлин. Чем не счастье привалило шалопаю?».

Встретив в романе Сюй Сяотяня эту историю, я, признаться, решил, что уж она-то вымышленна, и вдруг в совсем ином, отнюдь не художественном источнике обнаружил «Краткую биографию Гуаня», где рассказывается, как Цыси соблазнила юношу, а затем осыпала его почестями. Вскоре нашлось еще одно подтверждение, так что мне вновь пришлось убедиться в большой достоверности старой китайской литературы на исторические темы.

Можно подумать, что в данном случае речь идет о чересчур мелких деталях, имеющих отношение только к личной жизни государыни. Но Сюй Сяотянь помогает увидеть, что актрисами она особенно увлеклась во время франко-китайской войны, и это стало одной из причин поражения Китая; кроме того, Гуань Цюйяня она приставила шпионом к заключенному Гуансюю.

Как у многих людей, обладающих большой властью, эротические позывы Цыси самым непосредственным образом влияли на государственную политику, поэтому в них рано или поздно нужно разобраться. Су Шунь перед казнью кричал в толпу, что вдовствующая императрица и его склоняла к сожительству, а после того, как он не согласился, возненавидела его — без учета этой версии нельзя говорить о мотивах целого исторического события, хотя окончательное решение здесь вряд ли достижимо. В 70—80-х годах XIX века любовником Цыси, возможно, был и Ли Хунчжан, чего не отрицал даже его личный секретарь. Наконец, в той же роли мог выступать князь Гун: «Конг был преданным другом и доверенным лицом Тсэ-Ги. Злые языки говорили, что дружба эта не ограничивалась одними политическими беседами... Существование любовной связи между пылкой двадцатисемилетней красавицей и молодым принцем было очень правдоподобно...».

В самом деле, ведь неприязнь Цыси к Гуну возникла лишь после расправы над Ань Дэхаем, которую организовал князь. Но он вполне мог пойти на это и из ревности. Императрице, как мы видели в случае с Жун Лу, тоже были свойственны подобные чувства, однако в большинстве ее любовных похождения ощущается практический расчет. По верным словам русского публициста начала нашего века, она «выбирала своих фаворитов между людьми, полезными ей в ту или другую минуту, удовлетворяя вместе с тем и требованиям своего пылкого темперамента»,

ИСКУССТВО, ИНОСТРАНЦЫ, ТИТУЛЫ И ДРУГОЕ

Почти так же утилитарно, как к мужчинам, Цыси относилась и к искусству, хотя по-своему интересовалась им. Например, Юй Жунлин рассказывает:

«Вдовствующая императрица очень любила заниматься каллиграфией, но зрение у нее к старости ослабело, поэтому она предпочитала крупные иероглифы. В марте, когда стало теплее, старуха находилась на Среднем озере и от нечего делать писала целыми днями, особенно иероглифы „счастье" и „долголетие", которые она затем дарила князьям или сановникам. Поскольку даров требовалось много, иногда за нее трудились члены академии Лес кистей.

Во время этих каллиграфических занятий в большом помещении ставили специальный стол, евнухи растирали для Цыси тушь, а мы стояли по обеим сторонам, держа тушечницу и кисти.

Если старухе хотелось писать иероглифы для символических названий дворцов и залов и она со своим маленьким ростом не могла дотянуться до верхнего края доски, ей приходилось вставать на скамейку, а евнухи и фрейлины тщательно следили, чтобы она не упала. Цыси работала уже с трудом, но, когда увлекалась, могла исписать за день семь-восемь досок.

Кроме нее, во дворце никто не умел выводить таких крупных иероглифов. Евнухи говорили, что Гуансюй тоже отличный каллиграф и не показывает своего искусства только из-за дурного настроения. Я видела его мастерство лишь один раз, когда он надписал веер для моего брата.

Цыси любила и рисовать. Во время нашей жизни при дворе она уже почти не делала этого, но часто требовала к себе на просмотр картины из Студии исполнения желаний. Однажды американская художница Карл, восхитившись цветущими в императорском саду хризантемами, поставила перед ними мольберт и принялась рисовать их. Цыси спросила ее:

— Почему вы, иностранцы, всегда пишете с натуры? Китайские художники могут рисовать хризантему и не глядя на нее.

— Ваши художники, — ответила Карл, — руководствуются воображением, а западные — действительностью.

— Даже если мы руководствуемся одним воображением, у нас получается очень хорошо. Почему же иностранцы так...— Тут старуха вспомнила, что Карл не понимает по-китайски, и закончила уже для нас: — Мне кажется, что иностранцы немного глуповаты.

На следующий день, решив доказать, что китайцы тоже умеют рисовать с натуры, Цыси велела Ли Ляньину позвать в сад нескольких членов Студии исполнения желаний. Для китайской национальной живописи обязательно нужен стол, на который кладется бумага, а в саду не было столов; к тому же членам Студии пришлось рисовать коленопреклоненными и выслушивать разные советы от Карл. Естественно, что им не помогло никакое мастерство. Увидев это, старуха приказала художникам сорвать несколько хризантем и рисовать их в другом месте.

Позднее евнухи рассказывали мне, что члены Студии исполнения желаний очень сердиты на Карл:

— Это все ее хитрый замысел! Мучила нас целый день, да еще опозорила! Надо, чтобы она тоже стояла на коленях, когда рисует Великую императрицу!»

В связи с каллиграфическими занятиями Цыси стоит отметить, что иероглиф „счастье“, начертанный самой правительницей, полагался только чиновнику не ниже второго ранга, а иероглиф „долголетие“ — сановнику не моложе пятидесяти лет. Но для своих фаворитов Цыси делала снисхождение. Например, однажды эти драгоценные прописи получил актер Ян Сяолоу.

Итак, можно заключить, что вдовствующая императрица не была лишена некоторых эстетических способностей. Логично поверить и художнице К. Карл, писавшей, что государыня «прелестно рисует цветы». Однако это доверие иссякает, когда американка восхищается литературными талантами Цыси: непонятно, как она могла составить о них представление, не зная ни китайского, ни маньчжурского языков. Если не считать цензурных нападок на чужие произведения, то императрица не оставила никакого следа в литературе — она была единственным цинским правителем, не опубликовавшим собрания своих стихов или других литературных сочинений.

Тем не менее Цыси сумела убедить окружающих, что она обладает незаурядными познаниями в литературе, и была очень довольна, если кто-нибудь не мог ответить на ее вопрос или знал меньше, чем она. Подобно многим правителям, вдовствующая императрица считала себя высшим авторитетом во всех искусствах и науках, не исключая даже медицины. В тех редких случаях, когда государыня заболела, придворные врачи щупали ее пульс, молча писали свои диагнозы и рецепты на отдельных листах и подавали ей, а она сама выбирала из них «наилучшие». Но если китайские лекарства ей не помогали, она боялась лечиться у иностранных врачей, так как была уверена, что они всегда режут, а лекарства у них делаются бог знает из чего.

В своих занятиях живописью и каллиграфией Цыси не стеснялась присваивать себе чужие творения. Чаще всего за императрицу рисовала или писала фрейлина Ляо Соцзюнь, а ее величество лишь ставила на этих произведениях свою печатьку. В то же время ее крайне раздосадовала К. Карл, подписавшая с о б с т в е н н у ю картину. Увидев на своем портрете какое-то иностранное слово, государыня спросила, что оно означает, и, когда ей сообщили, что перед ней — фамилия художницы, сказала: «Я знаю, что иноземцы делают всякие странные вещи, но это самая странная из всех, о которых я слышала. С какой стати она пишет свое имя на моей картине?! Люди могут подумать, что это вовсе не мой портрет, а мисс Карл!».

В отношении к иностранцам весьма ярко проявлялся общий консерватизм Цыси, очень характерный для эпохи насильственной «самоизоляции» Китая. По близким к истине словам Хасси, «об иностранных государствах и обычаях императрица не знала практически ничего, но быстро прониклась глубоким предубеждением против всего чужеземного». Когда Карл при первом визите поцеловала ей руку, Цыси была очень удивлена: она даже не слышала об этом европейском обычае. «Просвещенная» правительница долго думала, что в заморских странах деревья и горы просто безобразны,

верила, что христианские врачи-миссионеры делают лекарства из глаз китайских детей, и так далее.

Еще при жизни Сяньфэна Цыси вела агрессивно-авантюристическую политику по отношению к иностранцам, которую отдельные авторы склонны извинять молодостью и неопытностью наложницы. Видимо, по ее наущению император не разрешил генерал-губернатору Е Миншэню торговать с иностранцами, что среди других причин привело в конце 50-х годов XIX века к захвату Гуанчжоу (Кантона), а затем и Пекина. Интересно, что этот крупный провал ничему не научил Цыси, и в 1900 году ей снова пришлось бежать из столицы после неудачной осады посольств. Но теперь она, как уже говорилось, поняла силу чужеземцев и начала активно приглашать их к себе. Характерны в этом отношении вопросы, которыми она засыпала свою переводчицу после визита жены русского посланника: «Что еще сказала вчера госпожа Планшон? В самом ли деле она была довольна? Действительно ли иностранцы относятся ко мне так же, как я к ним? Боюсь, что они не забыли мятежа ихэтуаней в двадцать шестом году правления Гуансюя!».

Однако из ответного визита маньчжурские аристократки вынесли еще меньше, чем из первой встречи:

«— Ну как, хорошо поели? — спросила Цыси Великую княжну.— Что говорила русская посланница?

— Поели-то хорошо и хозяйка была очень радушна, но после обеда подали какую-то черную и горькую жидкость, которая испортила все впечатление,— ответила Великая княжна.

— Наверное, это был кофе. Говорят, он помогает пищеварению,— сказала Цыси и обратилась к моей матери.— Нельзя ли достать его? Я хотела бы попробовать.

— В городском доме вашей рабыни есть кофе. Я завтра же попрошу своих домашних почтительно преподнести его Старому предку!

С тех пор во дворце тоже стали пить кофе: одни с удовольствием, другие с отвращением, но Великая княжна решительно не желала прикасаться к нему».

В душе Цыси продолжала ненавидеть иноземцев, и эта неприязнь сказывалась даже в мелочах: «Я слышала, что иностранки носят платья без рукавов и воротника, но никогда не думала, что эти платья так уродливы»; «Почему у этих иноземок такие большие ноги? Их туфли похожи на корабли, да и ходят они как-то вразвалку. Кроме того, я никогда не видела иноземцев с красивыми руками. Хоть кожа у них и светлая, но вся покрыта волосами... Голубые или серые глаза мне тоже не нравятся, они напоминают кошачьи» и так далее.

При всей своей ненависти к иностранцам правительница считала возможным кое-что — очень немного — заимствовать у них. Так, пришедшие с Запада «идеи „самоусиления" и „обогащения" не встречали большого противодействия со стороны Цыси; она даже отнеслась благосклонно к предложению Цзэн Гофаня о посылке за границу для обучения техническим наукам группы китайской молодежи» — именно потому, что речь шла о технических, а не о гуманитарных науках, опасных для династии. Позднее вдовствующая императрица весьма охотно пользовалась в личных целях европейскими изобретениями: фотографией, электричеством, миниатюрным поездом, автомобилем, даже трехколесным велосипедом. Но выглядело все это, как демонстрирует Юй Жунлин, в высшей степени комично — и из-за преклонного возраста Цыси, и из-за ее консерватизма, и из-за пресловутых китайских церемоний:

«Однажды старуха поинтересовалась, умеем ли мы фотографировать. Она хотела сделать несколько своих снимков перед писанием портрета, чтобы меньше позировать, но считала неудобным звать постороннего фотографа. Мы с сестрой ответили, что не умеем снимать, зато наш второй брат Сюньлин умеет... Цыси спросила, чем занимаются Сюньлин и Цинлин (наш четвертый брат). Моя мать призналась, что ничем. Старуха тут же определила Сюньлина в Отдел электрического освещения, а Цинлина — в Пароходное управление.

На следующий день Сюньлин явился во дворец благодарить за милость и сделал несколько требуемых снимков. Наводя на резкость, он хотел встать на колени, но тогда не смог бы дотянуться до фотоаппарата. Чтобы не нарушить ритуал, Ли Ляньин решил принести ему скамейку, однако Цыси проявила еще большую снисходительность:

— Ладно, на время съемки избавляю его от коленопреклонения!

Но это оказались еще не все трудности. Сюньлин был очень близорук и не мог наводить на резкость без очков, а перед Цыси носить очки не разрешалось. Он снова обратился к Ли Ляньину, тот доложил вдовствующей императрице, и только тогда мой брат получил соизволение надеть очки...

С тех пор вдовствующая императрица постоянно звала моего брата фотографировать ее. Особенно нравилось ей во время съемок надевать на себя древние одежды или наряжаться бодисатвой Гуаньинь — богиней милосердия».

Не меньшим фарсом обернулись первые шаги электрического освещения в Китае. Электричество было проведено только во дворец, причем тайно, чтобы окружающие не знали, что государыня наслаждается услугами «заморских дьяволов». Использовались эти услуги тоже весьма своеобразно. Например, в летнем парке была поставлена высокая железная колонна с электрическим фонарем, который полагалось включать каждое утро в момент пробуждения Цыси. Евнухи всего двора видели горящий фонарь и тут же докладывали своим хозяевам: «Великая императрица почтила нас присутствием!».

А вот как описывает одна из фрейлин первое знакомство Цыси с велосипедом и автомобилем:

«Услышав, что государыня за последнее время очень обеспокоена русско-японской войной, Юань Шикай решил развеять тоску правительницы и послал ей в дар большой трехколесный велосипед. Старухе очень понравилась эта новинка; она даже совершила на ней круг по двору, поддерживаемая со всех сторон евнухами и фрейлинами. Шокированные князья и сановники решили объяснить вдовствующей императрице, что ей неудобно ездить на велосипеде. Но сказать прямо об этом они не смели, поэтому облекли свое недовольство в такую форму: „Если ваше величество все-таки упадет, мы не сможем простить себе этого!“ Цыси очень разгневалась и буркнула:

— Смотрите, даже до моего велосипеда им есть дело!

Вскоре Юань Шикай прислал еще один подарок — автомобиль. Согласно правилам, шофер не мог оставаться во дворце, поэтому он довел машину лишь до апартаментов Цыси. Осмотрев вместе с нами новую диковину, старуха пришла от нее в восторг, хотела прокатиться по парку, но тут выяснилось, что никто при дворе не умеет водить машину. Двое самых любопытных евнухов взяли было за руль, считая, что автомобиль устроен совсем просто, однако моя мать удержала Цыси от такого эксперимента:

— Не надо пускать их в машину, это очень опасно! Они же ничего не смыслят в механизмах!

В результате автомобиль пришлось спрятать, и старуха так ни разу и не поехала на нем».

Целый юмористический рассказ вольно или невольно получился у Юй Жунлин о том, как Карл писала портрет Цыси:

«Когда художница расставила мольберт и вынула палитру, старуха спросила мою мать:

— Почему она держит краски не на специальной тарелочке, а на какой-то доске?

Мать объяснила ей, что масляные краски полагается смешивать на палитре. Художница стала набрасывать углем силуэт вдовствующей императрицы. Цыси некоторое время сидела тихо, но потом потребовала показать ей работу. Увидев нечто сумбурное, она встревожилась:

— Неужели я так ужасно выгляжу?!».

Затем Цыси спросила мать фрейлины, «сколько дней и как вообще пишется портрет. Та объяснила, что у иностранцев на это иногда уходят месяцы и что нужно позировать перед мольбертом.

— А нельзя ли посадить кого-нибудь вместо меня? — нахмурилась старуха.

— Когда рисуется одежда, то можно, но ваше лицо никто не заменит, — ответила моя мать».

Цыси усмехнулась, довольная лестью, однако впоследствии, если сеанс затягивался, «начинала слегка нервничать и приказывала фрейлинам по очереди восседать на троне в ее одежде. Сама старуха, памятуя слова моей матери, соглашалась позировать преимущественно для изображения лица, но и в этих случаях иногда требовала заменить ее, поэтому на обоих портретах государыня вышла очень молодой и была чрезвычайно довольна этим».

Следует пояснить, что Карл написала два портрета Цыси: один остался во дворце, а другой послали на выставку в американский город Сент-Луис. Диковинный портрет пользовался на этой выставке шумным успехом. Затем он попал в Вашингтонское хранилище памятников искусства, а в 1966 году был подарен Государственному историческому музею на Тайване — «для укрепления американо-китайских культурных связей». Интересно, что даже некоторые буржуазные авторы увидели в этом насмешку со стороны американцев: намек на то, что тайваньские правители недалеко ушли от жесткой императрицы. Но только ли тайваньские?

Мысль о насмешке не лишена справедливости еще и потому, что руками Кэтрин Карл американцы основательно обобрали китайский двор. За один лишь портрет (не говоря уж о ежедневном содержании в течение года) посредственная художница запросила с Цыси сто тысяч американских долларов. Не меньший доход принесла демонстрация этого портрета в Сент-Луисе,

Когда портрет пересылали в США, вдовствующая императрица потребовала, чтобы его держали только вертикально — не дай бог положить или перевернуть вниз головой. Пришлось нести его на руках из загородного Парка согласия до пекинского вокзала, но в крытые вагоны портрет стоямя опять-таки не влезал; оставалось лишь везти его до Шанхая на товарной платформе.

Еще перед позированием суеверная Цыси молилась будде и духам предков, долго выбирала счастливое время не только для начала работы над портретом, но и для ее окончания. Карл была в большом затруднении, когда узнала, что она должна все завершить не раньше и не позже как к четырем часам дня 19 апреля 1904 года.

Судя по воспоминаниям Юй Дэлин, вначале вдовствующая императрица вообще была шокирована предложением написать ее портрет, поскольку в старом Китае человека обычно рисовали лишь после смерти, стремясь оставить его изображение потомкам. Светотень на картине она воспринимала как «грязь», «искажение» и предпочитала живописи фотографию, которая отражает все плоско и «точно».

Императрица не знала, что европейцы танцуют под музыку, думала, будто западные танцы — всего лишь непристойные прыжки мужчин и женщин по комнате, видела в европейских этических нормах некую варварскую противоположность конфуцианскому принципу сыновней почтительности. «Это правда, что иностранцы совсем не уважают своих родителей; что они бьют их и даже выгоняют из дома?» — спрашивала она.

Список таких анекдотических ситуаций, убеждений или вопросов можно продолжать до бесконечности, однако важнее подчеркнуть, что Цыси имела весьма смутное представление не только об иностранных, но и о внутренних делах: «Никуда не выезжая за пределы своих столичных дворцов, она не была знакома с жизнью и бытом китайского народа и обо всех событиях в стране судила лишь по тенденциозным в большинстве своем докладам и меморандумам столичных и провинциальных сановников».

И подобный человек, «компенсировавший» свое невежество хитростью и жестокостью, к сожалению, обожествлялся, причем весьма долгое время. Это отразилось в многочисленных титулах Цыси, которые можно перевести следующим образом: Милостивая, Благодетельная (Счастливая), Главная, Охраняемая, Здоровая, Глубокая, Ясная, Спокойная, Величавая, Верная, Долголетняя, Чтимая, Высочайшая, Мудрая, Возвышенная, Лучезарная. Эти титулы или, точнее, один огромный титул из шестнадцати иероглифов складывался постепенно; с каждой «заслужой» либо юбилеем к предыдущим иероглифам добавлялось еще два, а каждый из этих иероглифов приносил Цыси не только дополнительную славу, но и вполне ощутимый годовой доход: сто тысяч лянов, или примерно двадцать тысяч английских фунтов. Таким образом, весь титул, сложившийся к семидесятилетию императрицы, давал ей ежегодно миллион шестьсот тысяч лянов.

«Будничное» название Цыси было — Великая императрица, однако в Китае, где едва ли не все регламентировалось, так могли именовать государыню главным образом простолюдины и евнухи. Иногда они называли ее Старой или Почтенной буддой (этот титул был выдуман льстецом Ли Ляньином), а княжны и фрейлины — Почтенным или Старым предком, особенно в последние годы жизни Цыси. Император и императрица величали ее Отцом родным.

Слова «отец», «предок», да еще с эпитетом «старый», могут показаться весьма сомнительной любезностью для женщины, но, во-первых, вдовствующая императрица всегда старалась подчеркнуть свою силу и отнюдь не возражала, чтобы о ней говорили в мужском роде; во-вторых, в Китае, где, по конфуцианским традициям, существовало беспрекословное подчинение младшего старшему, даже женщины гордились солидным возрастом, и, в-третьих, слова «Почтенный» или «Старый предок» подразумевали, что Цыси положила начало новой семейной ветви, в действительности не существующей.

Кстати, этот титул тоже приносил императрице некоторую практическую выгоду. В романе Сюй Сяотяня есть такая сцена: когда Ли Ляньин советует Цыси приглашать во дворец актеров, она сомневается, не нарушит ли это заповедей предков. «Но ведь вы сами предок!» — услужливо возражает Ли Ляньин, и все препятствия сразу отпадают.

В спальне Цыси стояло множество стульев, которые все считались маленькими тронами Великой императрицы. Дело в том, что, если государыня садилась на какой-нибудь стул, его сразу же называли тронем и не разрешали пользоваться им никому другому без ее специального распоряжения. Сама Цыси считала такой порядок вполне естественным, однако понимала, что иностранцам он вряд ли понравится. Когда одна американка случайно уселась на стул, ошарашенный прикосновением Цыси, вдовствующая императрица была очень недовольна этим, но не упрекнула иностранку, а просто отозвала ее в сторону.

К тем забавным деталям, которые сообщались выше о портретах Цыси, стоит добавить, что вначале К. Карл хотела писать небольшой портрет, однако ее величество усмотрела в этом недостаточное уважение к себе и потребовала, чтобы холст был увеличен в несколько раз. После окончания работы, «прежде чем вынести портрет из дворца, была устроена церемония с земными поклонами, в которой участвовал даже несчастный император. А когда портрет везли по улицам, перед ним преклонял колени весь народ».

В действительности далеко не все китайцы так обожествляли Цыси, но об этом будет речь в следующей, последней главе. Сейчас я рассказываю, казалось бы, не очень значительных вещах, о разных мелких подробностях, однако без них невозможно составить по-настоящему выпуклое представление о самом характере жизни в Китае той эпохи. Впрочем, многие из этих колоритных черт, как мы уже знаем, перешли и к более поздним периодам.

СОПРОТИВЛЕНИЕ ИМПЕРАТРИЦЕ

Да, Цыси присвоила себе почти безграничную власть. С тем большим уважением наблюдаешь, как велика была оппозиция ей в условиях жесточайшего деспотического режима. Здесь и народные восстания, и деятельность реформаторов, попытавшихся устранить Цыси, и революционное движение, и заговоры одиночек, и выступления так называемых цензоров, которые имели официальное право на критику, но с которыми тем не менее часто расправлялись. По словам Хасси, императрица «боялась цензоров всю свою жизнь. Некоторых из них она смещала, судила, даже казнила, однако оставшиеся в живых и не утратившие твердости критиковали ее еще суровее».

Поскольку именно такие одинокие смельчаки известны нам меньше всего, стоит сказать о них подробнее. Еще при Ань Дэхае цензор Цзя До обвинил двор в расточительстве и в засилье евнухов. Вдовствующая императрица сразу издала указ о расследовании, снискала себе похвалы окружающих, а сама продолжала заниматься своим делом. Но вскоре цензоры Шэнь Хуай-кан и Яо Байчуань выступили против восстановления Парка радости и света, считая это совершенно ненужной тратой средств; к цензорам присоединился сановник Вэн Тунхэ, что позднее явилось одной из причин его разжалования.

После гибели Алутэ цензор Гуан Ань подал ко двору протест, фактически обвинив Цыси в убийстве, и тут ее величество не выдержала: чиновник лишился своего места. Еще более активные меры потребовались от нее через три года, когда другой цензор, У Кэду, покончил с собой на могиле Тунчжи и Алутэ, оставив резкий меморандум о незаконном выборе наследника. Чтобы нейтрализовать влияние этого самоубийства, Цыси пришлось устраивать многочисленные жертвоприношения и открыть несколько ярмарок, доходы от которых были розданы бедным.

Цензора Ту Жэньшоу, осмелившегося поддерживать реформаторские меморандумы, императрица в 1889 году сместила с должности. Правда, в 1901 году она восстановила его на службе, но сделала «заместителем начальника управления дворцовых банкетов», то есть презрела склонность Ту Жэньшоу к критике. И все-таки протесты не прекращались. Даже Кан Ювэй, который не был цензором и не имел официального права на обличения, решался говорить в лицо Цыси и Гуансюю такие слова: «Почему вы не принимаете мер для необходимой обороны государства, а только швыряете деньги на постройку роскошных дворцов? Почему не трудитесь, добиваясь порядка в государственных делах, а ведете праздную, разгульную жизнь?».

Выше я уже упоминал о евнухе Коу Ляньцае, погибшем из-за дерзкой речи перед Цыси. По некоторым данным, он начал обличать вдовствующую императрицу в 1906 году, но та сначала выгнала его, решив, что евнух просто сошел с ума. Тогда Коу передал своим родственникам записи, которые он вел во дворце, и вручил Цыси письменный меморандум, видимо, сразу уничтоженный, поэтому его точного содержания никто не знает. Говорят, что в нем были и обвинения в разврате, и «просьбы» не притеснять императора, побереечь скудеющую казну и страдающий народ, остановить строительство Парка согласия, прекратить постоянные спектакли при дворе, не проводить во дворец железную дорогу, сместить капитулянта Ли Хунчжана. Правительница страшно разгневалась и велела забить Коу Ляньцаю до смерти. Хотя ему было всего восемнадцать лет, он пошел на казнь, не дрогнув.

Тут ничто не вызывает особых сомнений, кроме даты—1906 год. Дело в том, что Сюй Сяотянь приурочивает гибель Коу Ляньцаю к дворцовому перевороту 1898 года. Конечно, от художественного произведения не надо ждать скрупулезной хронологической точности; но ведь о казни Коу пишет и Лян Цичао в работе конца XIX века. Роман снова оказывается достовернее некоторых исторических документов, так что я процитирую его, а окончательную проверку изображенного события оставлю историкам:

«Решив полностью сломить волю императора, Цыси отправилась на остров Интай. Гуансюй, уже давно тосковавший там, при ее появлении торопливо поднялся и отвесил

поклон. Цыси стала грозить ему еще более длительным заточением, но в этот момент евнух Коу Лянь-цай, тоже поклонившись, молвил:

— Ваш раб осмеливается спросить Старую будду, не собирается ли она держать здесь его величество вечно?

Цыси застыла, пораженная наглостью евнуха. Ли Ляньин рывкнул на Коу Ляньцай, однако тот все же решил продолжить:

— Я спрашиваю это, надеясь на милосердие Старой будды. И в Китае и за границей знают, что его величество управляет сам. Если положение изменить, то среди иностранцев могут начаться кривотолки. Умоляю Старую будду проявить священную мудрость и посчитаться с этим.

Цыси холодно взглянула на Гуансюя.

— Раз уж твой доверенный евнух смеет говорить со мной так дерзко, то я больше не удивляюсь, почему вокруг тебя появилось столько мятежников!

Она приказала Ли Ляньину отправить Коу Ляньцай в Зал милосердия и спокойствия, где она сама допросит его. Ли Ляньин, конечно, подчинился, а Цыси велела остальным евнухам тут же сломать каменный мост, ведущий на островок, и без ее специального указа не причаливать сюда ни одной лодке. Теперь император был окончательно отрезан от внешнего мира; кроме наложниц с ним жили только согладатаи вдовствующей императрицы.

Покинув Интай, старуха отправилась в Зал милосердия и спокойствия, где ее уже встречал коленопреклоненный Ли Ляньин. Она приказала втащить Коу Ляньцай и, предвкушая удовольствие, начала:

— Я знаю, что ты давно подбивал императора на реформы и затевал всякие интриги с людьми, не имеющими никакого отношения ко двору. Тогда у меня не было времени разбираться в твоих делишках, но теперь не жди пощады! Немедленно выкладывай все, что ты знаешь о связи императора с Кан Ювэем и Лян Цичао, — иначе тебя постигнет судьба Тань Сытуна и остальных!

Коу Ляньцай, даже не изменившись в лице, отчетливо произнес:

— Я занимался только тем, что прислуживал его величеству, а больше ничего не знаю. Если Старая будда хочет заставить меня говорить неправду, я предпочту умереть.

— Прежде чем умереть, ты еще заплатишься за свою дерзость! — крикнула Цыси и велела Ли Ляньину принести орудия пыток.

— Погодите! — воскликнул Коу Ляньцай. — Я все скажу.

И он начал говорить, но не о проступках Гуансюя, а о злодеяниях Цыси. С точностью математика он перечислил все ее «подвиги» вплоть до любовных связей с актерами и рождения незаконных детей. Старуха побагровела, хлопнула рукой по столу, приказывая вывести смельчака, однако Коу Ляньцай не стал дожидаться, пока его схватят. Он изо всех сил ударился головой о колонну и упал в лужу собственной крови.

— Негодяй! — дрожащим голосом произнесла Цыси, показывая на умирающего. — Ишь до чего обнаглел! Еще никто не осмеливался говорить со мной так бесцеремонно! Разрубить его труп на части в назидание другим!

Ли Ляньин приказал евнухам вытащить тело Коу Ляньцай из зала, а сам пошел провожать вдовствующую императрицу в Студию исполнения желаний», то есть к любовникам.

После реакционного переворота, учиненного правительницей в 1898 году, у нее появилось особенно много противников, причем к словесным протестам добавились физические действия. Лян Цичао, например, рассказывал о евнухах и служанках, которые покушались на жизнь Цыси и были казнены. Пэрл Бак описывает, как императрица ловит некоего «юношу с желтыми глазами», который хотел убить ее, и подвергает его пыткам. Но юноша умирает, так ничего и не сказав, и его желтые глаза все время преследуют Цыси.

Наиболее решительную оппозицию вдовствующей императрице и всей цинской монархии создали ранние китайские революционеры во главе с Сунь Ятсеном. Через три года после смерти Цыси им удалось провести первую в стране революцию, свергнуть маньчжурское иго и установить республиканский строй. И хотя революция вскоре была разгромлена, полного возврата к старым порядкам не произошло: патриоты сумели по крайней мере частично и временно облегчить судьбу своего народа. А историческая, мемуарная и художественная литература, напоминая о прошлом, до сих пор в своих лучших проявлениях борется с реставраторскими тенденциями и помогает усовершенствовать настоящее. Такое полезное единение различных литературных видов, каждый из которых сохраняет вместе с тем свою специфику, мы наблюдаем не только в Китае, но и во многих других странах.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Брандт Я. Я. Вдовствующая императрица Цыси и император Гуан-суй. — «Вестник Азии». 1909, № 1.
- Воспоминания придворной дамы о китайской императрице Цсу-Ти. — «Волна». 1912, № 2.
- Восстание ихэтуаней. Документы и материалы. М., 1968.
- Ефимов Г. В. Очерки по новой и новейшей истории Китая. М., 1951.
- Карл К. В гостях у вдовствующей императрицы. — «Новый журнал литературы, искусства и науки». 1906, № 3—5.
- Китай. — «Современная летопись». 1862, № 2.
- Китайская императрица. — «Русский вестник». 1900, т. 267, июнь.
- Китайская императрица и ее политика. — «Русский вестник». 1899, т. 260, март.
- Китайский двор в Синанфу. — «Русский вестник». 1901, т. 275, № 10.
- Корсаков В. В. Китайская императрица Цзи-Си. — «Вестник Европы». 1909, № 1.
- Новая история Китая. М., 1972.
- Нортон Вуд М. Роскошь китайского двора. Прием у императрицы-матери в Летнем дворце. — «Новый журнал литературы, искусства и науки». 1904, № 10.
- Пу И. Первая половина моей жизни. М., 1968.
- С. В. Китайская императрица-регентша Си-Тай Геу. СПб., 1900.
- Семанов В. И. Эволюция китайского романа. М., 1970.
- Тихвинский С. Л. Движение за реформы в Китае конца XIX века и Кан Ю-вэй. М., 1959.
- Тихвинский С. Л. История Китая и современность. М., 1976.
- Фань Вэнь-лань. Новая история Китая. М., 1955.
- Цзэн Пу. Цветы в море зла. М., 1960.
- Шкуркин П. Из недавнего прошлого Китая. — «Вестник Азии» 1915, № 35—36.
- Blackhouse E. T. and Bland J.O.P. Annals and Memoirs of the Court of Peking. L., 1914.
- Bland J.O.P. and Backhouse E. T. China under the Empress Dowager. L., 1910.
- Buck P. S. Imperial Women. N. Y., 1958.
- Carl K. With the Empress Dowager of China. N. Y., 1905.
- Collis M. New Sources for the Life of Empress Dowager Tz'u Hsi. L., 1944.
- Collis M. The Motherly and Auspicious. L., 1943.
- Der Ling. Two Years in the Forbidden City. L., 1912.
- Der Ling. Zwei Jahre am Hofe von Peking. Dresden-Leipzig, 1913.
- Haldane Ch. The Last Great Empress of China. L., 1965.
- Hall R. Eminent Authorities of China. L., 1931.

- Hummel A. W. (ed.). Eminent Chinese of the Ch'ing Period. Vol. 1—2, Wash., 1943—1944.
- Hussey H. Venerable Ancestor. The Life and Times of Tz'u Hsi, 1835—1908. Empress of China. N. Y., 1949.
- Johnston R. F. Twilight in the Forbidden City. L., 1934.
- Lie-Sou G. T'seu-Hsi, imperatrice des boxers. P., 1911.
- Martin B. The Strain of Harmony. Men and Women in the History of China. L., 1948.
- Sergeant P. W. The Great Empress Dowager of China. L., 1910.
- Vare D. The Last Empress. N. Y., 1936.
- Warner M. The Dragon Empress: a Biography of Tz'u-hsi. 1835—1908. L., 1972.
- Wen Ching. The Chinese Crisis from Within. L., 1901.
- Yao Hsin-nung. The Malice of Empire, Translated and with Introduction by Jeremy Ingalls. L., 1970.
- Ван Ши. Цыси тайхоу чжуань (Жизнеописание великой императрицы Цыси). Сянган. [Б. г.].
- Вань Цин вэньсюэ цунчао. Сяошо сицзюй яньцзю цзюань (Собрание литературных текстов поздней Цин. Работы о прозе и драме). Пекин, 1960.
- Гэнцзы шибянь вэньсюэ цзи (Собрание произведений 1900 г.). Т. 1—2. Пекин, 1959.
- Ду Чунфа. Цыси тайхоу (Великая императрица Цыси). — «Син ши» (Тайвань). 1970—1972. Т. 8, № 1 — т. 10, № 9.
- Ли Баоцзя. Гэнцзы гобянь таньцы (События 1900 года). Шанхай, 1935.
- Ли Жу. Цыси тайхоу ды хуасян (Портрет императрицы Цыси). — «Дахуа» (Сянган). 1967, № 33.
- Ли Нин. Цингунды фое юй «шихунь гэгэ» (Маньчжурские будды и «пробные жены»). — «Дахуа» (Сянган). 1967, № 23.
- Лян Цичао. Иньбинши хэци. Чжуань цзи (Собрание сочинений из комнаты сосущего лед. Специальные сочинения). Т. 1—24. Шанхай. [Б. г.]
- Мэньши таньху кэ. Цзиньши Чжунго миши (Тайная история Китая нового времени). Шанхай, 1904.
- Сюй Сяотянь. Цингун шисань чао яньи (Сказание о тринадцати маньчжурских императорах). Изд. 5-е. Т. 1—6. Шанхай 1949.
- Сю Хушэн. Не хай хуа бэньши (Фактическая основа «Цветов в море зла»). Шанхай, 1938.
- Сяо Ишань. Циндай тунши (Полная история цинской эпохи). Т. 1—3. Пекин, 1925.
- Сяохэнсянши чжужэнь. Цинчао еши дагуань (Подробное обозрение неофициальных историй династии Цин). Вып. 1. Цингун ивэнь (Рассказы о цинском дворе). Тайбэй, 1959.
- У Сянсян. Вань Цин гунтин шицзи (Правдивые записи о позднецинском дворе). Тайбэй, 1952.
- У Тайской, Чжоу Тяньбэй. Гуанской юй Чжэньфэй (Император Гуансуй и наложница Чжэнь). — Чуаньтун цзюйму хой-бянь (Собрание традиционных пьес). Т. 5. Шанхай, 1959.
- Цай Гуаньло. Циндай цибай мвнжэнь чжуань (Биографии семисот знаменитых людей цинской эпохи). Т. 1—3. Сянган, 1963.
- Цай Дунфань. Цинши тунсу яньи (Простонародное сказание по истории Цин). Т. 1 — 10. Шанхай, 1930.
- Цан Фу. Цзя цинь ван (Фальшивый князь крови). — «Дунфан цзачжи». 1915, т. 12, № 6—8.
- Цзэн Пу. Не хай хуа (Цветы в море зла). Пекин, 1955, 1962.
- Цингун сы да циань (Четыре удивительных дела при цинском дворе). Тайчжун. [Б. г.].

- Цин ши гао (Очерки истории Цин). Пекин, 1927.
- Цю Цзунчжан. Цзай Тянь вайцзи (Неофициальные записки о Цзай Тяне). — «Ицзэнн». 1937, № 29.
- Чжан Цзинлу. Чжунго цзиньдай чубань шилиао (Материалы по истории изданий в Китае нового времени). Вып. 1—2. Шанхай, 1953—1954.
- Чжоу Тяньбэй. Ань Дэ-хай данао лунчжоу (Евнух Ань Дэ-хай бесчинствует на императорском корабле). — Чуаньтун цзюйму хойбянь (Собрание традиционных пьес). Т. 5. Шанхай, 1959.
- Чжунго взньсюэ ши. Фудань дасюэ бянь (История китайской литературы. Фуданьский университет). Т. 1—2. Шанхай, 1959.
- Чжунго сяошо ши гао. Бэйцзин дасюэ бянь (Очерк истории китайской прозы. Пекинский университет). Пекин, 1960.
- Шань Шиюань. Цингунды сюной хэ гунной (Наложницы и фрейлины при цинском дворе). — «Дахуа» (Сянган). 1966, № 15—16.
- Юань Динчжун. Нара ши фаньдунды ишэн (Жизнь реакционной императрицы Нара). — «Лиши яньцзю». 1958, № 10.
- Югуй. Цин ми ши (Тайная история Цин). [Б. м.], 1904.
- Юй Жунлин. Цин гун со цзи (Заметки о цинском дворе). Пекин, 1957.
- Ян Цуньбинь. Цин гун вай ши (Неофициальная история цинского двора). Ч. 1. Гуанской циньчжэн цзи (Правление Гуан-сюя). Чунцин, 1944.

Владимир Иванович Семанов
ИЗ ЖИЗНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЦЫСИ
1835—1908

Издание 2-е, исправленное и дополненное

Утверждено к печати Институтом востоковедения Академии наук СССР

Редактор *О. Л. Горбунова*

Младший редактор *Н. В. Бершвили*

Художник *Л. С. Эрман*

Художественный редактор *Б. Л. Резников*

Технический редактор *Л. Е. Синенко*

Корректор *Р. Ш. Чемерис*

ИБ № 13655

Сдано в набор 07.03.79. Подп. к печати 17.10.79. А-02895. Формат 84X108 1/32.

Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 9,24. Уч.-изд. л. 9,39. Тираж 50000 экз. Зак. № 594. Цена 55 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»

Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

1-я типография Профиздата, Москва, Крутицкий вал, 18

Отпечатано во 2-й тип. изд-ва «Наука», Шубинский, 10. Зак. 2453